
ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СПбГУ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

д-р ист. наук *А. Ю. Дворниченко* (председатель), д-р ист. наук *Э. Д. Фролов*,
д-р ист. наук *Г. Е. Лебедева*, д-р ист. наук *В. Н. Барышников*, д-р ист. наук
Ю. В. Кривошеев, д-р ист. наук *М. В. Ходяков*, д-р ист. наук *Ю. В. Тот*,
канд. ист. наук *И. И. Верняев*

Издается по решению

Ученого совета исторического факультета

С.-Петербургского государственного университета с 2010 года

*На обложке книги изображена трехмерная модель южнорусского городища
XI–XII вв., выполненная на компьютере А. А. Фролкиным*

ТОМ
3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

И. Б. Михайлова

**МАЛЫЕ ГОРОДА
ЮЖНОЙ РУСИ
в VIII – начале XIII века**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2010

ББК 63.3(2)4

М69

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А. Ю. Дворниченко (СПбГУ),

д-р ист. наук, проф. Ю. В. Кривошеев (СПбГУ),

канд. ист. наук, доц. Вас. А. Булкин.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского гос. университета*

М69   **Михайлова И. Б.** Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. — СПб., 2010. — 294 с.

ISBN 978-5-288-05070-1

Монография посвящена актуальной и дискуссионной проблеме становления древнерусских городов. В ней рассматриваются вопросы градообразования, эволюции племенных центров в средоточия территориальных общин; показаны особенности процесса урбанизации в Киевской, Черниговской и Переяславской землях XI – начала XIII в. Книга написана на основе комплексного исследования широкого круга источников в русле историографического направления, сложившегося на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание рассчитано на исследователей, преподавателей, студентов-историков, археологов, регионоведов и краеведов.

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-288-05070-1

© Михайлова И. Б., 2010

© Издательство

С.-Петербургского университета, 2010

Оглавление

Введение	6
Глава I. Историография	10
Глава II. Племенные центры и средоточия территориальных общин	43
Глава III. Городские общины Киевской земли	86
Глава IV. Малые города Черниговской и Переяславской земель	175
Заключение	225
Список сокращений	228
Список источников и литературы	229
Именной указатель	254
Указатель географических и этнических названий	269

Светлой памяти
Ольги Ивановны
и Натальи Ивановны
Ивановых
посвящая.

Введение

О древнерусских городах писали многие отечественные и зарубежные ученые¹, однако их внимание привлекали главным образом крупные, хорошо развитые поселения. История малых городов интересовала их значительно меньше. Дореволюционные ученые эту проблему специально не исследовали: в их трудах содержатся отдельные лаконичные, но чрезвычайно ценные замечания об укрепленных поселениях домонгольского времени. В отечественной историографии XX в. она освещена более полно. Однако, по нашему мнению, в период до 60-х гг. предлагались надуманные, «кабинетные» концепции становления малых городов Руси, обусловленные недостатком археологических источников, а также общей историографической ситуацией того времени². Эти концепции вошли в противоречие с научными достижениями последующих лет. В 60–70-е гг. появились работы, как правило, основанные только на материалах раскопок; в них небольшие домонгольские города выступают статичными соци-

---

¹ Историографический обзор см.: *Карлов В. В.* 1) О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья. (К постановке вопроса) // *Русский город: Историко-методологический сборник* / Под ред. В. Л. Янина. М., 1976. С. 32–69; 2) К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // *Русский город: Проблемы градообразования* / Под ред. В. Л. Янина. Вып. 3. М., 1980. С. 66–84; *Рапов О. М.* Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // *Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии* / Отв. ред. В. А. Ежов, И. Я. Фроянов. Л., 1983. С. 51–69; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 8–17; *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // *ВИ.* 1994. № 10. С. 43–51.

² Об этом см.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 213–319.

альными общностями с раз и навсегда приобретенным статусом. При многочисленности публикаций об отдельных поселениях в то время не было создано трудов обобщающего характера³. Обстановка изменилась в 80–90-е гг., когда исследователи стали изучать малые древнерусские города в их развитии⁴. Существенный вклад в разработку этой проблемы внесли работы А. В. Кузы, который обобщил сведения (главным образом, археологические) о небольших укрепленных поселениях Древней Руси⁵. Вместе с тем исследователи урбанизационного процесса в Древней Руси продолжают задаваться многочисленными вопросами, решение которых позволит составить более полное и адекватное представление о нем. Ученых интересуют спорные или слабо освещенные вопросы генезиса малых городов, определение их социальной природы, политического устройства и статуса, изменявшихся вследствие эволюции древнерусского общества. Необходимо основательно исследовать взаимоотношения городских поселений друг с другом в племенных образованиях «Русская земля», «Киевская Русь», в землях-государствах XI – начала XIII в.

В название монографии вынесен термин «Южная Русь». Он применяется нами для обозначения обширной территории, простиравшейся на севере до верховьев рек Стыри, Уборти, Ужа, на Левобережье Днепра — в Подесенье, на северо-востоке — до истоков рек Сейма и Северского Донца, ограниченной на востоке р. Пслон, на юге — р. Росью. В рассматриваемое время этот регион отличался относительным однообразием природных, экономических, социальных

---

³ Определенным этапом в изучении исследуемой проблемы стала коллективная монография «Древнерусские княжества X–XIII вв.» под редакцией Л. Г. Бескровного (М., 1975), в которую включены все известные на тот момент данные об укрепленных поселениях Южной Руси. Однако малые города в этой книге не выделены в специальный предмет исследования.

⁴ Коваленко В. П. Основные этапы развития летописных городов Чернигово-Северской земли // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Киев, 1987. Т. I. Вып. 2а. С. 132–128; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990; и др.

⁵ Куза А. В. 1) Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 39–94, 96–135; 2) Малые города Древней Руси. М., 1989.

и политических факторов. Он находился в зоне лесостепи, переходившей на севере в леса, на юге — в степи. Однообразие естественно-географических условий во многом определило равномерность развития производительных сил местного общества. На территории региона сравнительно рано, в VIII в., появились первые города — племенные средоточия древлян, полян и северян. В первой половине IX в. здесь сформировалось межплеменное образование «Русская земля»⁶. Впоследствии его «столица» превратилась в главный город грандиозного союза племен «Киевская Русь». В XI — первой трети XIII в. на территории Южной Руси находился основной фонд земель Киевского, Черниговского и формировавшегося Переяславского государственных образований. В домонгольский период в состав этих государственных образований входили также более северные области: часть земли вятичей, территория дреговичей и Берестейское Побужье. Связи этих областей с Южной Русью носили в основном политический характер, но были недостаточно стабильными. Их население тяготело к другим древнерусским землям⁷. Поэтому размещавшиеся на этих территориях города в настоящей книге не рассматриваются.

Предлагаемая вниманию читателя монография написана в русле историографического направления, сложившегося на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Она является результатом многолетних исследований проблемы процесса урбанизации в Древней Руси, проводившихся в атмосфере доброжелательной заинтересованности, участия и помощи со стороны учителей и коллег — специалистов по истории отечественного и зарубежного Средневековья, археологов и этнографов, библиотечных и музейных работников. Автор выражает им всем глубокую благодарность; прежде всего — декану исторического факультета СПбГУ, доктору исторических наук, профессору Андрею Юрьевичу Дворниченко и заместителю декана по научной работе, кандидату исторических

---

⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–45; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 84.

⁷ См.: Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 3.

Введение

наук, доценту Игорю Ивановичу Верняеву, оказавшим наиболее существенную поддержку, без которой эта книга не была бы издана. Также за участие и терпение признательна моим родным и И. Г. Слободянюк, осуществившей компьютерную подготовку рукописи к печати.

Глава I. Историография

Малые города Южной Руси домонгольского периода отечественной истории привлекали внимание ученых уже в XVIII – начале XIX в. В то время древнерусский князь считался верховным владельцем всех находившихся под его управлением земель. Этим представлением было обусловлено решение вопросов генезиса и социального статуса малых городов домонгольской Руси¹. Было распространено мнение, что «самовластные государи», заботясь о благе подданных и обеспечивая их безопасность, строили вдоль южных границ своих владений крепости и «сводили» в них воинов, переселяя последних из подвластных княжеств. Это способствовало усилению государства и упрочению власти киевских «монархов»². Так, М. М. Щербатов писал, что население, переведенное с севера, «приумножит силу государства, торговлю и учинит страну боле в состояние делать отпор часто чинящим набеги неприятелям», а также позволит «всегда в скорости иметь сильное воинство»³. По мнению Н. М. Карамзина, гра-

---

¹ Пузанов В. В. 1) К вопросу о верховной собственности на землю в Древней Руси в дореволюционной историографии // Вестник Ленинградского ун-та. 1988. Сер. 2. Вып. 4. С. 7; 2) Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995. С. 12–13.

² Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 64; Штрингер И.-Г. История Российского государства. Ч. I. СПб., 1800. С. 79; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 270, 272; Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770. С. 273; Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. I. СПб., 1787. С. 129; Лерберг А. X. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 359; Строев П. Краткая российская история. М., 1819. С. 19; Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I. СПб., 1842. Стб. 134, 144; Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849. С. 38.

³ Щербатов М. История Российская... Т. I. С. 273.

достроительная деятельность князей была направлена на то, чтобы «удобнее образовать народ», а также создать войско, «коему надлежало быть грозой и внешних неприятелей, и внутренних мятежников»⁴. Историки сходились в том, что киевские «монархи» раздавали южнорусские земли с крепостями на них своим дружинникам⁵.

Однако уже тогда эта точка зрения стала вызывать у некоторых исследователей сомнения. Внимание В. Н. Татищева и Г. П. Успенского привлекли сообщения летописей о поднепровских городах восточных славян, существовавших еще до появления в Киеве Рюриковичей⁶. Н. Г. Устрялов усомнился, «князья ли воздвигали их (крепости. — *И. М.*) для безопасности от неприятелей, более внутренних, чем внешних, или народ чувствовал выгоды общежития и строил их по внутреннему влечению»⁷. Однако он не дал ответа на этот вопрос. М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов иначе, чем их предшественники, подошли к вопросу о статусе южнорусских городов. Исследователи рассматривали их как опорные пункты, из которых норманнские князья-завоеватели и их дружинники управляли покоренными славянами. Сюда же свозилась дань, собранная на землях побежденных племен⁸. Согласно М. П. Погодину, дружинники получали малые города не в частное владение, а «в управление и себе на содержание»⁹.

Мнение историков XVIII — начала XIX в. о южнорусских укрепленных поселениях как центрах властвования киевских «монархов» разделяли некоторые исследователи второй половины XIX в., однако широкого распространения оно не получило¹⁰. Трактовка, осно-

---

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I. Стб. 76, 134.

⁵ Штриттер И. История Российского государства. Ч. I. С. 60–61; Щербатов М. История Российская... Т. I. С. 240; Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. I. С. 366; Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I. Стб. 76, 143, 144; и др.; Устрялов Н. Русская история. Ч. I. СПб., 1837. С. 65.

⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 234. Прим. 193; Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1811. С. 272.

⁷ Устрялов Н. Русская история. Ч. I. С. 188.

⁸ Там же. С. 71, 188; Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. М., 1846. С. 61, 63, 235, 504.

⁹ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1871. С. 80.

¹⁰ Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1851. С. 12; Хлеб-

ванная на буквальном понимании летописного текста, не подтвердилась новыми источниками, введенными в научный оборот в XIX в. Те исследователи, которые пытались согласовать взгляды предшественников с наблюдениями ученых-современников, запутались в собственных выводах¹¹. Например, Д. И. Иловайский считал город Василев то крепостью, построенной киевским князем, то старинным общинным центром¹².

Во второй половине XIX в. сформировался иной подход к изучению малых укрепленных поселений Южной Руси. В статье «Города на Руси до монголов» (1848) И. Д. Беляев попытался преодолеть представление о том, что небольшие крепости и крупные населенные центры, существовавшие в Поднепровье еще до появления здесь Рюриковичей, имели разный статус. Историк обратил внимание на их «общий тип», наблюдал развитие в этих поселениях «общинной жизни»¹³. Он охарактеризовал их не только как военные крепости, но и как точки «центрального соединения того племени, которое построило город». Историк датировал появление малых городов временем расселения в Поднепровье восточных славян. По распоряжению вокняжившихся в Киеве Рюриковичей на общинных центрах были возведены детинцы «для утверждения их (старейших князей. — И. М.) власти и для охранения границ от неприятельских набегов»¹⁴. Никаких других изменений в общинной жизни местных поселенцев исследователь не обнаружил. Взгляды И. Д. Беляева оказали существенное

ников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 93, 94, 226; *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. С. 117, 119; *Аристов Н. Я.* О земле половецкой (историко-географический очерк). Киев, 1877. С. 25; *Житецкий И.* Смена народностей в Южной Руси (историко-этнографические заметки) // Киевская старина. 1883. Год. 2. Т. VI. Июль. С. 417–418; *Бережков М.* Святой Владимир — строитель городов // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1888. Кн. 2. С. 78.

¹¹ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 44–46, 115, 258; *Голыцын Н. С.* Русская военная история. Ч. I. СПб., 1877. С. 42; *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. М., 1906. С. 62, 242.

¹² *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. С. 242.

¹³ *Беляев И.* Города на Руси до монголов // ЖМНП. 1848. Ч. LXVII. Январь. С. 159, 169.

¹⁴ Там же. С. 157. Примеч. 2, 158, 160.

влияние на последующую историографию, несмотря на то, что сам исследователь в более поздних работах от них отошел¹⁵.

Точка зрения И. Д. Беляева получила признание и развитие в трудах С. М. Соловьева, М. Д. Затыркевича и В. О. Ключевского. Эти исследователи тоже увязывали генезис малых южнорусских городов с деятельностью киевских князей, однако, в отличие от историков XVIII в., они считали, что здесь проживали не дружинники, а «удалые» люди, организованные наподобие позднейшего казачества. «Заставы» имели оборонительное значение, но возводились не в безлюдной местности, а в гуще славянских поселений. Поскольку в историографии XIX в. господствовало представление о княжеских дружинниках как инородном институте, чуждом славянскому обществу¹⁶, то утверждение о вольных богатырях, служивших в южнорусских крепостях, привело исследователей к выводу об отсутствии противоречий между местными жителями и переселенцами. По их мнению, деятельность пахарей-ратников, строивших и защищавших крепости, стимулировала развитие местной общинной жизни.

Согласно С. М. Соловьеву, «свободное, созданное отовсюду народонаселение из самых удалых людей», «зерно казачества», обосновавшееся в основанных князьями городах, было «доступнее для принятия новых форм быта, новых условий общественной жизни, чем живущее рассеянно, отдельными родами сельское народонаселение; в городах сталкивались чужеродцы, для которых необходимы были новые правительственные отношения, новая гражданская связь». Значит, с появлением укрепленных поселений восточнославянское общество вступило в новую фазу развития: начался процесс формирования городской волости. Под защитой укреплений сосредоточи-

---

¹⁵ В книге «Рассказы из русской истории» исследователь вернулся к тезису о постройке крепостей князьями и заселении их военными гарнизонами (*Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. I. М., 1865. С. 72, 77*). В «Лекциях по истории русского законодательства» И. Д. Беляев одновременно охарактеризовал малые города Поднепровья и опорными пунктами властвования Рюриковичей, возведенными по их указу, и общинными центрами (*Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 38, 141*).

¹⁶ *Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 66–67; Горский А. А. Древнерусская дружина: К истории генезиса классового общества и государства на Руси. М., 1989. С. 3–5.*

валось посадское и церковное управление, суд; устанавливались связи города с сельской округой. Горожане «стали выводить деревни, населяя их рабами»¹⁷.

Фабула рассуждений С. М. Соловьева была воспринята М. Д. Затыркевичем, который, однако, использовал ее для создания надуманной концепции, преувеличившей роль кочевников в русской истории. Несмотря на то, что концепция М. Д. Затыркевича «вызвала резкую критику современников»¹⁸, отдельные высказывания историка заслуживают внимания. Исследователь полагал, что основанные «варягорусскими князьями» среди «старославянского населения» города долгое время пустовали, выполняя функции лишь временных пристанищ для окрестных жителей во время военных действий. Со временем их заполнили выходцы из распадавшихся «славянских общин»: преступники, беглые рабы и «крепостные крестьяне», насильственно переселенные князьями в южные цитадели. Здесь также обосновались кочевники, оседавшие на землю. В дальнейшем, «вследствие непрерывной ловли степного населения», все оно переместилось в южнорусские города, откуда расселилось по всей Руси, ассимилировалось со славянами, подчинило их своему влиянию. Таким образом М. Д. Затыркевич представлял «основание новой народности — народности Южнорусской, и нового Государства — Государства Русского»¹⁹. Исследователь справедливо указывал на важную роль в экономике малых городов Южной Руси земледелия и промыслов; отмечал отсутствие здесь «промышленного, торгового и ремесленного сословия, отличного от земледельческого сословия»; считал, что укрепленные поселения были административными, военными и религиозными центрами сельских округ²⁰.

Несколько иного мнения придерживался В. О. Ключевский. Он считал, что построенные Рюриковичами укрепленные поселения

---

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1960. С. 71, 199, 235, 236.

¹⁸ Мавродина Р. М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историкографический очерк. Л., 1983. С. 32.

¹⁹ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 91, 92, 95, 105, 145–146, 157.

²⁰ Там же. С. 127.

органично вписались в разветвленную сеть городских волостей, сформировавшихся в Поднепровье еще до появления здесь варягов. Историк утверждал, что «первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей»²¹. Вслед за С. М. Соловьевым В. О. Ключевский писал, что крепости, созданные Рюриковичами, были заселены вольными ратными людьми, которые унаследовали военные традиции варяжских витязей и осевших на землю кочевников²².

Определенную роль в формировании представлений об общинном характере небольших укрепленных поселений сыграли труды П. В. Киреевского, В. И. Сергеевича и И. А. Линниченко — историков, писавших о вечевом строе в южных землях домонгольской Руси²³.

На качественно новую ступень поднялось исследование малых городов Южной Руси в трудах Н. И. Костомарова. Ученый попытался осмыслить их генезис в контексте эволюции народной жизни в этом регионе: переключив внимание на развитие внутренних процессов в местном обществе, он представил градостроительство князей как второстепенный фактор, не имевший созидательного значения. Историк полагал, что с древнейших времен славяне, расселившиеся вдоль Днепра и по его притокам, «жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах — укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления»²⁴. Колонизация окрестных земель привела к увеличению населения общин, появилась потребность в новых центрах, координирующих их жизнедеятельность. Возникли пригороды, сохранявшие тесную связь с городами-метрополиями.

---

²¹ Ключевский В. О. Курс русской истории... Ч. I. М., 1937. С. 160; см. также: Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 22.

²² Ключевский В. О. Курс русской истории... Ч. I. С. 287, 289.

²³ Суждения и выводы этих историков об общинном характере малых южнорусских городов см.: Киреевский П. В. О древней русской истории // Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. С. 37; Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 3, 10, 16; Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 8.

²⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. СПб., 1912. С. 1.

Часть пригородов появилась в результате градостроительной деятельности Рюриковичей, однако, по наблюдениям Н. И. Костомарова, не все малые центры были основаны князьями, некоторые городки существовали с давних пор и были только укреплены. Из переселенцев-воинов, которые не были связаны с коренными жителями Поднепровья «этнографическим единством и местными преданиями», сформировалось «высшее сословие». Вместе с черными клобуками — проживавшими на Русской земле и служившими киевским князьям кочевниками — оно оказывало заметное влияние на социально-политическую жизнь этого региона²⁵.

Концепция Н. И. Костомарова получила дальнейшее развитие в работах украинских историков XIX в., которые ввели в научный оборот обширный фонд новых материалов, что позволило им провести тщательные и более глубокие исследования процесса урбанизации в южных землях Древней Руси.

Так, Д. И. Багалея обозначил три этапа в развитии укрепленных поселений Северской земли. По его мнению, «древнейшие русско-славянские поселения» превратились в пригороды Переяславля и Чернигова, а последние в конце XII в. приобрели статус небольших княжеских уделов²⁶.

Следует отметить точку зрения П. В. Голубовского, который считал, что градостроительная деятельность князей Олега, Владимира Святого и Ярослава Мудрого была одним из аспектов политики киевской общины, стремившейся «удержать в подчинении северян и закрепить за полянами захваченную ими территорию». С этой целью среди племенных центров северян — городов, возникших еще в «докняжеское время», Рюриковичи возводили крепости и размещали в них гарнизоны «пограничной стражи». Однако противостояние «мужей», служивших в крепостях, и местных соплеменников продолжалось недолго: мирное население, занимавшееся земледелием и промыслами, перебралось в княжеские «заставы». К XII в. старые племенные центры и построенные

---

²⁵ *Костомаров Н. И.* 1) Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872. С. 135, 183, 190; 2) Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872. С. 34; 3) Русская история... Кн. I. С. 5–6.

²⁶ *Багалея Д.* История Северской земли до половины XIV столетия // Сборник сочинений студентов университета Св. Владимира. Киев, 1882. Вып. 4. С. 57, 63, 161.

Юриковичами «заставы» уже не отличались друг от друга: и те, и другие вошли в состав государственных образований, сформировавшихся на территории Днепровского Левобережья. Стерлись грани и в социальном облике их обитателей: в Северной земле сложился особый тип населения — «земледельцы-воины»²⁷. Основываясь на археологических материалах и данных топонимики, П. В. Голубовский попытался решить некоторые спорные вопросы о границах Северной земли и размещении здесь ряда малых городов²⁸.

Точка зрения П. В. Голубовского получила дополнительную аргументацию в работах В. Г. Ляскоронского. Последний тоже считал, что укрепленные поселения северян были племенными центрами, принял тезис о фортификационном строительстве киевских князей с целью утвердиться на территории Днепровского Левобережья, писал о постепенном слиянии дружинных застав и восточнославянских «градов»²⁹. Дополнительное обоснование в его работах получили выводы П. В. Голубовского об общинном характере городов Посулья, Городца-Остерского, других центров Переяславской земли³⁰. Представляет интерес предположение исследователя о том, что выступление населения северских городов в 1015 г. имело антикиевскую направленность³¹. Исследовав обширный фактический материал, В. Г. Ляскоронский пришел к выводу о том, что чернигово-северские укрепленные поселения XI — середины XIII в. были средоточиями самоуправлявшихся общин. Историк констатировал: «Вечевой склад жизни обнаруживался в удельный период не только в Переяславле, но и в тянувших к нему землях», а также «в Курске и в соседних с

---

²⁷ Голубовский П. В. 1) История Северной земли до половины XIV века // Сборник сочинений студентов Университета Св. Владимира. Киев, 1881. Вып. 3. С. 13, 43–44, 53; 2) Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 103, 136, 137.

²⁸ Голубовский П. В. 1) Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргошь, Сновск, Уненеж, Хороборь? // ЖМНП. 1903. Май. С. 11–135; 2) Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле. 1905 г. Т. II. М., 1908. С. 1–50.

²⁹ Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 135, 159, 172, 180, 181, 277, 279–280, 452–453, 468.

³⁰ Там же. С. 172, 180.

³¹ Там же. С. 452.

ним местах — Путивле, Выре, Выхани и пр.» По наблюдениям В. Г. Ляскоронского, демократия малых общин Днепровского Левобережья базировалась на их военной силе. Каждая община выставляла закаленное в борьбе с кочевниками ополчение — «сотню», которую возглавлял выборный военачальник — сотский³².

Выводы украинских ученых об общинном характере малых городов Южной Руси, эволюционировавших из племенных центров в главные поселения государственных образований — земель или пригороды последних, обрели форму завершенной, целостной концепции в трудах М. С. Грушевского. Согласно ему, небольшие южнорусские укрепленные поселения появились на определенном этапе развития племенного строя (перед этим прошедшего фазы родовой и сельской территориальной общин) как средоточия жизни земледельческих округ. Оборонительные сооружения возводились совместными усилиями общины, а потому и размеры поселения зависели от количества строителей. Племенные центры возникали одновременно как на правом, так и на левом берегах Днепра. К началу IX в. все они попали в зависимость от Киева. В «удельный» период истории племенные центры Среднего Поднепровья превратились в пригороды «Русской столицы», Переяславля и Чернигова. В это время некоторые малые города, прежде всего те, которые были расположены на перекрестках торговых путей или в местности, имевшей стратегическое значение, обогнали в развитии более слабые общины. В XII в. небольшие общины объединились в союзы, образовались целостные районы Погорынья и Поросья. Тогда же в некоторых пригородах были учреждены княжеские столы³³.

К концу XIX в. представления об общинном характере малых городов Южной Руси прочно утвердились в историографии. Теперь исследователей занимали вопросы, каким образом формировались южно-русские земли, состоявшие из городовых общин, и как складывались отношения между последними? Впервые их поставил

---

³² Там же. С. 457, 467.

³³ *Грушевский М.* 1) Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 2, 86, 290; 2) *Історія України-Руси*. Т. 1. Львів, 1904. С. 168, 169, 178, 209, 322–323; 3) *Історія України-Руси*. Т. 2. Львів, 1905. С. 258, 279, 280, 281, 284, 286, 296, 297.

В. И. Сергеевич в книге «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей»³⁴.

Согласно мнению ученого, формирование древнерусских земель происходило двумя путями: военным, при котором сильные города покоряли слабые общины, и мирным, когда жители метрополии селились на принадлежавших ей окрестных землях³⁵. Какой из них был характерен для Киевской, Черниговской и Переяславской земель, исследователь не указывает. Если принять во внимание то, что В. И. Сергеевич упоминал о возведении крепостей на территориях, отвоеванных у кочевников и разоренных ими, то можно предположить, что он имел в виду ненасильственный вариант заселения порубежных районов. При этом остается невыясненным вопрос о судьбе укрепленных поселений восточных славян, построенных ими до прихода варягов в Поднепровье: особенно племенных центров, удаленных от степной границы³⁶.

Вслед за В. И. Сергеевичем вышеуказанные вопросы освещали М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, И. Е. Забелин, Н. П. Загоскин, С. А. Корф, А. Е. Пресняков, Д. Я. Самоквасов. Согласно первым четырем исследователям, пригороды занимали пустующие земли, их зависимость от старших городов обуславливалась близостью Степи³⁷. При этом И. Е. Забелин предполагал, что малые города несли ответственность за безопасность всей земли, а потому их возводили и укрепляли не только «столичные» общины, но и жители соседних пригородов³⁸. По наблюдениям М. Ф. Владимирского-Буданова и М. А. Дьяконова, «привязанность» колоний к метрополии была обусловлена тем, что их население укрывалось за стенами

---

³⁴ Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.

³⁵ Там же. С. 28–29.

³⁶ О двух типах малых укрепленных поселений на южнорусских землях у В. И. Сергеевича см.: Там же. С. 2. Примеч. 2.

³⁷ Об этом см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. С. 23; Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Т. I. Юрьев, 1907. С. 66–67; Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1908. С. 618–619; Корф С. А. История русской государственности. Т. I. СПб., 1908. С. 17.

³⁸ Забелин И. История русской жизни... Ч. I. С. 618–619.

старшего города во время военной опасности³⁹. Иначе представляли генезис южнорусских земель Н. П. Загоскин и А. Е. Пресняков. Эти исследователи считали, что статус пригородов приобретали укрепленные поселки восточных славян, которые в результате «колониационно-завоевательной» деятельности Киева, Чернигова и Переяславля оказались от них в зависимости⁴⁰. При этом Н. П. Загоскин наблюдал преемственность в развитии славянских «территориальных волостей» и новых государственных образований⁴¹. В свою очередь, А. Е. Пресняков между племенами восточных славян и «состроенными княжой силой» землями преемственности не прослеживал⁴². О двух вариантах сложения южнорусской земли (подчинение малых общин сильному городу и вывод колоний населением метрополии) писал Д. Я. Самоквасов⁴³.

Обзор дореволюционной исторической литературы, посвященной исследуемой проблеме, будет неполным, если не назвать имен археологов, которые, осуществив масштабные по критериям XIX в. раскопки, пришли к выводам, аналогичным тем, что были сделаны исследователями-теоретиками: об общинном характере укрепленных поселений Киевской, Чернигово-Северской и Переяславской земель. Так, Д. Я. Самоквасов, обследовавший укрепленные поселения Днепрового Левобережья, назвал их «общественными селитьбами славяно-русов»⁴⁴. По мнению Л. В. Падалки, малые южнорусские города были построены еще восточными славянами; в IX – середине XIII в. они являлись «центрами всех жизненных интересов <...>

³⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 23; *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя... Т. I. С. 66–67.

⁴⁰ *Загоскин Н. П.* История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Казань, 1899. С. 414; *Пресняков А. Е.* 1) Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 188, 189, 194–195, 204; 2) Лекции по русской истории... Т. I. М., 1938. С. 96, 137.

⁴¹ *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Т. I. С. 414, 484.

⁴² *Пресняков А. Е.* 1) Княжое право... С. 116; 2) Лекции по русской истории... Т. I. С. 97, 137.

⁴³ *Самоквасов Д. Я.* 1) Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 54, 152; 2) Исследования по истории русского права. Вып. I. М., 1896. С. 56.

⁴⁴ *Самоквасов Д. Я.* 1) Исследования по истории... Вып. I. С. 56; 2) Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 35.

тянувших к ним территорий»⁴⁵. В. В. Хвойко, подчеркивая многофункциональность малых городов Поднепровья, писал: «В них и вокруг них обитали люди, происходила торгово-промышленная деятельность, погребались умершие, приносились жертвы и происходили народные собрания, — словом, сосредоточивалась жизнь народа в самых многообразных проявлениях»⁴⁶.

Итак, к началу XX в. представления исследователей о социальном характере и статусе малых городов Южной Руси коренным образом изменились. В XVIII — первой трети XIX в. их считали крепостями, населенными княжескими дружинниками, опорными пунктами властвования киевских «монархов». Во второй половине XIX — начале XX в. их стали изображать полифункциональными средоточиями общинной жизни, которые в IX в. как зависимые пригороды стольных центров вошли в состав земель-государств, а в XI — середине XIII в. возглавили небольшие «уделы».

Однако эта точка зрения в отечественной историографии XX в. развития не получила. Правда, историки, изучавшие древнерусское общество в первые послереволюционные годы, отошли от нее не сразу. Так, М. Н. Покровский писал, что поднепровские города возникали как центры, состоящие из патриархальных семей, и их функцией была координация общинной жизни⁴⁷. Согласно А. Верзилову, черниговские города возводились соплеменниками-северянами и первоначально выполняли функции родовых средоточий местного населения⁴⁸. П. Смолічев считал, что укрепленные родовые центры северян в IX в. «стянули» вокруг себя небольшие городские волости⁴⁹.

---

⁴⁵ *Падалка Л. В.* Древние земляные сооружения в пределах Полтавской губернии. Ч. I. О древних городках, городищах и насыпных валах // Труды Полтавской Ученой архивной комиссии. Полтава, 1905. С. 156, 158.

⁴⁶ *Хвойко В. В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I. М., 1905 г. С. 102–103.

⁴⁷ *Покровский М. Н.* Избранные произведения: В 4 кн. Кн. I. М., 1966. С. 155–156.

⁴⁸ *Верзілів А.* Найдавніший побут Чернігівської околиці // Записки українського наукового товариства в Києві. 1928. Т. XXIII. Чернігів і північне лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали / Под ред. М. Грушевського. С. 62–79. — В то время северяне считались одним племенем, поэтому их городища рассматривались как центры родов.

⁴⁹ *Смолічев П.* Чернігів та його околиці за часів великокнязівських // Там же.

Однако уже М. Н. Покровский «урезал» политические права южнорусских общинников: в представлении историка, власть в малых городах Поднепровья принадлежала не всем местным жителям, а только организаторам и участникам «разбойничьих торговых» операций⁵⁰. Н. А. Рожков и Н. Н. Андреев, соглашаясь с тем, что города Южной Руси развивались «из племенных центров в средоточия волостей», исключили из их числа крепости, построенные Владимиром Святославичем, и некоторые княжеские частновладельческие центры (например, Белгород и Вышгород)⁵¹. При этом Н. Н. Андреев вслед за М. Н. Покровским ограничил круг вечников, управлявших городскими общинами, купцами и боярами⁵². Таким образом, выделив из числа городских поселений пограничные крепости, отечественные историки 20-х гг. XX в. вернулись к тезису о возведении их киевскими князьями на землях, опустошенных кочевниками, и о заселении застав дружинниками⁵³.

Окончательно идея об общинном характере малых городов Южной Руси была отвергнута в 30-е гг. Тогда в качестве методологичес-

---

⁵⁰ Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. I. С. 156–157.

⁵¹ Рожков Н. А. 1) Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. I. СПб., 1903. С. 12, 36–37, 70, 157, 205; 2) Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. I. Пг.; М., 1923. С. 81, 82, 157; 3) Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 2. М., 1922. С. 6; Андреев Н. Н. Прошлое русского народа: Культурно-бытовые очерки из истории России. Кн. I. Л.; М., 1924. С. 52–53, 75–77, 86, 106–107, 112–113.

⁵² Андреев Н. Н. Прошлое русского народа... С. 112.

⁵³ Рожков Н. А. Русская история... Т. 2. С. 6; Андреев Н. Н. Прошлое русского народа... С. 86; Данилевич В. Археологічна минувшина Київщини. Київ, 1925. С. 127; Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927. С. 108. — Этот тезис неоднократно повторялся в исторической литературе последующих лет. См.: Воронин Н. Н. 1) К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935. С. 18; 2) Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси / Под ред. Н. Н. Ворониной. Т. I. М.; Л., 1948. С. 441; Бахрушин С. В. 1) Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. М., 1937. Кн. 3 (61). С. 168; 2) «Держава Юриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 96; Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948. С. 128; Шекеера I. М. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967. С. 50–51; Каргалов В. В. Внешне-политические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968. С. 27; и др.

кой основы отечественной исторической науки утверждался марксизм, и на вооружение был взят известный тезис Ф. Энгельса о начале процесса урбанизации «на высшей ступени варварства». Обтекаемость формулировок немецкого ученого, согласно которым город, с одной стороны, «сделался средоточием племени или союза племен» с другой стороны, как центр ремесла и торговли противостоял деревне⁵⁴, обусловила различия во мнениях советских историков по вопросу о том, рассматривать ли древнерусские городские поселения в системе феодализировавшегося или уже сложившегося классового общества. К тому же до конца 30-х гг. продолжалась полемика о временных рамках установления феодализма на Руси⁵⁵.

Так, Н. Н. Воронин, С. В. Бахрушин, В. А. Пархоменко, Ю. Виноградский, С. В. Юшков увязывали воедино процессы градообразования и зарождения в недрах первобытного общества классовых отношений. При этом Н. Н. Воронин считал, что Рюриковичи возводили сторожевые крепости, в которых была сосредоточена «феодализирующая знать», собиравшая дань с населения сельских округ⁵⁶. Согласно С. В. Бахрушину, градостроительная деятельность киевских князей — это важный фактор развития классовых отношений⁵⁷. В. А. Пархоменко писал о становлении южнорусских городов в «полуфеодальном государстве». Определяющим фактором их развития историк считал внешнюю торговлю, приводившую к «разложению сельской общины и племенного уклада» в жизни восточных славян⁵⁸. Ю. Виноградский охарактеризовал малые поднепровские города как раннефеодальные поселения⁵⁹. С. В. Юшков обратил внимание на

---

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1961. С. 163–165.

⁵⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 231–258; Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 196, 199.

⁵⁶ Воронин Н. Н. 1) К истории сельского поселения... С. 18; 2) Крепостные сооружения... С. 441.

⁵⁷ Бахрушин С. В. 1) Некоторые вопросы... С. 168; 2) «Держава Рюриковичей»... С. 96.

⁵⁸ Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук. 1941. Вып. 8. С. 212. — См. также: Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924. С. 49–50, 87.

⁵⁹ Виноградский Ю. Археологічні розшуки на Сосниччині р.1927 // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3. Київ, 1931. С. 39–40.

многообразии укрепленных поселений VIII – середины XIII в., указав на изменение их статуса. Он разделил их на: 1) племенные центры восточных славян; 2) пришедшие им на смену «княжьи города-замки», которые господствовали над окрестными селами; и 3) укрепленные пункты, «находившиеся в общей административной системе земли-княжения». Поскольку все эти поселения, по мнению историка, функционировали в период генезиса и развития феодализма, то и были зачислены им в разряд городов⁶⁰.

С критикой взглядов С. В. Юшкова выступил Б. Д. Греков. Согласно его определению, древнерусский город как центр ремесла и торговли противоположен селу, являвшемуся средоточием земледелия. Город окончательно сформировался только в классовом обществе. Все несоответствовавшие этому определению укрепленные поселения историк классифицировал, выделив: 1) племенные центры, которые «еще не совсем обособились от “мира”, но уже принадлежали «определенным владельцам»; 2) феодальные замки; 3) защищавшие «государственные границы» крепости⁶¹. Точка зрения Б. Д. Грекова на долгие годы утвердилась в отечественной историографии. Ее воспринял, развил и представил в виде концепции М. Н. Тихомиров⁶².

Исходя из определения Б. Д. Грекова–М. Н. Тихомирова, их последователи-археологи стали искать на городищах Южной Руси «ремесленно-торговые посады»⁶³. Это не всегда удавалось сделать. Тогда для характеристики укрепленных центров, не обладавших качествами «настоящих феодальных городов», был изобретен термин «протогород», иначе — «эмбрион», «зародыш» городского поселения. По социальной природе «эмбрионы» оказались разнообразными. Так, В. А. Богусевич подразделял их на «дофеодальные» общинные поселки славян и зам-

---

⁶⁰ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 21, 46–49, 134–135; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 61–62, 257, 260–262.

⁶¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 96–101, 110.

⁶² Тихомиров М. Н. 1) Древнерусские города // Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 99; 2) Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1956.

⁶³ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. С. 50–54; Виезжев Р. І. Будівлі «Малого городища» X–XIII ст. в с. Городську // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Т. XII. С. 131–154; Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966. С. 18, 59–64; Мезенцева Г. Г. 1) Давньоруське

ки «княжеско-дружинной верхушки»⁶⁴; Н. Н. Бондар — на пограничные крепости и укрепленные усадьбы феодалов⁶⁵.

В основе так называемой «замковой концепции» становления южнорусского города В. И. Довженка также лежат идеи М. Н. Тихомирова. По мнению последнего, «большинство русских городов выросло из княжеских замков» В Южной Руси — это Белгород, Богуславль, Василев, Вышгород, Канев, Корсунь, Курск, Любеч, Новгород-Северский, Пересопница, Путивль, Торческ, Треполь, Трубеч (Трубчевск), Юрьев. Некоторые небольшие укрепленные усадьбы феодалов «не получили экономического развития» и городами не стали⁶⁶. В. И. Довженок полагал, что вплоть до Батыева нашествия в Южной Руси количественно преобладали укрепленные усадьбы знати, которые в военное время превращались в крепости, укрывавшие за своими стенами все окрестное население⁶⁷. Некоторые замки эволюционировали в укрепленные ремесленно-торговые поселения, то есть в города. Идею В. И. Довженка воспринял М. Ю. Брайчевский, и исследователи совместными усилиями продолжили разработку «замковой» концепции⁶⁸.

В 1950–60-е гг. ее оспорили Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Исследователи отмечали многообразие протогородов в Южной Руси:

місто Родень... Княжа гора. Київ, 1968. С. 25, 28; 2) Раскопки Белгорода Киевского // АО 1974 года. М., 1975. С. 321–322; 3) Белгород // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 317–318, и др.

⁶⁴ *Богусевич В. А.* Походження і характер древньоруських міст Наддніпрянщини // Археологія. 1951. Вип. V. С. 34–48.

⁶⁵ *Бондар М. М.* Пам'ятки стародавнього минулого Канівського Придніпров'я. Київ, 1959. С. 59–63.

⁶⁶ См.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 285–286, 294–305, 323, 345–348, 350.

⁶⁷ *Довженок В. И.* 1) Про дофеодалний період в історії Русі // Археологія. 1952. Т. VI. С. 11–27; 2) Феодалний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 10–26; 3) Древньоруські городища-замки // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 96–102; 4) Сторожевіе города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968. С. 37–45; 5) Об историческом содержании городищ Киевской Руси // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.). М., 1970. С. 21–22; 6) Про типи городищ Київської Русі // Археологія. 1975. Т. XVI. С. 3–14.

⁶⁸ *Довженок В., Брайчевский М.* О времени сложения феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 8. С. 62–63; *Брайчевский М. Ю.* К происхождению древнерусских городов. (Города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII–IX вв. н. э. по полевым данным последних лет) // КСИИМК АН СССР. 1951. Вип. 41. С. 32–33.

ими являлись и «дофеодальные» центры восточных славян, и отдельные поселения, построенные или укрепленные князьями, и замки феодалов, и пограничные крепости, возведенные по единому плану и населенные «специальными гарнизонами» «воинов-земледельцев» типа позднейших казаков⁶⁹. П. А. Раппопорт предложил археологическую типологию укрепленных поселений. «Классифицирующими элементами в ней служат плановая схема оборонительных сооружений в ее взаимосвязи с защитными свойствами рельефа местности»⁷⁰. Разнообразными также предстают догородские поселения Южной Руси в работах В. В. Мавродина⁷¹.

С 60-х гг. изучение древнерусского города вступило в новую фазу: знания, приобретенные в результате исследования массовых археологических источников, которые в свою очередь были получены в процессе ежегодных и планомерно проводившихся раскопок, вошли в противоречие с концепцией Б. Д. Грекова–М. Н. Тихомирова. Стало очевидным, что предложенное этими исследователями определение древнерусского города не отражает всей многогранности сложного исторического явления. Между тем, накапливались сведения о многообразии типов южнорусских укрепленных поселений, об их полифункциональности. Назревала потребность в новом определении древнерусского города, в систематизации всех известных укрепленных пунктов, в пересмотре понятия «протогород»

Первый шаг к пересмотру устоявшихся представлений сделали исследователи, зачислившие в разряд городских поселения, не имевшие «торгово-ремесленных посадов». Так, В. Т. Пашуто назвал кня-

---

⁶⁹ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК АН СССР. 1951. Вып. 41. С. 9, 13; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 14–15.

⁷⁰ Раппопорт П. А. 1) Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА СССР. М.; Л., 1956. № 52. С. 38, 143, 175, 177; 2) Древние русские крепости. М., 1965. С. 14; 3) О типологии древнерусских поселений // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 110. С. 7–9.

⁷¹ Мавродин В. В. 1) Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 139; 2) Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 50–58; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник ЛГУ. 1970. Вып. 4. № 20. С. 15.

жескими частновладельческими городами населенные дружинниками «опорные пункты на территории подвластных Руси иноязычных народов» не указывая, были ли здесь «посады»⁷². О. М. Рапов — приверженец концепции Л. В. Черепнина о верховной княжеской собственности на землю — почти все малые южнорусские центры, в том числе ранее считавшиеся замками или крепостями, охарактеризовал княжескими городами⁷³.

Большое значение для разработки проблемы урбанизации древнерусского общества в то время имели исследования Б. А. Рыбакова. Определяя домонгольский город «как бы коллективным замком крупнейших земельных магнатов округи во главе с самим князем»⁷⁴, ученый обращал внимание, прежде всего, на его аграрный, а не торгово-ремесленный характер. Историк также писал о полифункциональности древнерусских городских поселений⁷⁵. Однако, по-прежнему рассматривая их в системе феодального общества, Б. А. Рыбаков был вынужден признавать существование протогородов и уточнять признаки, отличавшие «настоящий» город от «зародыша». Предложенные исследователем отличительные городские признаки (площадь поселения, наличие оборонительных сооружений, ремесленных мастерских, церквей и др.) формальны, причины и механизм трансформации «эмбрионов» в феодальные города ученым не раскрыты. Так, Б. А. Рыбаков охарактеризовал различные типы «зародышей» (городища-острожки; замки; сторожевые заставы с постоянно пребывавшими в них гарнизонами; мощные крепости, функционировавшие только в военное время; цитадели, населенные крестьянами-ратниками), но не объяснил, почему и каким образом некоторые из них стали «настоящими» городами в то время, как другие остановились на протогородской стадии развития.

---

⁷² Пацуро В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России / Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1966. С. 93–98.

⁷³ Об О. М. Рапове как приверженце концепции Л. В. Черепнина см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 288. — О. М. Рапов все населенные пункты Поднепровья считает принадлежавшими киевским правителям (Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 44, 75, 78, 108, 111–112, 115, 117, 120, 123, 158, 161, 180, 219; и др.).

⁷⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 478.

⁷⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. / Ред. С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков. Т. I. М., 1966. С. 536; Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 433.

Особенности генезиса и развития укрепленных поселений Южной Руси, по мнению Б. А. Рыбакова, были обусловлены их геополитическим положением. В конце V–VI вв. к югу от «града Кия» появилось множество острожков, «служивших то ли убежищами от ставших воинственными соседей, то ли укрытиями от племенных дружинников или же узловыми пунктами княжеского полюдя»⁷⁶. Исследователь не указал, существовала ли преемственность между этими крепостями-пристанищами и племенными центрами восточных славян — Искоростенем, Роденем и некоторыми другими, которые он охарактеризовал «городами» древлян и полян⁷⁷. В VIII–IX вв. Киевская земля покрылась множеством замков, в правление Владимира Святого и Ярослава Мудрого на отвоеванной у кочевников территории были возведены сторожевые заставы⁷⁸. В XI в. здесь построили крепости с мощными оборонительными сооружениями, которые функционировали только в военное время; в середине следующего столетия — цитадели «с постоянным русским крестьянским населением», сочетавшим труд в поле с воинской повинностью⁷⁹. В период «феодальной раздробленности» все эти поселения, а также поросские крепости, находившиеся в частном владении черноклобуцкой знати, существовали наряду с феодальными городами. Здесь уместен вопрос: какого типа «эмбрионы» и каким образом превратились в «настоящие феодальные» города, — ответа на который Б. А. Рыбаков не дал. Иначе исследователь представлял процесс развития укрепленных поселений в пограничных со Степью районах Днепровского Левобережья. Здесь уже в VIII–IX вв. сложилась система земледельческих поселков, приспособленных к обороне от кочевников: все села были укреплены и располагались «гнездами». Со временем центральное поселение «гнезда» становилось городом⁸⁰.

---

⁷⁶ Рыбаков Б. А. Город Кия // ВИ. 1980. № 5. С. 40.

⁷⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 322, 332–333, 362; и др.

⁷⁸ Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 50, 87–91, 186; 2) Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // Историческая география России / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1970. С. 79; 3) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 167; 4) Киевская Русь. С. 416–428.

⁷⁹ Рыбаков Б. А. 1) Политическое и военное значение... С. 80–81; 2) «Слово о полку Игореве»... С. 167.

⁸⁰ Рыбаков Б. А. 1) Политическое и военное значение... С. 76; 2) «Слово о полку Игореве»... С. 163–164.

Идея о полифункциональности древнерусского города получила признание в науке. Вместе с тем последователи Б. А. Рыбакова попытались систематизировать протогорода и раскрыть механизм перерастания их в городские поселения⁸¹. Здесь, прежде всего, следует указать на работы В. В. Карлова и П. П. Толочко.

Рассуждения В. В. Карлова противоречивы. С одной стороны, он вслед за Б. Д. Грековым считал, что главной причиной появления древнерусского города было отделение ремесла от сельского хозяйства, с другой стороны, представлял его «сложным и многозначным социально-политическим и экономическим организмом», впитавшим и «переварившим» «немало компонентов, выходящих за пределы феодализма и генетически с феодализмом не связанных». По классификации ученого, основными типами догородских укрепленных поселений являлись отвечавшие социально-политическим потребностям формировавшегося классового общества замки знати и княжеские крепости, вызванные к жизни экономическими процессами ремесленно-торговые поселки, рядки, торжки, погосты, наконец, племенные центры.

---

⁸¹ См. например: *Карлов В. В.* 1) О факторах экономического и политического развития... С. 32–69; 2) К вопросу о понятии... С. 72–82; *Носов Е. Н.* Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // *ВИ.* 1980. № 12. С. 25–27, 30, 33–34, 36; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 186–193; *Дубов И. В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. (Историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 60–103; 2) Города, величеством сияющие. Л., 1985; *Куза А. В.* 1) О происхождении древнерусских городов (История изучения) // *КСИА АН СССР.* 1982. Вып. 171. С. 14–15; 2) Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // *Русский город: Исследования и материалы / Под ред. В. Л. Янина.* М., 1983. Вып. 6. С. 15–36; 3) Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // *КСИА АН СССР.* 1984. Вып. 179. С. 4; 4) Древнерусские поселения // *Древняя Русь: Город, замок, село.* С. 45 (в соавт. с Б. А. Рыбаковым); 5) Малые города Древней Руси. С. 49–70; *Рапов О. М.* 1) Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город». С. 67 (в статье О. М. Рапов называет «городами» и небольшие острожки-убежища или пункты, отличающиеся от сел отдельными «городскими» признаками – связями с международным рынком, концентрацией значительной массы производительного населения и проч. (С. 69)); *Седов В. В.* 1) Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 242–243; 2) Начало городов на Руси // *Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева.* Минск, 1983. С. 51; и др.

Первыми в феодальные города превращались племенные центры. Это происходило в период разложения территориальной общины и становления «земляческих союзов». Процесс окняжения территории «земляческих общностей» и организация здесь феодального властвования в XI — первой трети XIII в. обусловили быстрый рост городов: «одни могли возникнуть из древних городищ-убежищ, другие — из поселков феодализирующей местной знати, третьи — из сельских поселений, четвертые — из более ранних княжеских погостов, а пятые — из укрепленных пунктов в областях славянской колонизации». Особый разряд составляли частновладельческие городские поселения⁸².

Несколько стадий генезиса и развития городских поселений на южных землях Древней Руси обозначил П. П. Толочко. По его мнению, в VII—VIII вв. существовали укрепленные племенные и межплеменные центры восточных славян «с вполне обозначившимися ремесленными, торговыми и, вероятно, редиистрибутивными функциями»⁸³. В VIII—X вв. на их базе «восточнославянской элитой» были основаны первые города — средоточия «русской государственности». По мнению ученого, их жители участвовали в походах на Византию и упоминаются в договорах «с греками» 907 и 944 гг.⁸⁴ Становление «настоящего, феодального» города происходило тремя путями: в IX — начале XI в. «торгово-ремесленным» и «общинно-феодальным», при котором историк наблюдал «наложение государственного начала на общинное и приспособление последнего к новым задачам»; во второй половине XI — 30-х гг. XIII в. — «феодальным» или «государственным», когда в «условиях углубления процессов феодализации всей страны» укреплялись «центры древнерусской государственности».

В некоторых работах П. П. Толочко охарактеризовал отдельные укрепленные центры Южной Руси крепостями и замками⁸⁵, но в мо-

---

⁸² Карлов В. В. 1) О факторах экономического и политического развития... С. 32—69; 2) К вопросу о понятии... С. 66—84.

⁸³ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 20—34.

⁸⁴ Там же. С. 40—48.

⁸⁵ Толочко П. П. 1) Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 13, 17, 29, 46, 53, 54; 2) Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980. С. 126, 131; 3) Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 51; 4) Основні досягнення та перспективи розвитку давньоруської археології України // Археологія. 1987. Вип. 57. С. 54.

нографии «Древнерусский феодальный город» зачислил их в разряд городских поселений. По наблюдениям исследователя, одни города появились вследствие преобразования торговых факторий (например, поселение в урочище Лесковое — «летописный» Листвен), другие — путем «наложения государственного начала на общинное» (Белгород, Василев, Корсунь, Юрьев). При этом некоторые племенные центры были уничтожены формировавшейся государственной властью (городища у сел Горналь, Журавное, Гочево, возможно, Монастырек), другие, не выдержав «конкуренции княжеских городов», запустели и превратились в села (Искоростень, Иванков на реке Тетерев). Городские поселения, сформировавшиеся во второй половине XI — первой трети XIII в., «явились прежде всего центрами древнерусской государственности» (Дорогобуж, Сновск, Треполь, Воишь и др.)⁸⁶

Феодальные города систематизированы П. П. Толочко на основании выделения ведущей отрасли их экономики и в зависимости от статуса поселения. С одной стороны, они подразделены на центры, развивавшиеся «преимущественно на сельскохозяйственной основе» (Белгород, Торческ, Треполь, Чучин, Полонный), ремесленные (Городеск), торговые (Витичев, Канев, Василев, Воишь) и сочетавшие несколько «ведущих функций» (Вышгород)⁸⁷; с другой стороны, на государственные (в этот разряд включены как «удельные столицы» — Вышгород, Путивль, Белгород, Курск, так и «опорные пункты на территории подвластных Руси иноязычных народов» — Корсунь, Канев, Торческ), частновладельческие (Любеч, Новгород-Святополч, Чюрнаев, Чучин) и церковные поселения (Полонный)⁸⁸. При этом возникают сомнения в правильности выявления ученым «ведущей» хозяйственной функции, а также в верности определения статуса того или иного центра.

Вслед за Б. А. Рыбаковым П. П. Толочко подчеркнул, что города Древней Руси имели аграрный характер, потому что здесь главным образом проживали бояре-землевладельцы⁸⁹. По мнению исследо-

---

⁸⁶ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 52–53, 61–70, 71–75.

⁸⁷ Толочко П. П. 1) Киев и Киевская земля... С. 161; 2) Древнерусский феодальный город. С. 164–165.

⁸⁸ Толочко П. П. 1) Киев и Киевская земля... С. 161; 2) Древнерусский феодальный город. С. 180–183.

⁸⁹ Толочко П. П. 1) Основні досягнення... С. 53; 2) Древнерусский феодальный город. С. 81–95.

вателя, в XII – середине XIII в. они были соподчинены друг другу и в совокупности образовывали трехуровневую систему: «удельным столицам» (Киеву, Чернигову и др.) подчинялись центры крупных административных районов (например, Новгород-Северский), на территории которых размещались рядовые укрепленные поселения (Белгород, Вышгород, Дорогобуж, Пересопница, Путивль, Курск, Стародуб)⁹⁰.

Историк попытался ответить на некоторые, с его точки зрения, наиболее спорные вопросы в изучении древнерусского города, такие как: об организационной структуре ремесла и роли торговли в процессе урбанизации домонгольского общества, о земельных владениях горожан и их органах управления. Приняв за основу классификацию Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко выделил в структуре городского ремесла, кроме посадского, вотчинного и церковно-монастырского, еще и «княжеский (государственный)» вид производства. Существование цеховых организаций ремесленников он отрицает⁹¹. Период развития торговли в Южной Руси исследователь разделил на два этапа: с VIII до X вв. она велась с зарубежными странами, затем оформились «внутренние рыночные связи, сначала в пределах сравнительно небольших волостей, а затем и более крупных административно-хозяйственных единиц – земель»⁹². По мнению историка, органы управления в южнорусских городах домонгольского времени «всецело находились в руках феодалов» – тысяцких, воевод, сотских, десятских, тиунов, окружавших князя-монарха. Последний был верховным собственником всех земель княжества. При этом исследователь не объяснил, каким образом на территориях, принадлежавших князю, могли существовать частновладельческие поселения местных феодалов.⁹³

Сложные, многоуровневые и разветвленные схемы генезиса урбанизационного процесса на Руси, на наш взгляд, порождены искусственно созданной структурой «протогород – настоящий феодальный город». Ее приверженцы рискуют, выявляя новые или обследуя уже известные городские «эмбрионы», давать им непривычные характе-

---

⁹⁰ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 97.

⁹¹ Там же. С. 11, 100–118.

⁹² Там же. С. 120–133.

⁹³ Там же. С. 16, 59, 73, 88, 93, 97, 208, 210, 213–229.

ристики и тем самым множить вариативность путей их «созревания» Такие примеры в историографии известны.

Согласно Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухину и Т. А. Пушкиной, догородские укрепленные центры восточных славян отличались разнообразием. Протогородами были «дружинные лагеря» (Шестовицы), домениальные княжеские резиденции с дифференцированным статусом («Ольжинъ городъ» — Вышгород и ее же «теремной двор» в Киеве), административные и торгово-ремесленные центры (Киев, Чернигов, Переяславль), племенные средоточия (Искоростень)⁹⁴. Все они развивались двояко: непрерывным путем и дискретным⁹⁵. Во втором случае племенные центры на определенной стадии эволюции утрачивали господствующее положение в округе. Их функции переходили к недолго существовавшим «погостам» — опорным пунктам великокняжеской власти в борьбе с «феодализирующейся родоплеменной знатью». «Погосты» существовали в Шестовицах и Седневе, где сохранились обширные комплексы археологических памятников. Здесь пересекались международные торговые пути и производились необходимые дружинникам ремесленные изделия, хранилась и перераспределялась дань, следовательно, это были поселения, ориентированные на удовлетворение потребностей новых властителей южнорусских земель. На рубеже X—XI вв. «погосты» «исчезли», потому что начался процесс «интенсивной феодализации общества, сопровождавшийся консолидацией земель вокруг старых племенных центров»⁹⁶.

Еще один вид протогородов «открыл» украинский исследователь А. П. Моця, упоминавший о функционировании в XI — середине XII в. на торговом пути «Галич—Киев—Волжская Болгария» «караван-сараев», крупных факторий у сел Липовое, Горналь, Гочево и у хутора Зеленый Гай, находящихся на территории Днепровского Левобережья⁹⁷.

---

⁹⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985. М., 1986. С. 105–107.

⁹⁵ Там же. С. 108.

⁹⁶ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 105–110; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации... С. 108.

⁹⁷ Моця А. П. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI–XII вв. // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. С. 164.

О существовании «эмбрионов» и «настоящих» городов также писал Б. А. Тимошук. В разряд догородских поселений он включил племенные центры «земледельческих общин» (например, городище Новотроицкое и «грады» древлян) и «государственные» крепости, являвшиеся опорными пунктами властвования Рюриковичей на «окняженной» земле полян и северян (Белгород, Воинь, Василев, Любеч). По мнению исследователя, в процессе «государственного освоения территории» восточных славян их племенные центры уничтожались, местное население облагалось данью, возникали «феодалнозависимые общины», подчиненные дружинникам, служившим в крепостях, постепенно складывалась «государственная (коллективная) вотчина». По мере формирования феодальных городов (Киева, Вышгорода и др.) их детинцы обрастали посадами, население которых сплачивалось в общины⁹⁸.

Следует заметить, что некоторые ученые пытались преодолеть устоявшиеся стереотипы в изучении вопроса о генезисе города на южных землях Древней Руси. Так, украинский исследователь В. М. Рычка считает городами все укрепленные центры, «служившие местом средоточия хозяйственной жизни киевской феодальной знати» и одновременно – опорными пунктами «государственного освоения» племенных территорий восточных славян⁹⁹. Правда, историк выделяет такую категорию городищ как крепости и замки (иногда он употребляет термин «крепости-замки», но при этом обнаруживает у них те же функции, что и у городов)¹⁰⁰. В результате вопрос о критериях отличия последних от дружинных застав остается нерешенным. Важно другое: В. М. Рычка не упоминает о протогородах. В его представлении, первые укрепленные поселения в Южной Руси появились как опорные базы киевских князей для установления их власти над местным населе-

---

⁹⁸ Тимошук Б. А. 1) Княжеские (государственные) крепости IX–XI вв. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм): Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. Кишинев. 5–7 апреля 1989 г. Т. I. М., 1988. С. 115–121; 2) Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990. С. 40, 121–125, 131, 135.

⁹⁹ Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). Киев, 1988. С. 39, 41, 43, 50, 64, 78.

¹⁰⁰ Там же. С. 41, 50, 56, 59, 74.

нием. Эти многофункциональные центры были не «зародышами», а «настоящими» городами. Исследователь подразделяет их на частновладельческие (Иван, Чучин), великокняжеские государственные (Киев, Треполь, Богуславль, Корсунь) и великокняжеские домениальные (Вышгород, Белгород, Василев) поселения¹⁰¹. Упоминаемые в летописях постоянные становища черных клобуков (Кунилья, Чюрнаев, Кульдеюров) городами в социальном значении этого термина не были, они «являлись лишь местом убежища для окрестного населения, служили в качестве укрепленной ставки тюркской верхушки и вооруженных отрядов»¹⁰².

Придерживаясь мнения о перерастании разнотипных «эмбрионов» (племенных центров, сторожевых крепостей, княжеских замков, «удельных столиц») в феодальные центры, М. Г. Рабинович вместе с тем, противореча собственным выводам, предположил, что городом являлось лишь то поселение, которое признавали таковым сами современники. Для последних же главным критерием городского характера поселения служило то, что оно было полифункциональным центром местной округи¹⁰³. Однако если такая округа представляла собой племенную территорию, а местные жители считали ее укрепленное средоточие «градом», значит, в соответствии с логикой рассуждений М. Г. Рабиновича и современные исследователи должны признавать его городом в социальном значении этого термина.

Для понимания проблемы градообразования в Южной Руси ценны наблюдения и отдельные замечания археолога А. В. Кузы. В поисках новых подходов к исследованию процесса урбанизации в домонгольский период истории ученый высказывал противоречивые суждения. С одной стороны, обобщив обширный археологический материал с 1500 городищ, он уточнил формальные признаки города, выделенные еще Б. А. Рыбаковым¹⁰⁴, свел их в корреляционные таблицы, на основании которых пришел к выводу, что городское поселе-

---

¹⁰¹ Там же. С. 59, 83, 84.

¹⁰² Там же. С. 62.

¹⁰³ Рабинович М. Г. 1) Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 17, 20–21; 2) К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // СЭ. 1983. № 3. С. 19, 21, 22, 24.

¹⁰⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 478.

ние обязательно должно было иметь площадь не менее 2–2,5 га¹⁰⁵, развитые ремесло и административное управление, дворово-усадебную застройку, «вещественные следы имущественной дифференциации», «сложную планировку оборонительных линий» церкви¹⁰⁶. Догородские укрепленные поселения на основании археологических критериев также более четко систематизированы, чем это делалось раньше, и подробно описаны¹⁰⁷. Они подразделялись на: 1) существовавшие в IX – начале XI в. «укрепленные поселения сельских общин, племенные центры, зарождающиеся усадьбы-замки, дружинные лагеря — станы, укрепленные центры волостей и погостов», пограничные заставы и 2) датируемые XI – серединой XIII в. «феодалные усадьбы-замки, административно-фискальные центры волостей и погостов, сторожевые крепости»¹⁰⁸. Также А. В. Куза подробно исследовал историографию, посвященную укрепленным поселениям Древней Руси (правда, главным образом он сосредоточил внимание на работах археологов), составил карты размещения городищ, описал наиболее значительные малые центры.

Пытаясь выйти за рамки чисто археологического исследования в плоскость исторических обобщений, А. В. Куза столкнулся с трудностями, преодолеть которые не сумел или, уйдя из жизни в расцвете творческих сил, не успел. В принципе, разделяя точку зрения на древнерусский город как явление феодального общества, он раздумывал над различными его определениями, но к окончательному решению так и не пришел. С одной стороны, исследователь отметил «узость подхода к древнерусскому городу только как к центру развитого ремесла и торговли», писал о перспективности взгляда на него как на многофункциональное явление. С другой стороны, он предлагал «конкретизированное» для Древней Руси определение О. Г. Большакова и В. А. Якобсона, согласно которому городским «можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспреде-

---

¹⁰⁵ Куза А. В. 1) Социально-историческая типология... С. 27; 2) Древнерусские поселения... С. 52; 3) Малые города... С. 40–44, 55.

¹⁰⁶ Куза А. В. 1) Древнерусские поселения... С. 47; 2) Малые города... С. 56.

¹⁰⁷ Куза А. В. Древнерусские поселения... С. 39–43.

¹⁰⁸ Куза А. В. Малые города... С. 69.

лялась большая часть произведенного там прибавочного продукта», то есть делал акцент на ремесленной и редиистрибутивной его функциях. Тем самым ученый возвращался в русло концепции Б. Д. Грекова-М. Н. Тихомирова¹⁰⁹.

Вместе с тем А. В. Куза выступил против В. В. Карлова, резко критиковавшего В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова за их предложение вывести генезис и начальные этапы истории древнерусского города за рамки классового общества. Ученый упрекал коллегу за то, что тот не понял стремления ленинградских историков рассмотреть процесс градообразования в динамике¹¹⁰. Сам же А. В. Куза, возможно, под непосредственным влиянием ленинградских исследователей, отказался от концепции о домонгольском обществе как феодальном, когда сравнивал древнерусские города с городами-государствами древнего мира¹¹¹ и упоминал о «городовых общинах» X–XI вв., «пользовавшихся не только известным самоуправлением, но и правом голоса в решении общегосударственных дел»¹¹².

Использованный А. В. Кузой метод исследования городищ и результаты его археологических разработок получили признание в науке. Его последователи М. П. Кучера и В. П. Коваленко продолжили изучение малых городов Южной Руси.

М. П. Кучера тоже убежден, что древнерусский город должен был иметь укрепленную площадь не менее 2 га и сложную планировку¹¹³. Вместе с тем исследователь сосредоточил внимание на изучении более мелких поселений. По его мнению, восточные славяне укрепляли племенные и межплеменные центры, а также строили острожки-убежища, использовавшиеся только в военное время. В Древней Руси X – начала XI в. планомерно возводились крепости — «опорные пунк-

---

¹⁰⁹ Куза А. В. 1) Города в социально-экономической системе... С. 4, 10; 2) Древнерусские поселения... С. 45, 51–52.

¹¹⁰ Куза А. В. О происхождении древнерусских городов... С. 12–13.

¹¹¹ Куза А. В. Социально-историческая типология... С. 14.

¹¹² Куза А. В. Древнерусские поселения... С. 53.

¹¹³ Кучера М. П. 1) Размеры древнерусского города по данным городищ на территории Украинской ССР // Древнерусский город: Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев, 1984. С. 69–71; 2) Городища // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 386–387.

ты для освоения и колонизации государственной территории», перед гарнизонами которых ставилась цель покорить местное население власти киевского князя. Княжеские заставы также защищали южные рубежи Руси от кочевников. Поскольку «государственная служба» размещавшихся в крепостях дружинников обеспечивалась земельными пожалованиями, центры «окняжения» окрестных территорий превращались в феодальные замки¹¹⁴. Со второй половины XI в. «оборонительное строительство» осуществлялось в каждом княжестве самостоятельно. Вслед за Б. А. Рыбаковым М. П. Кучера пишет о двух типах крепостей, существовавших в то время, — без постоянных гарнизонов и населенных должниками-закупам. «Фортеции» первого типа (например, Миклашевское и Кизиверское городища), по мнению ученого, размещались на «окняженной» территории и «содержались местным населением за счет государственных повинностей»; цитадели второго вида (Райки, Колодяжин) представляли собой одновременно форпосты и «феодальные поместья». И те, и другие были включены в систему Змиевых валов — мощных оборонительных сооружений, несколькими полукольцами опоясывавших южнорусские земли и предназначенных для организации отпора внезапно вторгавшимся кочевникам¹¹⁵.

В. П. Коваленко обнаружил укрепленную площадь свыше 2 га, следы ремесленно-торговой деятельности и культовые сооружения на 17-ти городищах Чернигово-Северской земли, которые, по его мнению, безусловно, являлись городами¹¹⁶. Исследователь наметил несколько стадий становления этих поселений. К концу X в. не менее 14-ти протогородов переросли в «раннефеодальные» города, при этом функциональных различий между «эмбрионами» и их «полноценными» преемниками В. П. Коваленко не нашел: и те, и другие поселения концентрировали, распределяли и перерабатывали прибавочный

---

¹¹⁴ Кучера М. П. 1) Вивчення пам'яток давньоруського часу на території УРСР // Археологія. 1978. Вип. 26. С. 79; 2) Городища... С. 377, 395–396; 3) Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 186.

¹¹⁵ Кучера М. П. 1) Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 225; 2) Змиевы валы... С. 187–188, 191–192.

¹¹⁶ Коваленко В. П. До типології літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Археологія. 1988. Вип. 61. С. 1–2.

продукт, изымавшийся у населения «зависимой округи». В первой половине XI в., когда из «Русской земли» выделилось самостоятельное Черниговское княжество, начался процесс строительства городов на окраинных, еще не освоенных Ольговичами землях. В середине того же столетия на внутренних границах распадавшегося Черниговского княжества появились крепости, имевшие оборонительное значение. При наличии у них вышеуказанных формальных признаков В. П. Коваленко, разумеется, тоже считает их городами, однако его суждения на этот счет весьма неопределенны. В XII–XIII вв. градообразовательная деятельность многочисленных местных князей распространилась на всю территорию Черниговского и Новгород-Северского княжеств¹¹⁷. Все городские поселения этого региона, по мнению исследователя, были частновладельческими¹¹⁸.

В 1994 г. В. П. Даркевич попытался рассмотреть феномен домонгольского города в русле получивших тогда распространение концепций: «цивилизационной», «культурологической» и «вождества». При этом он использовал результаты разработок Санкт-Петербургских ученых. В. П. Даркевич, несомненно, прав, возражая археологам, сводившим понятие «город» к «застывшему набору признаков» подчеркивая, что «индивидуальность» городского поселения определялась «многими факторами, в том числе преобладающей ролью тех или иных его функций, разнообразием их сочетаний»¹¹⁹. Унаследовав от Санкт-Петербургских коллег тезис о начале урбанизационного процесса в родоплеменном обществе, он дополнил его заслуживающим внимания положением об ослаблении «в пестрой городской среде» кровнородственных связей и замене их соседскими отношениями. Увязав синхронно протекавшие процессы образования государства и городов, исследователь охарактеризовал последние как организмы «политической и духовной солидарности» полиэтничного населения Древней Руси.

---

¹¹⁷ Коваленко В. П. 1) Основні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Український історичний журнал. 1983. № 8. С. 120–125; 2) Основные этапы развития летописных городов Чернигово-Северской земли // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. С. 122–128.

¹¹⁸ Коваленко В. П. До типології літописних міст... С. 4.

¹¹⁹ Даркевич В. П. Происхождение и развитие... С. 51.

Однако едва ли можно согласиться с противопоставлением городских поселений сельскохозяйственной округе, тезисом об их возникновении не эволюционным путем, а в результате фортификационной деятельности «военной аристократии» или вследствие «скачка, взрыва» в условиях формирования христианской по сути «древнерусской цивилизации», в которой «городские образования» выступали прежде всего как очаги поглощения язычниками-славянами византийской православной культуры. Рассмотрение генезиса и развития города в замкнутом пространстве классовой формации или «цивилизации», естественно, предполагает наличие его предшественников – «зародышей». Не избежал упоминания о них и В. П. Даркевич, тем самым не сумевший освободиться от устаревших представлений¹²⁰.

О «протогородах» восточных славян также пишет Н. Ф. Котляр. Он зачисляет в их разряд племенные центры и «военные поселения» (например, «эмбрионы» Новгорода-Северского), крепости и «оборонительные замки», возведенные вдоль рек Сулы, Стугны, Десны и Остра. По мнению исследователя, в IX–XI вв. некоторые из этих поселений «превратились в настоящие феодальные города»¹²¹.

В. А. Кучкин наблюдает заметный рост числа древнерусских городов с середины XII в., что увязывает с процессом распада единого государства и формированием «самостоятельных политических образований». В отличие от приверженцев концепции «протогород»–«настоящий город» он характеризует небольшие крепости (площадью 0,2–2 га) как малые городские поселения. По мнению историка, их население защищало рубежи южнорусских княжеств, давая возможность Рюриковичам и их подданным «в более безопасной обстановке вести внутреннюю колонизацию и хозяйственное освоение территорий»¹²². Некоторые малые города (Вышгород, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Трубеч) эволюционировали в стольные центры «удельных княжеств»¹²³.

---

¹²⁰ Там же. С. 52–59.

¹²¹ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 34, 105, 145–146, 256.

¹²² Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 75–76.

¹²³ Там же. С. 76.

Итак, историки первой половины XX в. отказались от представления об общинном характере южных городов Древней Руси и постепенно пришли к выводу о том, что это были центры феодального властвования. В 30–50-е гг. XX в. в исторической науке получили признание взгляды Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова, которые утверждали, что древнерусские города были центрами ремесла и торговли и противопоставляли их сельскохозяйственным округам. Однако в настоящее время все больше ученых отвергают их как не соответствующие новейшим достижениям науки. При этом многие исследователи по-прежнему считают домонгольские городские поселения «удельными» (по терминологии XIX в.) или «феодальными» центрами. Разработаны формальные критерии «настоящего» города, не соответствующие им укрепленные поселения характеризуются «эмбрионами», «зародышами», «протогородами». Приверженцы этой логической конструкции установили, что «эмбрионы» разнообразны по их функциональному назначению и пытаются проследить пути их превращения в «настоящие» города.

Эта концепция вызывает сомнения. По нашему мнению, ее создатели упрощают представление о сложном, многогранном явлении — полифункциональном древнерусском городе, когда ограничивают время его существования (не ранее XI–XII в.), догматично трактуют вопрос о его социальных функциях и соответственно выводят все укрепленные поселения, не имеющие формальных, надуманных признаков «настоящих» городских центров, за рамки урбанизационного процесса в Древней Руси. Поэтому необходим иной подход к изучению проблемы возникновения и развития городских поселений в домонгольском обществе.

Представляется перспективным исследовать ее в рамках концепции ученых Санкт-Петербургского государственного университета, согласно которой древнейшие русские города возникали как средоточия племенной жизни восточных славян. На рубеже X–XI вв. началось формирование «федераций» территориальных общин. Это были государственные образования, состоявшие из соподчиненных соседских общин, которые возглавлялись старшими городами. Зависевшие от последних малые городские центры также назывались пригородами¹²⁴.

---

¹²⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 216–243; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси.

Исследователи наметили пути изучения таких южнорусских пригородов как Вышгород, Белгород, Василев, Треполь, Канев, Корсунь, Торческ в Киевской земле; Новгород-Северский, Курск, Путивль, некоторые «задесненские» центры в Черниговской земле; Вырь, Вьяхань, Попаш в Переяславской «федерации» общин¹²⁵. Вместе с тем остается еще много слабо освещенных и вовсе не раскрытых вопросов, например: о становлении племенных средоточий в Южной Руси, механизме перерастания их в городские общины, особенностях взаимоотношений «стольных» поселений и «тянувших» к ним малых центров. Они рассматриваются в следующих главах монографии.

¹²⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 71–74, 95–97, 101–102.

ГЛАВА II. ПЛЕМЕННЫЕ ЦЕНТРЫ И СРЕДОТОЧИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩИН

В конце VII–VIII вв. на территории Южной Руси произошли важные изменения: раннеславянские древности сменили археологические памятники типа Лука-Райковецкая и роменско-боршевская культура, которые ученые увязывают с летописными союзами племен — древлянами, полянами и северянами. В современной науке в принципе определены ареалы обитания этих союзов племен, однако продолжается дискуссия о границах освоенных ими земель¹. На племенных территориях славянские поселения располагались «гнездами» («кустами»)², сведения о которых в свое время были собраны и опубли-

---

¹ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ. 1947. Вып. VI–VII. С. 101; Соловьева Г. Ф.

1) Славянские племенные союзы по археологическим данным (вятичи, радимичи, северяне): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 6, 9, 13; 2) Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (Вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. Т. 25. С. 141–142, 148; Русанова И. П. Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. EI–24. М., 1966; Тимофеев Е. И. Могильники Юго-Западной Руси X–XIII вв. (К вопросу о расселении племен Днепровского Правобережья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 13–15; Березовец Д. Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; Петрашенко В. А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII–X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 107–109; Смиленко А. Т. Славянская культура VIII–IX вв. правобережья Днепра (памятники типа Лука-Раковецкая) // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 174–191; Сухобоков О. В. Славянские древности последней четверти I тыс. н. э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры) // Там же. С. 193–212; Звіздецький Б. А. Про кордони Древлянської землі // Археологія. 1989. № 4. С. 47–58.

² Третьяков П. Н. Древлянские «грады» // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия / Редкол. В. И. Волгин и др. М., 1952. С. 66; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского госу-

ликованы И. И. Ляпушкиным³. Однако за пять десятилетий, прошедших после издания работ ученого, накоплен столь значительный археологический материал, что назрела необходимость дополнить, в некоторых случаях уточнить воспроизведенную исследователем картину размещения славянских памятников на территории Южной Руси и попытаться выяснить их социальную природу. При картографировании «гнезд» поселений, оставленных древлянами, полянами и северянами, в первую очередь следует обратить внимание на местоположение городищ по отношению к неукрепленным поселениям и могильникам (см. карту 1).

Древляне, проживавшие на территории, которая простиралась от берегов р. Уж на севере до естественной границы леса и лесостепи на юге, от устья р. Тетерев до Горыни и западнее ее, но не достигала р. Случь (см. карту 2), оставили комплексы памятников, каждый из которых включает в себя городище и синхронное ему селище, в предместьях Новгорода-Волынского Пилиповичи и Дружба (карта, № 8), в селах Гульск (карта, № 6) и Несолонь (карта, № 7) Новгород-Волынского района⁴, Бараши Емельчинского района (карта, № 10)⁵ Житомирской области. В Олевске (карта, № 4)⁶, Городце Овручского района (карта, № 9)⁷

дарства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки // МИА СССР. Л., 1968. № 152. С. 128; *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днестром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1–25. М., 1973. С. 9; *Сухобоков О. В.* 1) Славяне Днепровского Левобережья: Роменская культура и ее предшественники. Киев, 1975. С. 66; 2) Славянские древности. С. 202; *Узянов А. А.* Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в.: Некоторые новые данные о хронологии и топографии роменских поселений // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 314.

³ *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА СССР. М.; Л., 1961. № 104. С. 245–316; 2) Славяне Восточной Европы... С. 28–89.

⁴ *Кучера М. П.* Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72–73.

⁵ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: Археологическая карта / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1984. С. 30; *Звиздецкий Б. А.* Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

⁶ *Кучера М. П.* Нові дані про городища. С. 72–73; Древнерусские поселения... С. 28; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 118–119. № 94.

⁷ *Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян // СА. 1958. № 4. С. 35; *Кучера М. П.* Нові дані про Городища... С. 72–73; Древнерусские поселения... С. 28–29; *Звиздецкий Б. А.* Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

и Городище Малинского района (карта, № 24)⁸ Житомирской области такие же группы сопровождаются курганными могильниками. В селе Райки Бердичевского района той же области выявлен «куст» нескольких поселений, стянутых к укрепленному центру (карта, № 12)⁹. Древлянские «грады» и синхронные им могильники обнаружены в Мирополе Дзержинского района (карта, № 11)¹⁰ и Яроповичах Андрушевского района (карта, № 28)¹¹ той же области. Согласно П. Н. Третьякову, укрепленное поселение (в местном предании — город Оран) существовало в нижнем течении р. Тетерев у села Ораное. В конце XIX в. рядом с ним находился курганный могильник, до настоящего времени не сохранившийся (карта, № 30)¹². Наиболее значительные комплексы археологических памятников открыты в Коростене (летописный Искоростень, упомянутый в летописной статье 946 г. о карательном походе княгини Ольги)¹³ и в Житомире. Коростенский комплекс включает в себя городище (П. Н. Третьяков предполагал существование здесь нескольких городищ) и могильник, состоящий из 300 курганов, которые образуют шесть групп памятников (карта, № 16)¹⁴; Житомирский — укрепленное поселение и некрополь в 500 насыпей (карта, № 18)¹⁵.

Укажем также отдельные «грады» древлян. Это Малин (возник в VIII в.) (карта, № 23)¹⁶, укрепленные поселения в Иванкове, район-

---

⁸ Кучера М. П. Нові дані про городища... С. 72–73; Древнерусские поселения... С. 33; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 122.

⁹ Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. С. 37; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

¹⁰ Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 123.

¹¹ Древнерусские поселения... С. 42; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

¹² Третьяков П. Н. Древлянские «грады»... С. 64.

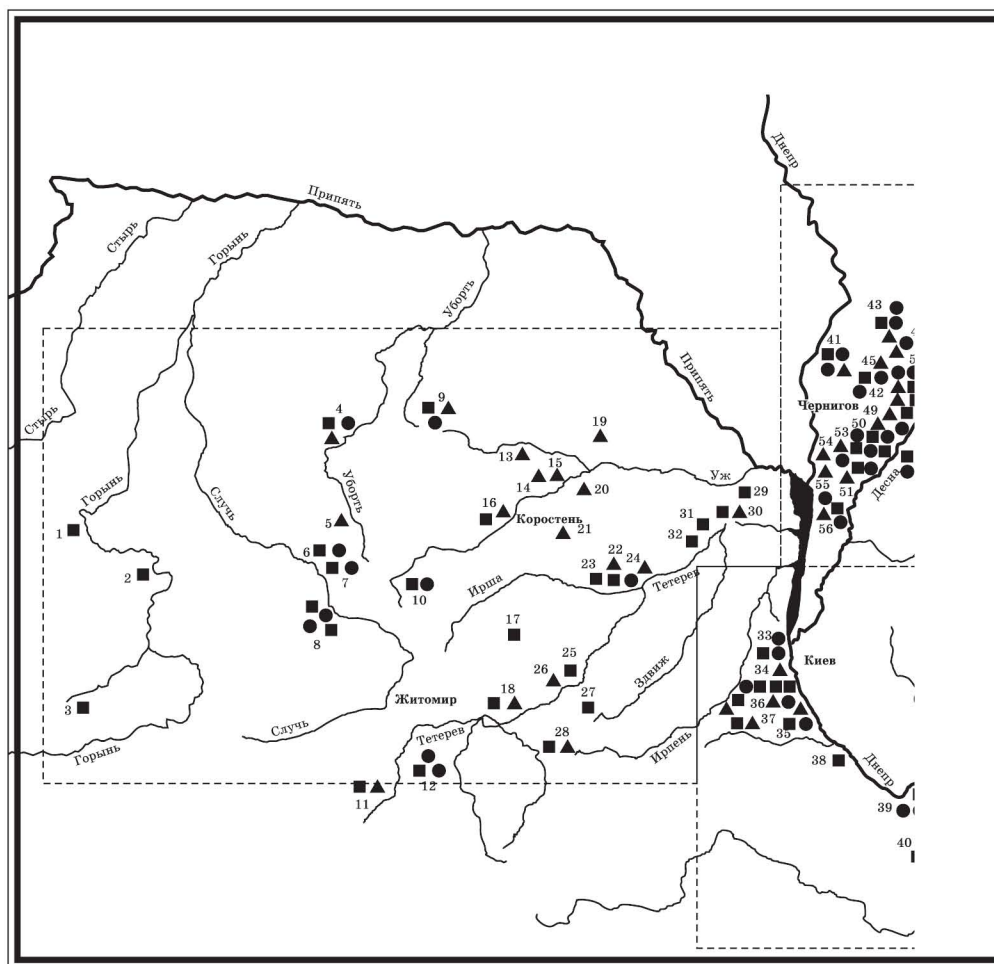
¹³ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 58–59; Т. II. М., 1962. Стб. 46–48.

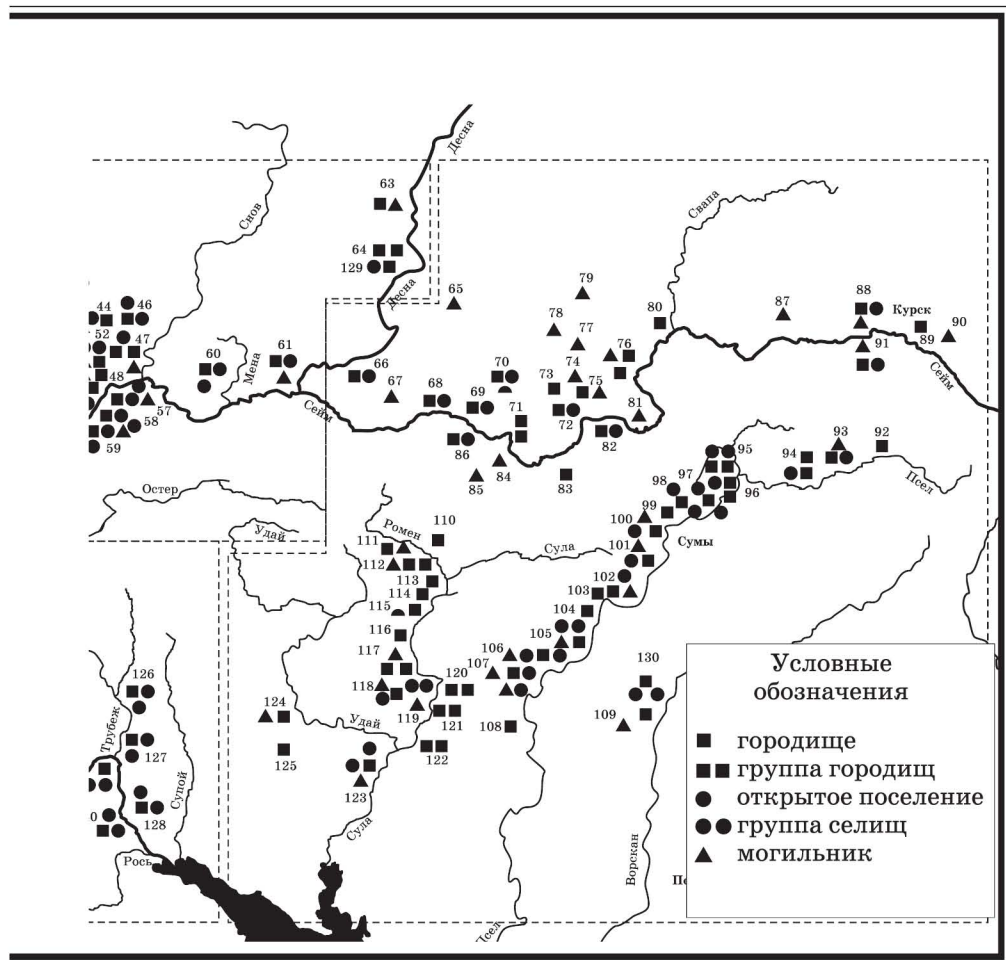
¹⁴ Третьяков П. Н. Древлянские «грады»... С. 66; Самойловский И. М. Странодревний Коростень // Археология. 1970. Т. XXIII. С. 200–201; Древнерусские поселения... С. 31; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 118–119. № 113.

¹⁵ Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 127.

¹⁶ Третьяков П. Н. Древлянские «грады»... С. 65; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

Карта 1. Археологические памятники Южной Руси в VIII-X вв.

ном центре Киевской области (карта, № 32)¹⁷, в селах Грубское (карта, № 27)¹⁸, Бежов (карта, № 17), Городск (карта, № 25), Маренин Житомирской области, Фрузиновка (карта, № 29) и Демидов (карта, № 31) Чернобыльского района Киевской области¹⁹. Слои X в. выявлены на городищах в Шумске Житомирской области (карта, № 3), Белеве (в 2 км к северу от Пересопницы) Ровенской области (карта, № 1)²⁰ и Дорогобуже той же области (карта, № 2)²¹. Под 977 г. в летописях упоминается Овруч, однако в настоящее время данных о размерах и культурном слое этого города нет²².

По нашему мнению, укрепленные центры также могли существовать в местах значительной концентрации населения – там, где сохранились могильники, но не выявлены поселения восточных славян. И. П. Русанова предположила, что некоторые древлянские некрополи располагались в отдалении от поселков²³, однако в таком случае местные жители испытывали бы неудобства во время похоронных процессий и были бы лишены возможности часто навещать кладбища. Между тем известно, что в весенне-осенний период года они неоднократно поминали умерших возле родовых могил. Значит, и жили они недалеко от мест захоронения усопших родственников. Крупные могильники сохранились в селах Норинск (155 насыпей) (карта, № 13) и Речица (карта, № 19) Овручского района, Норинцы Народицкого района (карта, № 15), Малая Глумча Емельчицкого района (карта, № 5) (по 100 курганов в каждом некрополе), Головки Малинского района (200 холмов) (карта, № 21) Житомирской области. До полусотни насыпей содержат некрополи в селах Россохи На-

---

¹⁷ Третьяков П. Н. Древлянские «грады»... С. 65; Древнерусские поселения... С. 33; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

¹⁸ Древнерусские поселения... С. 42; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

¹⁹ Русанова И. П. Археологические памятники... С. 35. № 19, 27, 28; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

²⁰ Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки (Из работ отряда по изучению крепостей 1959–1961 гг.) // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 33.

²¹ Ауліх В. В. Дослідження Галича і Дорогобужа // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV. С. 298.

²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 62; Древнерусские поселения... С. 30.

²³ Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. ... С. 30.

родицкого района (карта, № 14), Берестовец (карта, № 20) и Городок (карта, № 22) Коростельского района, а также Свишполь Коростышевского района (карта, № 26) Житомирской области²⁴.

Теперь сосредоточим внимание на скоплениях памятников, оставленных полянами. Вопрос о границах занимаемой ими территории, волновавший еще дореволюционных исследователей, и в XX в. решался неоднозначно. Б. А. Рыбаков, а вслед за ним И. П. Русанова и В. В. Седов расширяют ее за счет северянских земель на Левобережье Днепра²⁵. Но более убедительным представляется мнение А. Н. Насонова и А. П. Новосельцева, которые вслед за дореволюционными учеными Н. П. Барсовым, В. Б. Антоновичем, А. М. Андришевым, Д. Я. Самоквасовым, М. С. Грушевским и С. М. Середониным в соответствии с текстом «Повести временных лет» ограничивают полянскую племенную территорию правым берегом Днепра²⁶ (см. карту 3). Здесь комплексы археологических памятников, каждый из которых включает в себя городище, окруженное неукрепленными поселениями, и, как правило, курганный могильник, выявлены в Киеве, Китаеве (предместье города), Вышгороде Киевской области, селах Белгородка Киево-Святошинского района и Витачев Обуховского района, около села Монастырек Каневского района той же области, в 7 км южнее города Канева на Княжой горе и у ее подножия. В летописях упоминается город Василев²⁷. В селе Василькове Киевской области находится городище, по мнению Ю. Н. Малеева, возведенное в конце X в. Здесь же в конце XIX в. В. Б. Антонович открыл большой курганный некрополь, в то время насчитывавший до 400 насыпей (карта, № 37)²⁸.

---

²⁴ *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 118–119. № 98, 101, 104, 108, 109; С. 120–121. № 118, 121, 131, 132.

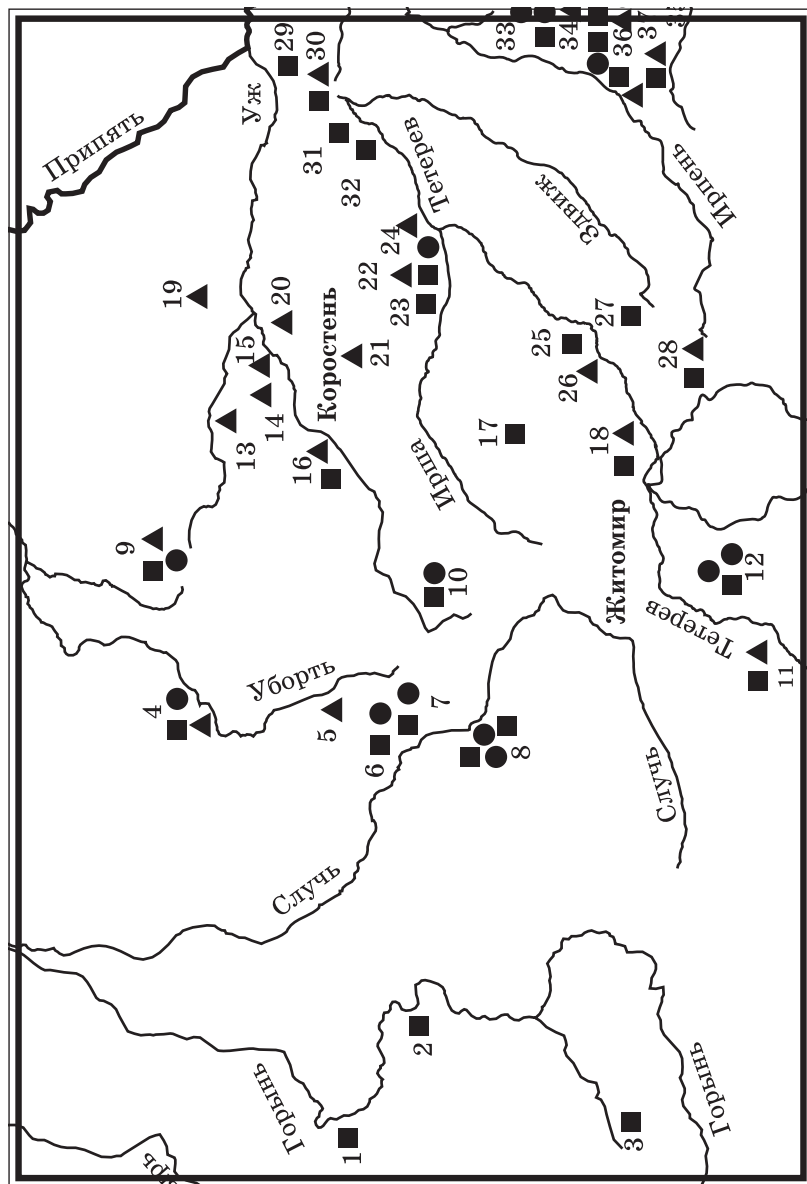
²⁵ *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне... С. 101; *Русанова И. П.* Курганы полян...; *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 108.

²⁶ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 30; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 204. — Историографию взглядов дореволюционных исследователей по этому вопросу см.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 106–107.

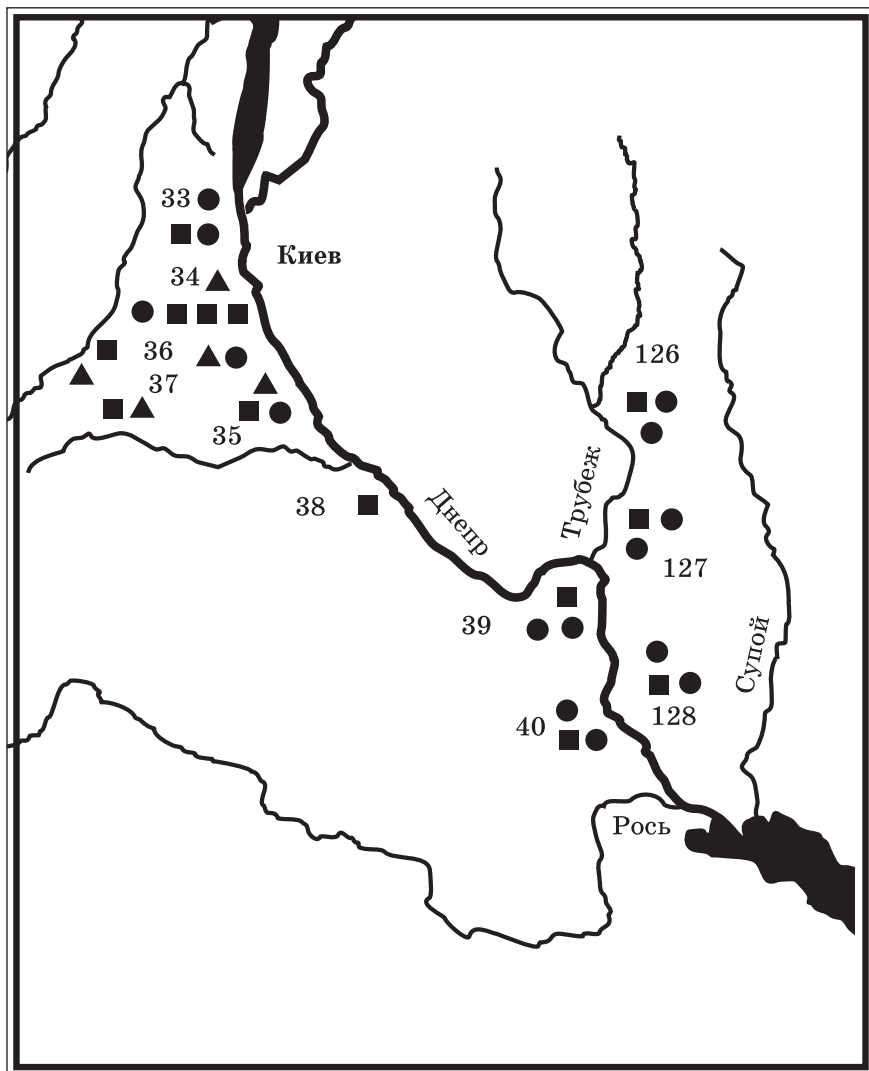
²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 109.

²⁸ *Антонович В. Б.* Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895. С. 45; *Малеев Ю. Н.* Исследования на городище летописного Василева // АО 1978 года. М., 1979. С. 362.

Карта 2. Города, селища, могильники древлян

Карта 3. Археологические памятники полян и северян в районе течения среднего Днепра

Вышгородская группа памятников включает в себя могильник (100 курганов) и окруженное селищами городище с культурным слоем X в., которое, по предположению В. И. Довженка, могло возникнуть раньше, в IX в. (карта, № 33)²⁹.

В 15 км ниже по Днепру находится киевская группа памятников (карта, № 34). Ученые полагают, что в VIII–IX вв. на Киевских горах существовало несколько поселений. М. К. Каргер описал укрепления одного из них, размещавшегося на Старокиевской горе, и высказал предположение о том, что на холмах Киселевка (близ ручья Киянки) и возвышающемся над Иорданской церковью тоже находились городища³⁰. Согласно П. П. Толочко, оборонительные сооружения имели поселения на Замковой, Старокиевской и Лысой горах³¹. «Городок Кия» в VIII – первой половине IX в. не выделялся размерами среди других восточнославянских городищ; его площадь составляла всего 2 га³². Во второй половине IX – начале X в. археологи наблюдают быстрый рост киевских поселений, процесс их слияния, формирования «детинца» и «посада» города³³. Однако, как нам представляется, и в это время город не намного превышал размерами соседние укрепленные поселения.

Так, по мнению В. И. Довженка, в X в. площади укрепленных территорий в Киеве и Вышгороде были приблизительно равны³⁴. А. В. Куза, предлагавший рассматривать размеры территории поселения, обнесенной оборонительными сооружениями, в качестве одного из его градообразующих признаков, заметил, что даже в конце X – начале XI в. Вышгород, Белгород, Переяславль, Новгород-Север-

---

²⁹ Довженко В. Й. Про дофеодалний період в історії Русі // Археологія. 1952. Т. VI. С. 11; Русанова И. П. Курганы полян... С. 32 № 81; Древнерусские поселения... С. 49; Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 59, 68; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 37.

³⁰ Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958. С. 103, 112–113.

³¹ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 26–29, 47.

³² Брайчевський М. Ю. Коли і як виник Київ. Київ, 1963. С. 104; Куза А. В. Древнерусские поселения... С. 67.

³³ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. С. 11–12; Толочко П. П. Древний Киев... С. 58.

³⁴ Довженко В. Й. Древній Вишгород // Вісник Академії наук УРСР. 1949. № 8. С. 40.

ский, Любеч были «близки по характеристикам» Киеву, который тогда обладал «вполне» городским «характером»³⁵. В середине X в. в «граде Кия» и на прилегавших к нему селах проживало больше людей, чем на землях, занятых другими полянскими племенами³⁶, что, разумеется, стимулировало развитие укрепленного центра киян. Однако, как можно заметить при сопоставлении количественных данных могильников, киевская округа по численности населения не выделялась среди таких крупных южных комплексов поселений, как черниговский, клоновский, седневский, шестовицкий³⁷. Интересное свидетельство о восприятии современниками киевской округа как менее населенной, чем смоленская, находим в Устюжском летописном своде, сохранившем, как полагают некоторые исследователи, более древние и полные сведения по русской истории, чем «Повесть временных лет»³⁸. Согласно этой летописи, отправившиеся в Царьград Аскольд и Дир «поидоша <...> по Днепру вниз мимо Смоленьск и не явистася Смоленьску, зане град велик и мног людьми и приплыста под горы Киевския и узреста на горе град мал <...> и седоста в градке том княжити»³⁹.

К югу от киевского археологического комплекса находится китаевская группа памятников, состоящая из сложного по конфигурации городища IX–X вв., синхронного ему селища и курганного могильника (карта, № 35)⁴⁰.

Как установлено Г. Г. Мезенцевой, уже в VIII в. на территории современного села Белгородка Киево-Святошинского района Киевской области существовало укрепленное поселение площадью 8,5 га

---

³⁵ Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 66.

³⁶ Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 137, 138, 140, 141, 143.

³⁷ Там же. С. 124–125. № 188, 191, 198, 202.

³⁸ Сербина К. Н. Устюжский летописный свод // ИЗ. 1946. Т. 20. С. 270; Зиборов В. К. О перспективах изучения письменных источников XI в. (В связи с изданием книги М. Б. Свердлова «От закона Русского к Русской Правде». М., 1988) // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер. 2. Вып. 4. С. 16–17.

³⁹ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 20.

⁴⁰ Русанова И. П. Курганы полян... С. 33. № 91; Мовчан И. И. 1) Исследования древнего Китаева // АО 1973 года. М., 1974. С. 310; 2) Китаевский комплекс в Киеве // АО 1985 года. М., 1987. С. 373; Древнерусские поселения... С. 51–52; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 120–121. № 143.

с примыкавшим к нему «посадам». На белгородском могильнике, функционировавшем до монголо-татарского нашествия, открыты два захоронения – трупосожжения X в. (карта, № 36)⁴¹.

Упомянутый Константином Багрянородным Витичев⁴² ученые отождествляют с большим поселением (10 га), состоявшим из «детинца» и укрепленной территории вне его, в селе Витачев Обуховского района Киевской области (карта, № 38)⁴³.

Значительная группа полян проживала у села Монастырек Каневского района Киевской области. Богатый материал VIII–X вв. собран здесь на Западном городище и прилегающих к нему селищах (карта, № 39)⁴⁴.

В 7 км южнее Канева на Княжьей горе находился «летописный» город Родень. У подножия горы выявлено и частично раскопано несколько больших неукрепленных поселений, одно из которых – Каневское – датируется VII – серединой IX в. Значительные раскопки здесь были проведены Г. Г. Мезенцевой (карта, № 40)⁴⁵.

Завершая обзор правобережных комплексов памятников, заметим, что их список отнюдь не исчерпывается перечисленными примерами. В. А. Петрашенко указывает на недостаточную изученность археологических памятников восточных славян на территории, простирающейся к западу от Днепра⁴⁶, поэтому будем надеяться, что в

⁴¹ Мезенцева Г. Г. 1) Про топографію стародавнього Білгорода // Український Історичний журнал. 1968. № 8. С. 116; 2) Белгород // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 314–315, 318–319; Мезенцева Г. Г., Прилипко Я. П. Давньоруський могильник Белгорода Київського (Дослідження 1974–1976 рр.) // Археологія. 1980. Вип. 35. С. 107–108.

⁴² Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 47.

⁴³ Куза А. В. 1) Археологическое изучение древнерусских городов в 1962–1976 гг. // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 155. С. 10; 2) Древнерусские поселения... С. 53.

⁴⁴ Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.

⁴⁵ Богусевич В. А. Походження і характер давньоруських міст Наддніпрянщини // Археологія. 1951. Т. V. С. 37; Мезенцева Г. Г. 1) Канівське поселення полян. Київ, 1965; 2) Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ, 1968; 3) Родень // Археологія Української ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 319–322.

⁴⁶ Так, согласно В. А. Петрашенко, раскопки проводились только на 32 из 80 известных памятников Правобережья Днепра, датируемых VIII–X вв. — См.: Петрашенко В. А. Лесостепное Правобережное Поднепровье. С. 4.

процессе их дальнейшего выявления и исследования появится возможность более детально картографировать районы концентрации населения, проживавшего здесь в VIII–X вв.

Значительно больше «гнезд» восточнославянских поселений выявлено на Днепровском Левобережье. Высокой плотностью населения отличалось междуречье Днепра и Десны, ограниченное с востока р. Меной. Только в нижнем течении Десны от Чернигова до р. Остер открыто 46 памятников, датируемых VIII–X вв.⁴⁷ (см. карту 4).

«Куст» поселений восточных славян размещался у села Любеч Репкинского района Черниговской области. Здесь, в окружении селищ, на горе Лысица возвышается городище, культурный слой которого содержит остатки периода бронзы – XII в. Рядом находится курганный могильник (карта, № 41)⁴⁸.

К югу и востоку от этого комплекса «гнезда» поселений с укрепленным центром в каждом из них выявлены у сел Малый Листвен Репкинского района (карта, № 42), Колычевка (карта, № 58), Горица (карта, № 46) и Волосковцы (карта, № 60) Менского района Черниговской области. В селах Звеничев (карта, № 43), Анисово (карта, № 57), Рогоща (карта, № 52), Ивановка (карта, № 59), Слабино (карта, № 51) и Смолино (карта, № 53) Черниговского района, Моровск Козелецкого района (карта, № 56) той же области аналогичные группы памятников сопровождаются некогда большими, но к настоящему времени плохо сохранившимися могильниками. У села Клонов Репкинского района рядом с обширным некрополем находятся не датированное городище и селище с постройками X в. (карта, № 44)⁴⁹. Значительный интерес представляют памятники шестовицкого и сед-

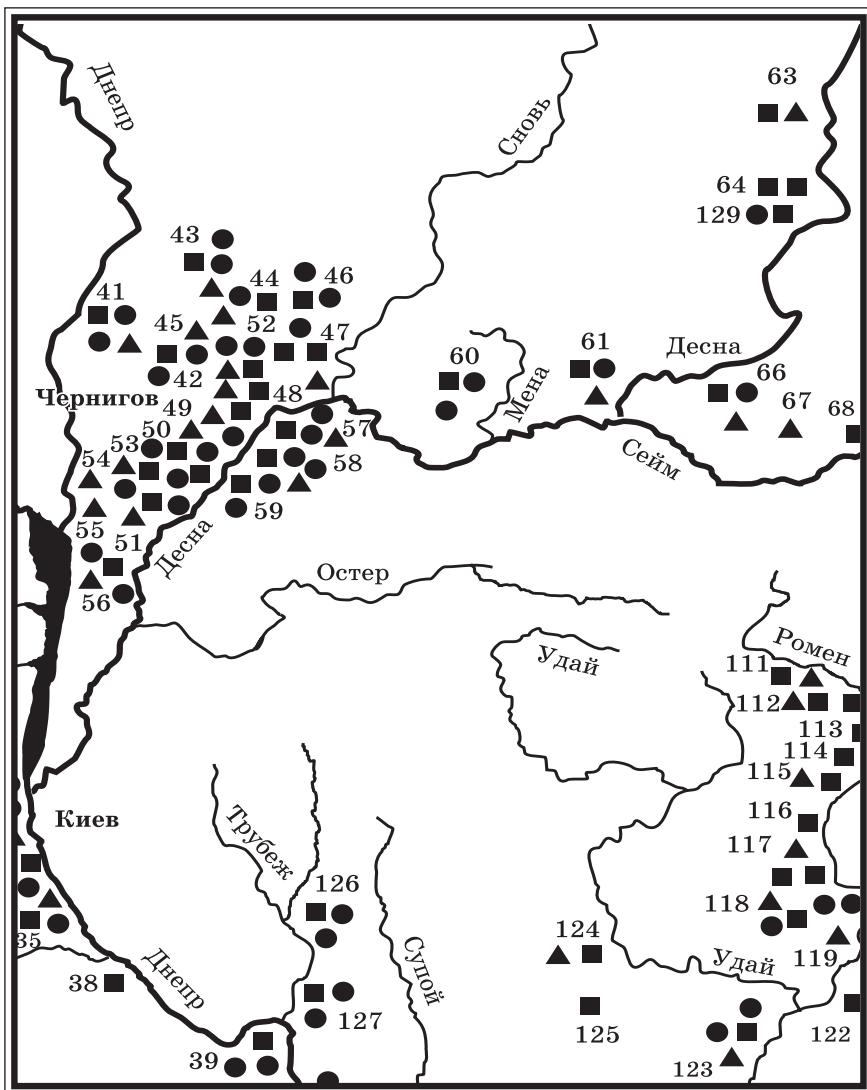
---

⁴⁷ *Попко О. О.* Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. 1. С. 129.

⁴⁸ *Богусевич В. А.* Походження і характер... С. 38; *Рыбаков Б. А.* 1) Раскопки в Любече в 1957 году // КСИИМК АН СССР. 1960. Вып. 79. С. 29; 2) Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИИМК АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 21; *Русанова И. П.* Курганы полян... С. 36. № 161; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 124–125. № 180.

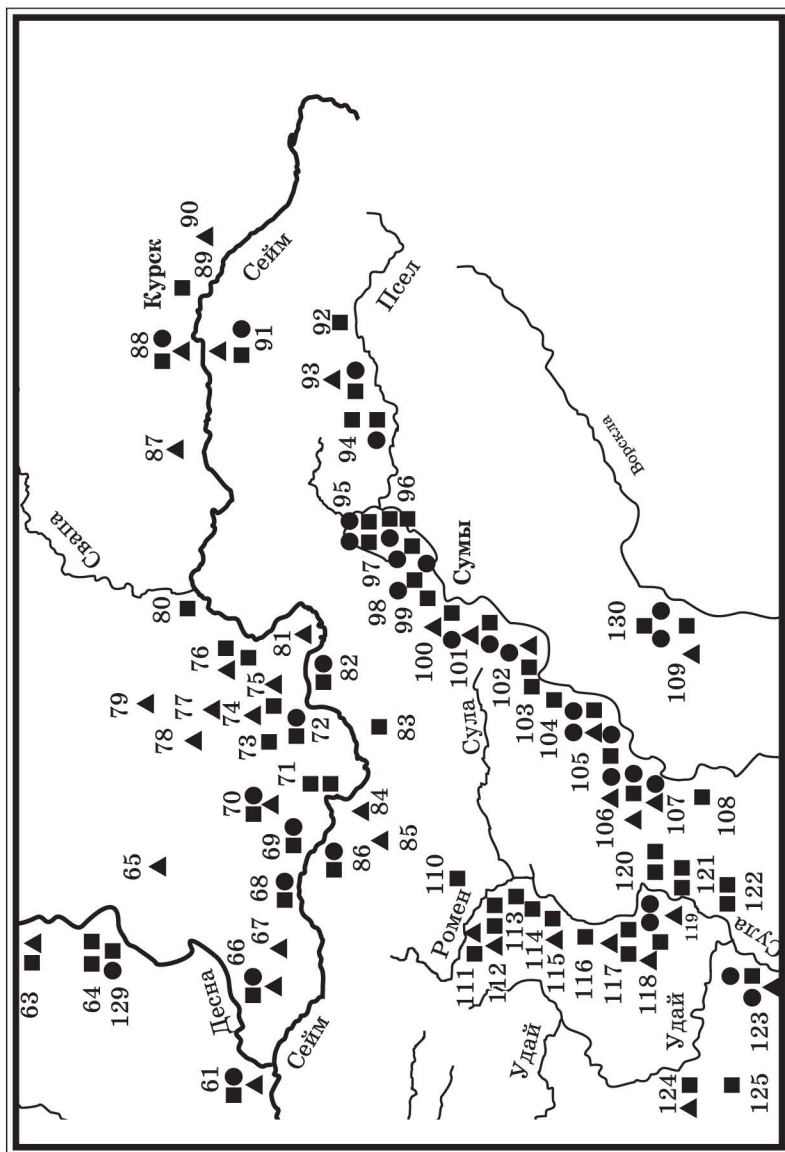
⁴⁹ *Русанова И. П.* Курганы полян... С. 36. № 163; *Попко О. О.* Слов'янські археологічні пам'ятки. С. 129–140; *Коваленко В. П.* Исследование летописных городов на Черниговщине // АО 1981 года. М., 1982. С. 268; *Коваленко В. П., Шекун А. В.* Летописный Листвен (К вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4. С. 67–68; *Коваленко В. П.,*

Карта 4. Археологические памятники северян в междуречьи Днепра и Десны

Карта 5. Археологические памятники северян в Курском Посеймье, междуречьи Сейма и Десны, Посулье, бассейне рек Псел и Ворскла

невского комплексов. Первый из них – это два укрепленных, несколько открытых поселений и очень большой могильник (карта, № 50)⁵⁰; второй комплекс включает в себя обширное селище, два городища, из которых одно, в урочище Орешня, сгорело в начале X в., другое, в урочище Коронный замок, было возведено не позднее середины того же столетия, а также некрополь, содержащий несколько скоплений курганов (карта, № 47)⁵¹.

Группа укрепленных поселений с соответствующими им курганными могильниками существовала в IX–X вв. на месте древнерусского Чернигова (карта, № 48). По мнению некоторых исследователей, становление восточнославянского «града» на Десне происходило в результате слияния этих поселений⁵². Это мнение оспаривают В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, А. В. Куза и В. П. Коваленко, согласно которым центром формировавшегося в X в. Чернигова стало городище в устье р. Стрижень⁵³.

Отдельно расположенные крупные некрополи выявлены в междуречье Днепра, Десны и Мены в селах Пересажа (карта, № 54), Гущино (карта, № 49), Сибереж (карта, № 45), Табаевка (карта, № 55). Здесь также могли существовать древние городища⁵⁴.

Моця А. П. Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1985 года. М., 1987. С. 341–342; *Веремейчик Е. М., Казаков А. Л., Коваленко В. П.* Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1986 года. М., 1988. С. 262–263; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 124–125. № 188.

⁵⁰ *Русанова И. П.* Курганы полян... С. 36. № 163; *Попко О. О.* Слов'янські археологічні пам'ятки. С. 130–134; *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 124–125. № 202.

⁵¹ *Коваленко В. П.* Исследования летописного Сновска // АО 1982 года. М., 1984. С. 270–271; Древнерусские поселения... С. 120; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 124–125. № 191.

⁵² *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА СССР. М., 1949. № 11. С. 10; *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1955. Т. V. С. 11; *Мезенцев В. И.* Древний Чернигов. Генезис и историческая топография города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981. С. 14.

⁵³ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники... С. 15; *Куза А. В.* Древнерусские поселения... С. 71; *Коваленко В. П.* Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 23.

⁵⁴ *Русанова И. П.* Курганы полян... С. 35. № 156, 159; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 124–125. № 192, 197, 201.

К востоку от р. Мены по правому берегу Десны «гнезда» археологических памятников располагаются реже. Они выявлены у сел Горбово (городище с культурным слоем X в. и синхронное ему селище) (карта, № 129)⁵⁵ и Ленково (укрепленное поселение и могильник) (карта, № 63)⁵⁶ Новгород-Северского района Черниговской области, в райцентре Сосница (некрополь, два открытых поселка, одно из которых, по предположению И. И. Ляпушкина, могло иметь не сохранившиеся до нашего времени укрепления) (карта, № 61)⁵⁷, в Новгороде-Северском («куст» городищ) (карта, № 64)⁵⁸ и Трубчевске (Кистунская крепость, два укрепленных поселения на окраине города, а также значительных размеров могильник) (карта, № 62)⁵⁹.

На территории водораздела рек Десны, Сейма и Свапы (карта 5) комплексы из нескольких городищ открыты в городе Путивле Сумской области (четыре городища) (карта, № 71)⁶⁰ и Рыльске Курской области (две крепости) (карта, № 76)⁶¹, из укрепленного и открытого поселений – в селах Шабалинов Коропского района Черниговской области (карта, № 66), Червонный Ранок Кролевецкого района (карта, № 68), Волинцево (карта, № 72), Литвиновичи (карта, № 69) и Волокитино (карта, № 70) Путивльского района Сумской области. В Рыльске и Волокитино находятся курганные некрополи. В Новой Слободе Путивльского района Сумской области выявлены укреплен-

---

⁵⁵ Григорьев А. В. Поселение у села Горбово // КСИА АН СССР. 1983. Вып. 175. С. 72; Поляков А. Н. В граде Игорева. Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков. СПб., 2001. С. 47–49.

⁵⁶ Древнерусские поселения... С. 103; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 126–127. № 218.

⁵⁷ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 309–310. № 267; 2) Славяне Восточной Европы... С. 77. № 253; Древнерусские поселения... С. 106.

⁵⁸ Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. 24. С. 67–78; Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 года. М., 1980. С. 280–281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1980 года. М., 1981. С. 259.

⁵⁹ Падин В. А. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска // КСИИМК АН СССР. 1948. Вып. 23. С. 86–92; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... С. 69. № 201; С. 78. № 262; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 126–127. № 210.

⁶⁰ Древнерусские поселения... С. 110–113; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 128–129. № 235.

⁶¹ См.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... С. 75–76. № 244, 245; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 128–129. № 241.

ный населенный пункт X в. и большой могильник (карта, № 75). Отдельные цитадели обнаружены в селах Ховзовка Путивльского района Сумской области (карта, № 73) и Капыстичи Рьльского района Курской области (карта, № 80)⁶².

Большие курганные могильники, указывающие на концентрацию здесь значительного количества населения, выявлены в селах Воронеж Шосткинского района (четыре группы насыпей, в трех из которых находятся захоронения VIII–X вв.) (карта, № 65) и Мовчанское болото Путивльского района (карта, № 74) Сумской области. Некрополи несколько меньших размеров сохранились в городе Глухове (карта, № 78), селах Ротовка (карта, № 79) и Богдановка (карта, № 77) Глуховского района Сумской области, Холодянов той же области (карта, № 67) и Марьяновка Курской области (карта, № 81)⁶³.

В Курском Посеймье археологические комплексы, включающие в себя городища VIII–X вв. в окружении синхронных им селищ и курганные некрополи, выявлены в селах Липно Прямыцинского района (карта, № 91), Шуклинка Курского района (карта, № 88) и Гочево Обоянского района (карта, № 93) Курской области⁶⁴. «Куст» поселений (три городища и примыкающее к одному из них селище) открыт в селе Колодезь Обоянского района той же области (карта, № 94)⁶⁵. Отдельные приспособленные к обороне населенные центры с роменскими отложениями обнаружены в Картамышеве Обоянского района (урочище Погребок) (карта, № 92), поселке Городище (карта, № 89) и Старом городе Курской области⁶⁶. Упомянем также отдельно расположенные крупные курганные группы, сохранившиеся на территории Курского Посеймья. Они находятся

---

⁶² См.: *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 247–248. № 232; С. 338. № 312; С. 258. № 246; 2) Славяне Восточной Европы... С. 60. № 160; С. 68. № 198; С. 69–70. № 207; Древнерусские поселения. С. 106–107, 109, 113–116; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 128–129. № 234, 238, 241.

⁶³ *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 126–127. № 229–233; С. 128–129. № 236, 240.

⁶⁴ *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 262–263. № 253; 2) Славяне Восточной Европы... С. 66. № 185; С. 71. № 215; С. 81. № 279; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 128–129. № 243, 244; С. 130–131. № 283.

⁶⁵ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы... С. 66. № 187–189.

⁶⁶ Там же. С. 69. № 200; С. 77. № 254.

в селах Клюква (карта, № 90) и Голубовка-Студинка (карта, № 87) Курской области⁶⁷.

Многочисленные скопления памятников сконцентрированы в районе Верхнего Посулья и среднего течения р. Псел. Интересные результаты получены А. В. Кузой, обследовавшим комплекс памятников у села Горналь Суджанского района Курской области. По мнению ученого, расположенное здесь «Большое городище» (датируется VIII в. — 70-ми гг. X в.) являлось средоточием широко раскинувшейся округи, на территории которой, кроме непосредственно примыкавшего к нему открытого «посада», находились еще 18 сел и один укрепленный поселок — «Фагор» (карта, № 95)⁶⁸. В селах Великая Рыбица (карта, № 96) и Могрица (карта, № 98) Миропольского района Сумской области выявлены соответственно две группы селищ, каждая из которых стянута к укрепленному центру⁶⁹. В селах Кнышевка (карта, № 105), Броварки (карта, № 106) и Сады (карта, № 107) Гадячского района Полтавской области аналогичные группы памятников сопровождаются курганными могильниками⁷⁰. В селах Шпилевка Сумского района (карта, № 100), Каменное (карта, № 102) и Зеленый Гай (карта, № 101) Лебединского района Сумской области открыты археологические комплексы, каждый из которых включает в себя два поселения, укрепленное и открытое, и отличающийся размерами курганный некрополь⁷¹. Два северянских поселка, из которых один имел укрепления, находились на территории села Тополи Сумского района одноименной области (карта, № 97)⁷². Отдельные

---

⁶⁷ *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 128–129. № 242, 248.

⁶⁸ *Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1981. С. 6–39.

⁶⁹ *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 56. № 20; С. 264. № 256; 2) Славяне Восточной Европы... С. 60. № 157.

⁷⁰ *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 247. № 231; С. 280–281. № 248; 2) Славяне Восточной Европы... С. 59. № 156; С. 69. № 204; Древнерусские поселения... С. 162–163; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 130–131. № 277.

⁷¹ *Ляпушкин И. И.* 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 255–256. № 244; С. 256–258. № 245; С. 315–316. № 276; 2) Славяне Восточной Европы... С. 67. № 195; С. 68. № 197; С. 80. № 278; *Сухобокров О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С.* Раскопки у с. Каменное // АО 1977 года. М., 1978. С. 387–388; Древнерусские поселения... С. 157–158; *Моця А. П.* Погребальные памятники... С. 130–131. № 278.

⁷² *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы... С. 78. № 259.

роменские городища обнаружены в селах Азак (карта, № 103), Горка (карта, № 104), Новотроицкое (карта, № 108), Битица (карта, № 99) Сумской области⁷³. Две группы восточнославянских памятников выявлены в селе Петровском Тростянецкого района Сумской области. Одна из них, расположенная в черте села, включает в себя городище и окружающие его селища (карта, № 130). Другая группа, обнаруженная в 2 км южнее первой, представляет собой укрепленный поселок и несколько полуразрушенных курганов (карта, № 109)⁷⁴.

На территории «летописного» Черниговского «Задесенья» известны отдельные городища, иногда с единичными синхронными им селищами. Они выявлены в селах Лещиновка Глушковского района Курской области (здесь находятся городище и селище) (карта, № 82)⁷⁵, Ворожба (имеются сведения исключительно о городище) (карта, № 83)⁷⁶, Хижки Конотопского района Сумской области (здесь роменские отложения прослеживаются на обнесенном валом поселке и вокруг него) (карта, № 86)⁷⁷ и Красный Колядин (существовавший здесь «град» возник в VIII в., продолжал развиваться в древнерусское время, отождествляется с «летописным» Глеблем) Талалаевского района Черниговской области (карта, № 110)⁷⁸. Крупные некрополи на территории «Задесенья» сохранились в селах Октябрьское Путивльского района (карта, № 84) и Веревка Конотопского района (карта, № 85) Сумской области⁷⁹.

В бассейне р. Сулы и ее притоков северяне размещались следующим образом. Крупные, содержащие до сотни и свыше курганов некрополи соседствуют с двумя укрепленными поселениями значитель-

---

⁷³ Ляпушкин И. И. 1) Городище Новотроицкое // МИА СССР. М.; Л., 1958. № 74; 2) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 50–52. № 7; С. 245. № 227; С. 250. № 237; С. 264. № 257; 3) Славяне Восточной Европы... С. 57. № 143; С. 59. № 151.

⁷⁴ Третьяков П. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла // Археологія. 1947. Т. I. С. 124–26, 129–131; Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 304–305. № 259, 260; 2) Славяне Восточной Европы... С. 73–74. № 230, 231.

⁷⁵ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы... С. 71. № 214.

⁷⁶ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 249. № 234; 2) Славяне Восточной Европы... С. 62. № 164.

⁷⁷ Древнерусские поселения... С. 113.

⁷⁸ Там же. С. 141.

⁷⁹ Моця А. П. Погребальные памятники... С. 128–129. № 259, 260.

ных размеров, открытыми в селе Липовое (карта, № 112)⁸⁰, а также находятся рядом с городищами, выявленными в городе Глинске (карта, № 115) и селе Медвежье Роменского района (карта, № 111) Сумской области⁸¹. В селах Бодаква (карта, № 120) и Сенча (карта, № 121) Лохвицкого района, Снитин Лубенского района (карта, № 122) Полтавской области обследовано по два роменских городища⁸², в райцентре Лохвица — два укрепленных поселения, возведенных в VIII в., с соответствующими им могильниками (карта, № 117)⁸³. В городе Лубны (карта, № 123) и селе Скоробогатки Лохвицкого района (карта, № 118) той же области обнаружено по несколько селищ, стянутых к укрепленному центру. Каждая группа памятников сопровождается курганным могильником⁸⁴. В городе Ромны (урочище Монастырище) (карта, № 113), селах Шумск Сумской области (карта, № 114), Свиридовка Лохвицкого района (карта, № 116), Хитцы Лубенского района (карта, № 125) и Городище Чернухинского района Полтавской области находятся единичные поселки, имеющие укрепления. Рядом с последним выявлен некрополь с захоронениями X в. (карта, № 124)⁸⁵. Одиночный большой могильник (80 насыпей) — свидетельство существования в Посулье еще одной локальной группы славян — сохранился в селе Млыны Лохвицкого района Полтавской области (карта, № 119)⁸⁶.

Три «куста» селищ с укрепленным центром в каждом из них оставили славяне, «сидевшие» на левом берегу Днепра, к югу от р. Трубеж (карта 3). Они проживали на территории города Переяслава-

---

⁸⁰ Моця А. П. 1) К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI–XII вв. // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. С. 165; 2) Погребальные памятники... С. 128–129. № 258.

⁸¹ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 243. № 236; 2) Славяне Восточной Европы... С. 64. № 176; С. 72. № 222; Древнерусские поселения... С. 143; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 130–131. № 262, 265.

⁸² Древнерусские поселения... С. 145–147.

⁸³ Там же. С. 144–145; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 130–131. № 269.

⁸⁴ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 263–264. № 255; 2) Славяне Восточной Европы... С. 71. № 217; Древнерусские поселения... С. 152; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 130–131. № 270, 273.

⁸⁵ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 128–129. № 96; С. 132. № 100; С. 312. № 270; С. 316. № 277; 2) Славяне Восточной Европы... С. 65. № 183; С. 75. № 243; С. 78–79. № 266; Древнерусские поселения... С. 142, 144, 149, 150; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 130–131. № 274.

⁸⁶ Моця А. П. Погребальные памятники... С. 130–131. № 271.

Хмельницкого (карта, № 127), сел Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области (карта, № 126) и Лепляво Каневского района Черниговской области (карта, № 128)⁸⁷.

Итак, мы попытались нанести на карту все ныне известные «гнезда» археологических памятников, оставленные восточными славянами, которые в VIII–X вв. проживали на территории Южной Руси (см. карту 1). Несложно заметить, что каждое из них, как правило, представляло собой группу селищ, стянутых к укрепленному центру, или несколько городищ, одно из которых, возможно, играло роль главного поселения. Обитатели каждой округи хоронили умерших на своем курганном кладбище. Перед нами — локальные, изолированные друг от друга незаселенными лесными и степными зонами, разумеется, самообеспечивавшиеся и самоуправлявшиеся общности восточных славян, более мелкие, чем племенные союзы древлян, полян и северян.

В 50-е гг. XX в. Г. Ф. Соловьева предприняла попытку на основании различий в погребальном обряде некоторых групп восточных славян очертить границы «малых племен», входивших в племенные союзы. Исследовательница обнаружила восемь разновидностей курганных древностей у радимичей, две — у дреговичей, шесть — у вятичей. Выявить «малые племена» у древлян и северян археолог не смогла⁸⁸. Метод Г. Ф. Соловьевой, как и ее выводы, признаются не всеми учеными⁸⁹. Однако идея Б. А. Рыбакова о возможности выявления локальных групп восточных славян внутри племенных союзов, которую пыталась конкретизировать исследовательница, современной наукой не отрицается⁹⁰. Наблюдения над размещением археологических памятников на территории, ограниченной реками Стырь на западе и Сейм на востоке, Припять и Сновь на севере, Рось, Сула,

---

⁸⁷ Русанова И. П. Курганы полян... С. 36. № 165, 167; Древнерусские поселения... С. 133–134; Моця А. П. Погребальные памятники... С. 128–129. № 251, 254.

⁸⁸ Соловьева Г. Ф. 1) Славянские племенные союзы... С. 6, 10–12, 13; 2) Славянские союзы племен... С. 148, 156–165.

⁸⁹ Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Под ред. С. М. Орешникова. М., 1971. С. 182–196; Седов В. В. Восточные славяне... С. 269; Юшко А. А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С. 152, 154.

⁹⁰ Седов В. В. Восточные славяне... С. 269.

Псел и Ворскла на юге, позволяют сделать выводы, которые дополнительно аргументируют целесообразность проведения исследований, предлагавшихся Б. А. Рыбаковым—Г. Ф. Соловьевой. Но, в отличие от последней, учитывавшей исключительно различия в погребальном обряде восточных славян, мы считаем, что локализовать районы проживания «малых племен» позволяет только комплексный подход к изучению оставленного ими материала. При этом необходимо выявить и сопоставить такие критерии, как плотность застройки племенной территории, особенности конструкции жилищ, отопительных сооружений, могильников и др.

Так, на правом берегу Днепра от впадения в него р. Ирпени до устья реки Роси поселения VIII—X вв. распределяются неравномерно: четко прослеживаются два их сгустка — вокруг Киева и в районе Канева. Местное население строило жилища со срубными стенами, но на Каневщине их обшивали деревянными плахами и обмазывали глиной, что не практиковалось на Киевщине⁹¹. Из таблицы распределения отопительных сооружений на поселениях полян, составленной А. Т. Смиленко, можно заметить, что печи-каменки преобладают на Каневщине, на Киевщине же встречается больше глиняных печей разных видов⁹². Эти наблюдения, как нам представляется, свидетельствуют о том, что на территории, ограниченной реками Ирпень—Тетерев—Рось, в VIII — середине X в. проживали две сравнительно обособленные группы восточных славян. Эти два полянских племени осваивали правый высокий берег Днепра. В таком случае логично предположить, что на территории Южной Руси расселились отдельные племена древлян, полян и северян.

Было бы ошибкой представлять каждое из них общностью, застывшей в историческом развитии. Как было справедливо отмечено Ф. Энгельсом, племя обычно делилось на два так называемых первоначальных рода, которые по мере роста населения, распадалась на несколько «дочерних» родов. При этом первоначальный род превращался в пле-

---

⁹¹ Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1985. С. 114—115.

⁹² Смиленко А. Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII—X вв. // Древние славяне и Киевская Русь / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1989. С. 108. Табл. 1.

мя, а первоначальное племя становилось союзом «дочерних» племен⁹³. Этот процесс универсален для различных регионов мира. Не является здесь исключением и Южная Русь. Мы подошли к ответу на вопрос о социальной природе локальных групп восточных славян, оставивших вышеуказанные скопления археологических памятников. Они представляли собой «дочерние» племена, образовавшиеся в результате исторического развития отдельных первичных племен, осваивавших территорию Южной Руси. Так как роды колонистов разрослись в самостоятельные («дочерние» или «малые») племена, прежние небольшие племена превратились в союзы этих самых «малых» племен. Племенные союзы перечислены в «Повести временных лет», районы их проживания обозначены в предании о расселении восточных славян. «Малые» племена, входившие в союзы племен древлян, полян и северян, оставили скопления картографированных нами археологических памятников. В отдельных поселках, составлявших «гнездо» памятников, проживали родовые коллективы.

Между последними осуществлялись постоянные контакты, вызванные «общностью земельных угодий, интересами межобщинного обмена, потребностями экзогамных брачных связей и оборонительными интересами»⁹⁴. По мере разрастания родовых поселков вследствие увеличения числа их жителей и усложнения набора связей между ними появилась потребность в создании центра, который мог бы регулировать и контролировать жизнь племенной округи. Вслед за В. В. Мавродиным И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко считают полифункциональное укрепленное поселение, являвшееся средоточием племенной жизни, городом в социальном значении этого слова⁹⁵. Здесь, разумеется, возникает вопрос: каков был статус главного населенного пункта в каждом из картографированных нами «гнезд» памятников? Чтобы ответить на него, рассмотрим функции этих средоточий.

---

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 156.

⁹⁴ Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР: VII–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958. С. 833.

⁹⁵ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. 1970. № 20. С. 7–15; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 229–232; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 29–30, 34.

Многие исследователи увязывают возникновение укрепленных поселений в Южной Руси с усилением опасности со стороны Степи⁹⁶. Значит, одна из функций восточнославянского «града» — защита местного населения от неприятеля.

Также выше перечисленные городки, вероятно, являлись местами сбора племенных ополчений. Б. А. Рыбаков полагал, что ополчение «малого» племени называлось «тысячей», а термин «сотня» обозначал отряд, поставлявшийся семейной общиной — вервью. Верви в свою очередь в совокупности составляли «малое» племя⁹⁷.

Нам представляется, что этот подход к пониманию структуры военной организации у восточных славян отличается статичностью, он не учитывает развития племени. По нашему мнению, изначально «тысячей» называлась военная организация первичного племени. Впоследствии этим термином стали обозначать ополчение «дочернего» («малого») племени — составного элемента союза племен. Под «сотней» же следует понимать отряд одного из поселений округа — родовой общины. В этом смысле следует трактовать и летописное сообщение о Сновской тысяче. Этот архаизм — не единственное попавшее в письменные источники указание на отошедшую в прошлое структуру территориального, сотенно-тысячного, устройства войска у восточных славян. Интересное замечание на этот счет высказал М. С. Грушевский. Обратив внимание на наличие на небольшой территории сразу трех тысяцких — киевского, белгородского и вышгородского, — исследователь предположил, что «это подтверждение пережитков некоторой самостоятельной организации в городах полянской земли с тех пор, когда она не объединилась еще в одну военную организацию, когда Киев не добился еще полного превосходства над пригородами, и каждый значительный город сам организовывал оборону на той территории, которая непосредственно к нему тянула»⁹⁸.

Другая функция южнорусских городов — административная. Здесь пребывали племенные власти. Так, имена легендарных князей

---

⁹⁶ *Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення... С. 123; *Березовец Д. Т.* Северяне... С. 31; *Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // Историческая география России / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1970. С. 76; *Сухобоков О. Б.* Славянские древности. С. 210.

⁹⁷ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 255.

⁹⁸ *Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Т. I. Львів, 1904. С. 349.

Кия, Щека и Хорива, правителей Аскольда и Дира связаны с Киевом⁹⁹. В Чернигове, Переяславле, Любече правили князья «под Олегом суще»¹⁰⁰. Взяв Искоростень, безжалостная воительница Ольга «старейшины же города ижже»¹⁰¹. Согласно преданию, внесенному в летопись под 997 г., в Белгороде проживали и осуществляли свои функции «старейшины градская»¹⁰². В южнорусских укрепленных поселениях созывались народные собрания – верховный орган власти в племени. Источники сообщают о решениях, принятых на вече в Искоростене (946 г.) и Белгороде (997 г.)¹⁰³. В малых городах, расположенных вдоль оживленных водных магистралей, торговали. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Любече, Киеве, Белгороде, Родене, Переяславле, на городищах у сел Монастырек, Лепляво, Новотроицкое, Шестовица находки монет¹⁰⁴. Укрепленные поселения, находившиеся на пути сборщиков полюдья и дани, разумеется, были пунктами с редиистрибутивными функциями.

В укрепленных поселениях и в непосредственной близости от них размещались племенные святыни. Так, языческое капище выявлено на Андреевской горе в Киеве¹⁰⁵. Владимирский летописец называет укрепленное поселение в устье Роси «градом Рода». Возле него сохранились остатки святилища-жертвенника¹⁰⁶. По мнению Б. А. Рыбакова и Г. Г. Мезенцевой, и на самом поселении могло находиться свя-

⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 7, 8, 15.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 31.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 48.

¹⁰² Там же. Стб. 112.

¹⁰³ Там же. Стб. 47–48, 112–114. — См. также: *Сергеевич В. И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 2, 3.

¹⁰⁴ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 22; *Каргер М. К.* Древний Киев... Т. I. С. 116–126; *Кирпичников А. Н.* К истории древнего Белгорода в X–XI вв. // КСИИМК АН СССР. 1959. Вып. 73. С. 26; *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье... С. 237; *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки. С. 90; *Равдина Т. В.* Погребения с древнерусскими сребрениками // СА. 1979. № 3. С. 95, 99, 100; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Городище Монастырьок VIII–XIII ст. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33. С. 7; Древнерусские поселения... С. 123.

¹⁰⁵ *Каргер М. К.* Древний Киев... Т. I. С. 105–112; *Толочко П. П.* Древний Киев... С. 29–30.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 24; *Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень... С. 131.

тилище Рода¹⁰⁷. Ссылаясь на М. Е. Маркова, сообщившего, что в 1701 г. во время земляных работ около Спасского собора в Чернигове было обнаружено два серебряных идола, В. И. Мезенцев предположил, что на городище в устье р. Стрижень находилось языческое капище¹⁰⁸. «Болотные городища», охарактеризованные В. В. Седовым как культовые сооружения восточных славян¹⁰⁹, сохранились в 6–7 км к юго-западу от сосницкого археологического комплекса¹¹⁰ и в 1,5 км к югу от роменского укрепленного поселения, расположенного у села Литвиновичи Сумской области¹¹¹. Значит, малые города Южной Руси выполняли также религиозную функцию. В подтверждение этого напомним читателю, что курганные могильники — священные племенные кладбища по той же причине сооружались возле стен укрепленных поселений.

Суммируя вышеизложенное, можно охарактеризовать южнорусские поселения VIII–X вв. как центры, организовывавшие, направлявшие и регулировавшие жизнь восточнославянских племен, следовательно, это были города в социальном значении этого термина¹¹².

---

¹⁰⁷ Мезенцева Г. Г. Древноруське місто Родень... С. 9; Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 144.

¹⁰⁸ Мезенцев В. И. До питання про генезис давнього Чернігова // Український Історичний журнал. 1980. № 1. С. 109.

¹⁰⁹ Седов В. В. Восточные славяне... С. 261.

¹¹⁰ Ляпушкин И. И. 1) Днепровское лесостепное Левобережье... С. 309–310. № 266; 2) Славяне Восточной Европы... С. 77. № 252.

¹¹¹ Древнерусские поселения... С. 114.

¹¹² Не следует, конечно, забывать, что не все поселения осуществляли вышеуказанные функции в полном объеме. Так, несомненно, торговля играла большую роль в экономической жизни племенных центров, расположенных вдоль водных магистралей, чем городов, удаленных от оживленных трасс; а редиистрибутивная функция была присуща, в первую очередь, поселениям, входившим в орбиту полюдья или находившимся на пути сборщиков дани. На большинстве городищ отсутствуют языческие капища, что, по нашему мнению, объясняется, с одной стороны, малочисленностью сведений об этом виде памятников, с другой стороны, тем, что они могли быть разрушены в связи с созданием единого для всего племенного союза святилища. Возможно, такими святилищами являлись капища, открытое И. П. Русановой на р. Гнилопять под Житомиром, которое исследовательница по значимости сравнила только с киевским и перыньским археологическими памятниками (Русанова-И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М., 1966. С. 233–237) и, разумеется, «Збручские городища» (Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.,

Колонизация славянами Восточноевропейской равнины и, особенно, закрепление за отдельными группами «находников» освоенных ими территорий сопровождалась ожесточенной межплеменной борьбой. В ходе нее одни города приходили в упадок, другие, напротив, усиливались, становились средоточиями более сложных политических образований – союзов и «суперсоюзов» племен. Здесь показателен пример Киева, в период с VIII до середины X в. выросшего из небольшого племенного центра в главный город «союза союзов» приднепровских славян «Русская земля».

В исторической науке сложилось представление о лидирующей роли Киева в приднепровском регионе с момента зарождения города. Этот тезис логически выводится историками из летописного сообщения о градостроительной деятельности Кия, реальность существования которого, по замечанию П. П. Толочко, «утверждают сегодня практически все исследователи»¹¹³. Кий мыслится князем уже сложившегося племенного союза, отсюда возведенный им город а ргіоі выступает центром всех полян. Несложно заметить, что в основу этой концепции положено древнее предание, рассматриваемое с историко-фактологических позиций. Между тем, в отечественной историографии существовали иные подходы к содержащемуся в «Повести временных лет» сказанию об основании Киева. Одни ученые считали его героев вымышленными персонажами (М. С. Грушевский, Б. Д. Греков)¹¹⁴, другие полагали, что в летописи отложилось структурно-сложное, многослойное произведение, впитавшее в себя как исторические реалии, так и мифологические представления древнего человека (Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин, Д. С. Лихачев, А. Н. Сахаров)¹¹⁵. На наш взгляд, последняя точка зрения обла-

---

1999, С. 31–60, 84–94) . Однако то обстоятельство, что некоторые городки не осуществляли всего набора вышеуказанных функций, на наш взгляд, не может служить основанием для подразделения их по отдельному «ведущему» социальному признаку (княжеский стан, военная крепость, торговая фактория и т. д.). Они также являлись полифункциональными племенными средоточиями, следовательно, городами.

¹¹³ Толочко П. П. Древний Киев... С.16.

¹¹⁴ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 339; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 444.

¹¹⁵ Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи // Вестник Европы. 1873. Т. I. С. 23, 26; Соловьев С. М. История России с древнейших времен...

дает несомненными преимуществами: предание — произведение эпического жанра, поэтому мнение исследователей о наличии в нем мифологических компонентов выглядит более убедительным, чем представление сторонников историко-фактологического подхода об их отсутствии. Исторические же реалии, на наш взгляд, рельефнее проступают в варианте предания, изложенного в «Кронике» Ф. И. Буслаева, Новгородской летописи Е. В. Барсова, Киевском Синописе, произведениях Я. Длугоша и М. Стрыйковского, согласно которому родственники Кия предстают основателями городов Шекавицы, Хоревицы (Вышгорода) и Либеди (Любеча). В Новгородской летописи при Хронографе XVI в. Ф. И. Буслаева упоминаются «грады и места», возведенные Кием, Щекком и Хоривом в Приднепровье¹¹⁶. Нельзя не заметить, что в этой версии сказания Киев, Вышгород, Любеч, безымянные «грады и места» в момент их возникновения изображены социально равнозначными. Как мы писали выше, археологический материал также не дает оснований для выделения расположенного на Киевских горах городища VIII в. из числа окружавших его укрепленных поселений. По нашему мнению, «городок Кия» являлся центром одного из «малых» полянских племен, обитавших на правом берегу Днепра.

Изменение статуса города, отразившееся в увеличении его площади и росте населения, проживавшего в округе, на наш взгляд, следует увязывать, прежде всего, с победой, одержанной «киянами» в борьбе за главенство в полянском племенном союзе, затем — с ведущей ролью полян в «суперсоюзе» племен «Русская земля». К сожалению, состояние источников не позволяет реконструировать события, в ходе которых усиливалось влияние Киева: в народной памяти запечатлелись лишь основные вехи этого процесса. Так, в «исторической» части предания о Кие сохранились воспоминания о его потомках, державших «княжение в Полях», то есть возглавлявших полянский племенной союз¹¹⁷. В ле-

---

Кн. И. М., 1960. С. 94; *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 118; *Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1908. С. 573, 581, 586, 589; *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 30–37; *Сахаров А. Н.* Кий: Легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10. С. 136, 140.

¹¹⁶ *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 60–69.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 8; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 11–12.

тописи содержится еще одно указание на господствующее положение Киева в полянском союзе – Аскольд и Дир «остава в городе семь <...> и начаста владети Польскою землею»¹¹⁸. Тогда же, вероятно, в сферу влияния Киева попали Вышгород и Василев, сведения о которых проникают в летопись только в связи с событиями X в. По свидетельству летописца, участвовавшие в 946 г. вместе с «киянами» в походе на древлян вышгородцы получили всего одну треть дани на основании того, что их город – Ольгин¹¹⁹. Мы не можем согласиться с исследователями, увидевшими в этой записи указание на частновладельческий статус Вышгорода¹²⁰. Нам представляется, что здесь отразились иные взаимоотношения двух соседних городов: поскольку Ольга в событиях 946 г. предстает главой киевской общины (здесь она расправилась с послами Мала, претендовавшего на нее как вдову Игоря, а, следовательно, по представлениям древних, и на управляющуюся убитым князем землю¹²¹; отсюда повела воев в древлянскую землю, сюда вернулась с победой¹²²), следовательно, вышгородцы – жители «Ольгиного града» и его округи – находились в зависимости от соседнего племени – «киян», и только. Никаких оснований для зачисления крупного восточнославянского города в княжеский домен нет.

Другой полянский племенной центр, подчиненный Киеву, – Василев. Он выступает как город, принявший и поддержавший решение князя Владимира Святославича «крестить Русь»: недаром в народе распространялись слухи, что киевский князь-реформатор обратился в христианскую веру именно здесь¹²³. Прохристианские настроения василевцев, вероятно, принимались в расчет Владими-

---

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 15.

¹¹⁹ Там же. Стб. 48.

¹²⁰ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 46; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 294–295; Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 363; Куза А. В. Малые города... С. 71; и др.

¹²¹ Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар, 1988. С. 96.

¹²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 44–45, 46, 48.

¹²³ Там же. Стб. 97.

ром, когда он задумал организовать здесь грандиозное празднество в честь возведения местной церкви Преображения Господня (996 г.)¹²⁴. Атмосфера доброжелательства к христианам и их учению не могла не сказаться при формировании взглядов родившегося в Василеве Феодосия Печерского¹²⁵. Поскольку «христианство учреждалось для поддержания господства киевской верхушки и всей полянской общины над “примученными” (покоренными) восточнославянскими племенами»¹²⁶, принявший новый курс Владимира Святославича Василев выступает, с одной стороны, в качестве крупного центра полян, заинтересованного в сохранении ушедших в прошлое порядков, с другой стороны, — уже как пригород Киева, занявшего главенствующее положение в полянском племенном союзе.

В первой трети IX в. сформировалась «Русская земля»¹²⁷. Ведущая роль в ней полян подчеркивается летописцем в сказании об их ответе хазарским сборщикам дани: поскольку основной причиной объединения племен в «Русскую землю» явилась опасность со стороны Хазарского каганата¹²⁸, меч — символ борьбы с поработителями — вручают им именно поляне¹²⁹.

По нашему мнению, представление о главенстве Киева в «суперсоюзе» восточнославянских племен отложилось в украинском и русском эпосе. Так, мотив противоборства правобережных и левобережных племен, возможно, звучит в древнем предании украинского народа о поединке двух днепровских богатырей. Согласно преданию, стоя на разных берегах реки, каждый из них предъявил претензии на землю соседа. Победителем стал правобережный богатырь, получивший возможность поселить «народ свій і по цім, і по тім боці» Днепра¹³⁰.

---

¹²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 125; ПСРЛ. Т. II. Стб. 109; ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 122; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 166.

¹²⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 15–16.

¹²⁶ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 241.

¹²⁷ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 28–45; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 84.

¹²⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 41–42.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 12.

¹³⁰ Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 231.

Интересным представляется также сюжет русской былины о Дюке Степановиче. Центральный эпизод былины – соперничество киевского жителя Чурилы Пленковича с похваляющимся богатством родной земли, очевидно, расположенной вне сферы влияния Киева, Дюком Степановичем. Обращает на себя внимание, что за Чурилу

«А держали поруку двумя грады:

Первым Киевом, другим Черниговым»,

в то время как у Дюка «не было никакой порукушки», лишь «владыко Черниговский» (в некоторых вариантах — князь Владимир) встал на сторону приезжего героя¹³¹. Мотив единства Киева и Чернигова, поддерживающих Чурилу — защитника интересов первого из городов — повторяется в былине в различных вариациях. В некоторых версиях за побежденного героя «просили его городами Киевом и Черниговом простить»¹³². Дюк-победитель отпускает соперника со словами:

– Ты не ездитко нунь с намы с бурлаками,

– А ты ездитко нунь в Киеви,

– В Киеви в Чернигови меж бабами¹³³.

Тот же мотив звучит в заключительном эпизоде былины. Здесь в роли соперников выступают матушка Дюка и сменившие Чурилу киевские оценщики. Дюкова матушка хвастливо советует князю Владимиру продать Киев и Чернигов, чтобы купить бумаги и чернил для описи ее богатства¹³⁴. Более высокий статус Киева, персонифицированного в лице князя Владимира, который, по былине, обладает правом распоряжаться обоими городами, очевиден.

С большей отчетливостью господствующее положение полянского центра в приднепровском регионе изображено в былине об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Здесь главный город «Русской земли» предстает столь могучим и притягательным для богатыря Ильи, что

---

¹³¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. СПб., 1896. № 152, 159; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. I. М., 1909. № 29; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 2. М., 1910. № 172.

¹³² Онежские былины... Т. I. СПб., 1894. № 9; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. № 172.

¹³³ Онежские былины... Т. I. № 9.

¹³⁴ Онежские былины... Т. 2. № 152, 159; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I. № 16, 29; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. № 202.

герой отказывается от заманчивого предложения освобожденных им от неприятельской «силушки великой» «мужиков-черниговцев» (в некоторых версиях — «бежеговцев», «турговцев», «бекетовцев») остаться у них воеводой (иногда от лучших постов, предоставляемых на выбор Муромца) и настойчиво требует указать «дорогу прямоезжую» в Киев¹³⁵. Здесь заслуживает внимания также то обстоятельство, что среди постов, предлагавшихся богатырю, нет княжеского: он существовал только в Киеве (здесь правил Владимир Красное Солнышко) — старшем городе сложившегося в Поднепровье «суперсоюза» племен.

С историческими реалиями, донесенными до нашего времени былинными сказителями, перекликается известие летописи о помощи людей «оная страны Днепра» осажденному печенегами Киеву в 968 г.¹³⁶ По мнению В. А. Булкина, И. В. Дубова, Г. С. Лебедева, в этих событиях Чернигов (а соответственно, и левобережные ратники) выступают в роли «военной опоры русской столицы»¹³⁷.

Итак, мы полагаем, что укрепленные поселения Южной Руси в VIII—X вв. являлись организационно-регулирующими племенными центрами проживавших здесь древлян, полян и северян, иначе говоря, городами в социальном значении этого термина. Один из таких небольших центров в период с VIII до середины X в. вырос в старший город межплеменного образования «Русская земля». Сначала «кияне» добились победы в полянском племенном союзе. Прочие «малые» племена полян покорились им, а их укрепленные центры (уже существовавшие и возникшие позднее) превратились в пригороды Киева. Следующий этап в истории Киева начался в первой половине IX в., когда поляне, часть северян, радимичей, возможно, уличей и вятичей объединились в «союз союзов» племен. Целью создания этого политического образования была борьба с хазарами, бравшими дань с перечисленных групп восточных славян¹³⁸. Поскольку освободитель-

---

¹³⁵ Онежские былины... Т. I. № 3, 56; Т. 2. № 74; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. СПб., 1900. № 210, 212; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I. № 4, 61, 127, 170; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. № 116.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 53—54.

¹³⁷ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники... С. 15.

¹³⁸ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 41; Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 733—735. — В новейшей историографии возобновились оживлен-

восточнославянских племенных союзов и занять положение старейшего города грандиозного «суперсоюза» племен «Киевская Русь».

«В конце X – начале XI вв. Русь вступает в полосу завершения распада родоплеменного строя»; «родоплеменные связи вытесняются территориальными. Место племенных союзов заступают союзы общин – волости, земли, по терминологии летописцев, состоящие из главных городов, пригородов и прилегающих к тем и другим сельских округ»¹³⁹. Летописные известия о градостроительной деятельности князя Владимира, который «нача нарубати мужи лутши от Словень и от Кривичь и от Чюдии и от Вятичъ и от сихъ насели» укрепленные поселения «по Десне и по Оустрьи по Трубешеву и по Суле и по Стугне», «наруби вонь (Белгород. – И. М.) от инехъ град и много людии сведе в онъ»¹⁴⁰, отражают изменения, происходившие в социальной организации обитателей Южной Руси. Достоверность сообщений летописцев подтверждают археологи, которые зафиксировали свидетельства переселения в Поднепровье, начиная с рубежа X в., выходцев из других районов восточнославянского мира и обнаружили доказательства оседания их среди местного населения¹⁴¹.

Формирование территориальных общин предполагало появление и развитие новых укрепленных центров, координировавших и регулировавших их жизнедеятельность. В новых исторических условиях старые племенные центры должны были прекратить существование. Анализ археологического материала показал, что, рассуждая подобным образом, мы не ошиблись. Выполнившие свои функции некоторые

ные дискуссии по так называемому «хазарскому вопросу» в процессе социо- и литогенеза восточных славян. Подробнее об этом см.: *Ващенко Э. Д.* «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб., 2006; *Михайлова И. Б.* Древняя Русь и Степь//Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошева. СПб., 2006. С. 29–57; *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 205–225.

¹³⁹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 33; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 39.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 121, 122; ПСРЛ. Т. II. Стб. 106.

¹⁴¹ *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (По данным погребальных памятников). Киев, 1987. С. 117–125; *Кучера М. П., Иванченко Л. І.* Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 70–71; *Звіздецький Б. А., Серов О. В.* Пам'ятки давньоруського часу поблизу с. Миколаївка на Росі // Археологія. 1988. Вип. 61. С. 67–76.

старые племенные центры должны были прекратить существование. Анализ археологического материала показал, что, рассуждая подобным образом, мы не ошиблись. Выполнявшие свои функции некоторые племенные средоточия Южной Руси опустели: например, обезлюдели и постепенно разрушались «грады» восточных славян в селах Несолонь Новгород-Волынского района, Бараши Емельчинского района Житомирской области, Любеч Репкинського района (гора Лысица), Седнев Черниговского района (в урочище Орешня) Черниговской области, Горналь Суджанского района Курской области, в райцентрах Олевск Житомирской области, Путивль Сумской области (урочища Никольская Горка, Коптева гора) и др.¹⁴² Другие укрепленные поселения были модифицированы применительно к нуждам изменившегося общества. Зброшенные племенные центры умирали. Жизнь из них уходила в новые города, превращавшиеся в средоточия территориальных общин.

Городские центры, удовлетворявшие нуждам общества, основанного на территориальных связях, появлялись различными способами. Здесь имели место и приспособление к новым условиям старых племенных центров (например, «летописные» Вышгород и Белгород), и «перенос городов» (Любеч, Листвен), и строительство на еще не обжитых территориях укрепленных поселений выходцами из разных мест (Святополч-град, городище у села Николаевка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области)¹⁴³. Необходимо отметить, что возникновение (или обновление) укрепленных поселений в период разложения родоплеменных отношений — это не завершённый процесс, а только начальная стадия развития городских территориальных общин. Последующие годы характеризовались консолидацией населения южнорусских городов и «тянувших» к ним, неразрыв-

---

¹⁴² *Богушевич В. А.* Походження і характер... С. 38; *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече... С. 29; *Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь... С. 38; *Коваленко В. П.* Исследования летописного Сновска. С. 271–272; *Сухобокоев О. В.* К возникновению и ранней истории Путивля // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию Киева). Киев, 1984. С. 120–123; *Звиздецкий Б. А.* Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

¹⁴³ Особенности становления каждого из перечисленных центров будут рассмотрены в третьей и четвертой главах монографии.

но связанных с ними сельских округ. В то же время шел процесс образования «федераций» территориальных общин — земель, или иначе, волостей. Малые южнорусские города развивались как структурные элементы Киевской, Черниговской, Переяславской земель. Они подчинялись «федеральным» центрам, но только до тех пор, пока были малы и слабы. Усиливаясь, городские общины стягивали вокруг себя окрестные территории и стали претендовать на создание суверенных земель-государств. Результаты этой политики не замедлили сказаться: наиболее крупные южнорусские города встали на путь борьбы с Киевом, Черниговом, отделившимися от них поселениями, считавшимися старшими для малых общин. Межобщинное противоборство продолжалось до нашествия орд Батыя, с каждым годом все более и более ослабляя раздробленную и распадавшуюся на мелкие земли Южную Русь.

Имеющийся на сегодня фонд письменных и археологических источников позволяет подробнее осветить вопрос о социально-экономическом устройстве малых городов Южной Руси. И летописный материал, и данные раскопок свидетельствуют о том, что это были укрепленные поселения, окруженные селами¹⁴⁴. Археологический материал не подтверждает тезис отечественных исследователей 30–70-х гг. XX в. о противопоставлении «аристократического детинца» «ремесленно-трудовому посаду» и всего «феодального города» «зависимой от него деревне». Более того, он свидетельствует об общинном характере малых южнорусских городов, которые можно рассматривать в целостности с «тянувшими» к ним сельскими округами.

В южных районах Древней Руси жилища были невелики (12–20 кв. м) и в пределах одной общины приблизительно равны по раз-

---

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 281, 303, 332, 429; ПСРЛ. Т. II. Стб. 257, 296, 311, 332, 361, 425, 428, 599, 649; ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 6, 55, 71, 114; Патерик Киевского Печерского монастыря... С. 17; *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 15, 42, 93. — См. также: *Богусевич В. А.* Походження і характер... С. 46; *Довженко В. И.* 1) Феодалний маєток в епоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 20–25; 2) Городища и селища по Руси и Рос-саве (По материалам разведки 1954 г.) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 52–54; 3) Древньоруські городища-замки // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 97–98; *Кучера М. П.* Городища // Археологія Української ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 374, 389–390; и др.

мерам¹⁴⁵. Выявленные на некоторых городищах или на примыкающих к ним селищах более крупные по площади жилые строения (до 35 кв. м), возможно, занимали зажиточные общинники. Обнаруженные в них вещи, типичные для клетей и полуземлянок менее состоятельных соседей¹⁴⁶, не позволяют утверждать, что эти постройки принадлежали феодалам. Еще один показатель социальной однородности местных жителей — планировка малых южнорусских городов. Некоторые из них имели улицы (Вышгород, Белгород, Родень, Иван)¹⁴⁷, однако на большинстве поселений жилища размещались беспорядочно¹⁴⁸ или сплошной линией по внутреннему периметру вдоль оборонительных сооружений¹⁴⁹. В последнем случае все жилые клетки (за

¹⁴⁵ Юра Р. А. Древний Колодяжин: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1955. С. 9; Кучера М. П. Древньоруське городище в х. Миклашевському // Археологія. 1962. Т. XIV. С. 103; Кілієвич С. Р. Археологічні розкопки біля с. Жовнин // Археологія. 1965. Т. XIX. С. 190; Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966. С. 57, 60–61; Довженко В. Й. Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС) // СА. 1967. № 4. С. 265, 267; Блажевич Н. В. 1) Древнерусское городище у с. Сахновки // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. Ч. 2. С. 19; 2) Житла давньоруського Чучина // Археологія. 1984. Вип. 44. С. 91–105; Мезенцева Г. Г. Белгород... С. 316, 318; Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (По материалам городища у с. Городище близ Шепетовки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 12; и др.

¹⁴⁶ Довженко В. Й. Древнерусские городища... С. 267; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень... С. 143–144; Юра Р. О. Найдавніші традиції у плануванні східнослов'янського народного житла // Археологія. 1971. № 1. С. 79, 80; Сухобоків О. В., Орлов Р. С., Иченская О. В. и др. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1978 года. М., 1979. С. 408; Блажевич Н. В. Житла давньоруського Чучина... С. 96, 98, 99, 101.

¹⁴⁷ Мезенцева Г. Г. 1) Про топографію стародавнього Білгорода. С. 116–117; 2) Родень. С. 321; Довженко В. Й., Зоценко В. Й. Вышгород // Археологія Української ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 308; Кучера М. П. Городища / Там же. С. 395.

¹⁴⁸ Выезжев Р. И. 1) Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 126–127; 2) Будівлі «Малого городища» Х–XIII ст. в с. Городську // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Т. 12. С. 151; Довженко В. Й. Летописний Чучин // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 122; Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. С. 12; и др.

¹⁴⁹ Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. С. 23, 29; Юра Р. А. Древний Колодяжин... С. 6–8; Довженко В. Й. 1) Древньоруські городища–замки... С. 98–100; 2) Летописний Чучин. С. 122; Кучера М. П. 1) Древньоруське городище в х. Миклашевському. С. 90; 2) Ходорівське давньоруське городище // Археологія. 1966. Т. XX.

исключением одной-двух построек на некоторых городищах)¹⁵⁰ были одинаковы по размерам и заполнены характерным, аналогичным в каждой постройке материалом.

Исследователи объясняли радиальную планировку на южнорусских укрепленных поселениях ее рациональностью для ведения феодального хозяйства¹⁵¹ или стратегической значимостью в ходе военных действий¹⁵². Принимая последний тезис, мы вместе с тем полагаем, что в одинаковых по размерам, не выделявшихся местоположением клетях и полуземлянках (на городах с беспорядочным размещением последних) проживали социально равные общинники. На незастроенной площади в центре укрепленного поселения они обсуждали общинные дела, хранили запасы пищи и воды, фураж для боевых коней и корм для скота. Сюда же в дни осады загоняли городское стадо и, возможно, личный скот¹⁵³.

Дополнительный аргумент в пользу нашего предположения можно обнаружить, обратившись к сравнительно-историческому материалу. Так, археологи выявили радиальное размещение жилых построек вокруг свободной площадки в поселках Эзинге близ Гронингена, Феддерзен Вирде в Нижней Саксонии и Эготорп на острове Эланд. В Эготорпе, как и в южнорусских городах, все поселение было окружено защитными сооружениями. Исследователи памятников в Эзинге и Феддерзен Вирде установили, что радиальная планировка отдельных жилищ пришла на смену характерным для родоплеменного

С. 206; 3) Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. 1969. Т. XXII. С. 181–182; 4) Нові дані про городища Житомирщини. С. 76; Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь... С. 37–53; Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 110. С. 7; Куза А. В. Археологическое изучение... С. 11; Сухобокоев О. В., Орлов Р. С., Иченская О. В. и др. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции. С. 407; Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. С. 10.

¹⁵⁰ Гончаров В. К. Райковецкое городище... С. 41; Довженко В. Й. Древньоруські городища-замки... С. 100.

¹⁵¹ Юра Р. О. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина // Археологія. 1961. Т. XII. С. 95; Кучера М. П. Городища... С. 395.

¹⁵² Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965. С. 20.

¹⁵³ Гончаров В. К. Райковецкое городище... С. 40; Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. С. 56; и др.

строю «длинным домам». Затем в развитии поселений последовательно наступили фазы имущественного неравенства местных жителей (появились жилые постройки больших размеров, «усадебь») и социальной дифференциации общинников. Жители Эзинге, Феддерзен Вирде и Эготорпа миновали период родовой общины, но еще не знали классов. Значит, радиально-овальная планировка южнорусских поселений — показатель того, что они переживали стадию перехода от родоплеменных отношений к территориальной (соседской) общине¹⁵⁴. Здесь, например, в городе Иване, подворно-рядовая застройка также сменила кольцевое расположение жилищ¹⁵⁵.

На некоторых малых южнорусских городах выявлены усадьбы¹⁵⁶. Исследования в Блистовите показали, что обнаруженная здесь усадьба принадлежала не феодалу, а ремесленнику-ювелиру¹⁵⁷. Социальное положение дворовладельцев на других поселениях точно не установлено. Однако, как считал А. В. Куза, анализирувавший материал о подворно-рядовой застройке в малых древнерусских городах, выявленные здесь небольшие усадьбы (состоявшие из одной жилой и двух-трех хозяйственных построек) принадлежали «непривилегированным горожанам»¹⁵⁸. По нашему мнению, появление дворов указывает на усиливавшуюся имущественную, возможно, социальную, однако ни в коей мере не классовую дифференциацию местного общества.

Южнорусские городские общины являлись едиными хозяйственно-производственными комплексами. Местное население занималось земледелием и скотоводством, домашними ремеслами и промыслами. В историографии сложилось представление о том, что

---

¹⁵⁴ История крестьянства в Европе: В 3 т. / Под ред. З. В. Удальцовой, Ю. Д. Бесмертного, Ю. В. Бромлея. Т. I. М., 1985. С. 99–100, 105, 121–122.

¹⁵⁵ Кучера М. П. Городища... С. 395.

¹⁵⁶ Коваленко В. П., Орлов Р. С. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 282; Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С. Дослідження літописного Блистовита // Археологія. 1984. Вип. 48. С. 22–32; Довженко В. И., Зоценко В. Н. Вышгород... С. 307; Иванченко Л. И., Орлов Р. С. Про локалізацію літописного Юрева // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 5; Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска // СА. 1990. № 1. С. 52.

¹⁵⁷ Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С. Дослідження літописного Блистовита... С. 22–32.

¹⁵⁸ Куза А. В. Малые города... С. 134, 136.

только часть южнорусских горожан вместе с зависимыми крестьянами из окрестных сел трудилась в поле¹⁵⁹. Однако некоторые исследователи утверждают иное. Так, по мнению А. А. Песковой, исследовавшей укрепленное поселение у села Городище Шепетовского района Хмельницкой области, здесь земледелием занималось «преобладающее количество семей, проживавших в крепости»¹⁶⁰. Этот город не был исключением. На всех южнорусских укрепленных поселениях найдены орудия земледелия и остатки зерновых культур. Они встречаются почти в каждом жилом помещении¹⁶¹. На поселениях, полностью или в значительной мере раскопанных, собраны большие коллекции предметов, применявшихся древнерусскими хлебопашцами¹⁶². Все это свидетельствует о высокой степени занятости местного населения земледельческим трудом.

В летописях неоднократно упоминаются захваченные около южнорусских поселений «скоты и коне»¹⁶³. Впечатляет количество обнаруженного здесь остеологического материала¹⁶⁴. А. В. Куза отметил: «Вероятно, те или иные домашние животные были почти в каждом дворе»¹⁶⁵. По нашему мнению, наряду с личным скотом местные по-

¹⁵⁹ Довженок В. Й. Древньоруські городища—замки... С. 100–103; Куза А. В. Малые города... С. 130; и др.

¹⁶⁰ Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. С. 15.

¹⁶¹ Довженок В. И. 1) Древній Вишгород // Вісник Академії наук УРСР. 1949. № 8. С. 43; 2) Летописний Чучин. С. 124; 3) Древнерусские городища на Среднем Днепре. С. 265, 269; Виезжев П. І. Будівлі «Малого городища»... С. 149; Гончаров В. К. Древньоруське городище Іван-гора // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 129; Кілієвич С. Р. Археологічні розкопки... С. 190; Мезенцева Г. Г. Новые исследования древнего Белгорода Киевского // АО 1968 года. М., 1969. С. 330; Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 37; Моргунов Ю. Ю. К изучению летописного города Римова // СА. 1989. № 1. С. 214; Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска. С. 44.

¹⁶² Гончаров В. К. Райковещкое городище... С. 33–34, 48, 50, 55, 59; Юра Р. А. Древний Колодяжин... С. 10; Довженок В. Й. 1) Феодалный маеток... С. 20; 2) Древньоруські городища—замки... С. 100–101; Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь... С. 37, 39, 41, 44, 47, 51, 61, 70; Пескова А. А. Древний Изяславль // КСИА АН СССР. 1981. Вып. 164. С. 68; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень... С. 115, 150.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303, 363; ПСРЛ. Т. II. Стб. 332, 562, 599.

¹⁶⁴ Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972. С. 171–173.

¹⁶⁵ Куза А. В. Малые города... С. 130.

селяне содержали общинные стада. Так, на обитателей одного жилища в Воине приходилось в среднем до десяти особей быка домашнего, пяти — овцы и козы, шести — свиньи, трех — лошади¹⁶⁶; в Родене: четырех — быка домашнего, полутора — свиньи¹⁶⁷; в Чучине: до трех — быка домашнего, двух — овцы и козы, двух — лошади, полутора — свиньи¹⁶⁸. Учитывая, что жилые помещения были небольшими и не могли вместить в себя значительное количество ставовладельцев, что при многих из них отсутствовали хозяйственные постройки, что имущественная дифференциация общинников прослеживается слабо, поэтому среди них не было богачей, содержавших десятки коров, свиней, лошадей, к тому же остеологический материал сохранился недостаточно хорошо, в основном — в выгребных ямах, следовательно, поголовье скота было намного больше вышеуказанного числа особей, мы полагаем, что часть домашних животных могла находиться в общем пользовании горожан. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого предположения упомянем о существовании общих загонов для скота в Торческе¹⁶⁹ и Изяславле¹⁷⁰.

В историографии XX в. было принято мнение о том, что городское ремесло выделилось из сельского и развивалось в трех направлениях, как государственное (княжеское), вотчинное и свободное (посадское)¹⁷¹. По мнению И. Я. Фроянова, до конца X в. у восточных славян существовало общинное ремесло, затем, «по мере разложения родоплеменных отношений», оно «переходит в индивидуальное свободное, <...> городское и сельское, дополнявшие друг друга».

---

¹⁶⁶ Тимченко Н. Г. К истории охоты... С. 171–173; Юра Р. А., Кучера М. П. Воинь // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 330.

¹⁶⁷ Довженко В. Й. Древньоруські городища-замки... С. 99; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень... С. 143–144; Корнеев А. П. Домашние и дикие животные из раскопок древнего города Родни на Княжьей Горе // Вестник зоологии. Киев, 1969. № 1. С. 32–33.

¹⁶⁸ Тимченко Н. Г. К истории охоты... С. 171–173.

¹⁶⁹ Кучера М. П., Иванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія... С. 74–75; Куза А. В. Малые города... С. 74–75.

¹⁷⁰ Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. С. 12.

¹⁷¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 120–202, 203–433, 490–501, 520–521; Колчин Б. А. Ремесло // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 244; Пеняк П. С. Социальная организация древнерусского ремесла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 100–114; и др.

В Древней Руси трудились и «вотчинные ремесленники», но их было мало и «по преимуществу» эти люди были «рабами»¹⁷². На южнорусских поселениях сохранилось немало археологического материала, свидетельствующего о ремесленной деятельности местного населения в домонгольский период истории. Все необходимые в быту предметы изготавливали сами общинники. Обнаруженные здесь ремесленные мастерские приблизительно равны по площади и не отличаются друг от друга количеством и качеством инвентаря. Они равномерно размещались по всей территории общины. Например, в Городеске железо выплавляли и обрабатывали на «Малом городище» — «посаде», за его пределами — на плато левого берега реки Тетерев, около центрального поселения «Вал» и на селище в урочище Красная гора¹⁷³, а также на «детинце» в Райках, причем и в клетях, и в полуземлянках. Ремесленные мастерские также выявлены в открытых поселках, окружавших Райки¹⁷⁴. В древнерусском Желни металлурги работали как на укрепленном, так и на примыкавшем к нему открытом поселении¹⁷⁵. Мастерские ремесленников в Воине и Вышгороде размещались и на «посадах», и на «детинцах» городов¹⁷⁶. По нашему мнению, в XI – начале XIII в. ремесло малых городов продолжало оставаться общинным, но поднялось на более высокую ступень развития. В некоторых городских центрах появились особые ремесленные кварталы, например: «Металлурги» и «Гончары» в Вышгороде¹⁷⁷, «гончарный» микрорайон в Белгороде¹⁷⁸. С середины XII в. наблю-

---

¹⁷² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 96.

¹⁷³ Виезжев Р. І. Будівлі «Малого городища»... С. 134, 151, 154; Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска. С. 46, 52–54.

¹⁷⁴ Гончаров В. К. Райковецкое городище... С. 39, 50–51, 56.

¹⁷⁵ Кілієвич С. Р. Археологічні розкопки... С. 189–190.

¹⁷⁶ Довженко В. Й. Древній Вишгород... С. 42; Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь... С. 41, 51, 59–64, 73; Довженко В. Й., Зоценко В. Н. Вышгород... С. 307.

¹⁷⁷ Довженко В. И., Зоценко В. Н. Вышгород... С. 307.

¹⁷⁸ Мезенцева Г. Г. Белгород... С. 317–318. — Здесь можно вспомнить также сохранившиеся до наших дней названия киевских урочищ «Гончары» и «Кожемяки», которые, по мнению М. К. Каргера, возникли в глубокой древности для обозначения обособленных кварталов ремесленников-профессионалов (Каргер М. К. Древний Киев... Т. I. С. 414, 474).

дается специализация некоторых видов ремесла; стеклодувы, кузнецы, некоторые другие мастера начали выпускать серийные изделия, предназначенные не персонально заказчику, а для продажи на рынке¹⁷⁹. Все эти явления характерны для периода становления городской территориальной общины¹⁸⁰. Следовательно, ремесленное производство малых городов Южной Руси в XI – середине XIII в. развивалось из общинного родового в общинное территориальное.

В военное время мирное население брало в руки оружие. Войско Южной Руси состояло из общинных ополчений, каждое из которых формировалось из всех взрослых мужчин города и его округа. Об этом свидетельствуют частые находки на территории Киевской, Черниговской и Переяславской земель оружия и предметов снаряжения боевых коней и всадников. Отметим, что этот вещественный материал был найден и на «детинцах», и на «посадах», и в «окольных городах», и на селищах южнорусских поселений¹⁸¹.

Землепашцы и ремесленники, ратники и вечники — южнорусские общинники называли себя «вышгородцами», «белогородцами», «гурговцами» (юрьевцами), «курянами», «трубчанами», «поутивлицами» и т. д. Этим они подчеркивали свою принадлежность к конкретной городской общине, идентифицировали себя с ней, а значит, воспринимали это социальное образование как первичную, базовую ячейку в многоуровневой и крайне нестабильной структуре древнерусских государств-земель.

---

¹⁷⁹ *Шанова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 82, 190; *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси IX–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 13; и др.

¹⁸⁰ История Европы: В 8 т. /Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1988. С. 239.

¹⁸¹ *Виезжев В. І.* Будівлі «Малого городища»... С. 141–142; *Довженко В. І.* Древнерусские городища на Среднем Днепре. С. 267; *Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д.* Залізні вироби з стародавнього Белгорода // Археологія. 1974. Вип. 14. С. 77–78; *Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С.* Раскопки в Новгороде–Северском... С. 281; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 196; и др.

ГЛАВА III. ГОРОДСКИЕ ОБЩИНЫ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

В XI – середине XIII в. Киевская земля была плотно заселена. По подсчетам М. Н. Тихомирова, здесь находились 79 из 114 городов, известных по письменным источникам¹. Одни из них непосредственно «тянули» к Киеву, другие объединялись в целостные компактные районы и подчинялись местным «столицам».

В отечественной историографии нет единого мнения по вопросу о количестве и статусе четко локализуемых киевских районов, о составе размещавшихся на их территории городов; не определены их «столицы». Так, М. С. Грушевский назвал свыше 15 киевских «уделов» (1) Погорину, 2) Вышгород, 3) Белгород, 4) Торческ, 5) Треполь, 6) Канев, 7) Котельницу с Божским, Межибожьем и еще двумя городами 8) Овруч, 9) Корсунь, 10) Богуславль, 11) Котельницу отдельно и Михайлов, 12) Полонный и некоторые другие) и отметил, что в том случае, если они переходили к сыновьям старейшего князя, сохранялась их зависимость от главного города, если же эти центры оказывались в руках дальних его родственников, то приобретали самостоятельность². М. С. Грушевскому возражал А. Е. Пресняков. Он обратил внимание на то, что в большинстве из перечисленных «уделов» не было постоянных князей, в связи с чем заметил: «Не было тут ни отчинных разделов, которые разбили бы землю на отдельные княжества, ни общего, нераздельного владения, которое покоилось бы на единстве владельческой группы. Первое обусловило внешнюю нераздель-

---

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 286, 296–297.

² Грушевский М. Очерк истории Киевской земли... С. 329–330.

ность Киевщины, второе — дробило ее изнутри, разлагая ее внутреннюю силу»³.

По мнению О. М. Рапова, «полностью самостоятельные» и «полу-самостоятельные» «феодалные княжества» (Белгородское, Вышгородское, Трепольское, Каневское, Торчешское, Котельничское, Дорогобужское и, возможно, Городецкое) были «созданы Мономахичами»⁴. П. П. Толочко ограничил территорию каждой киевской области 10–12 тыс. кв. км и включил в нее не более пяти «феодалных» городов. По мнению исследователя, прибавочный продукт, полученный именно в таком «оптимальном районе», позволял нормально функционировать основным «государственным структурам, в том числе и военной». Такими районами, согласно П. П. Толочко, являлись Вышгородский, Белгородский, Поросский, Потетеревский, Побужский, Овручский, Погорынский, Верхнеслучский, Верхнепогорынский, Поднепровский⁵. В. М. Рычка полагает, что «в Киевскую землю второй половины XI — первой трети XII вв. входили <...> Турово-Пинская, Берестейская и Торчешская волость, а также Погорина. Центрами отдельных волостей, не названных в летописи в качестве таковых, служили города Брягин, Мозырь, Клеческ, Дорогобуж и Божеск». Исследователь считает, что «складывание административно-территориальной структуры древнерусских земель явилось отражением определенного этапа в развитии крупного феодального землевладения, социально-экономического роста древнерусских городов, усиления зависимости от них сельских общин». После 1097 г. «волости» распределялись по вотчинному праву, однако система наследования была плохо разработана, поэтому киевские земли в ряде случаев «выделялись искусственно, по мере надобности в них», причем княжеское владение носило условный характер⁶. В. А. Кучкин выделил в составе Киевского княжества XII в. три «удела»: Межибожский, Вышгородский и Каневский⁷. По нашему мнению, структура Киевской земли была иной.

---

³ Пресняков А. Е. Княжое право... 1909. С. 130–131.

⁴ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси... С. 156.

⁵ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 97–98.

⁶ Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли... С. 81–83.

⁷ Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории... С. 76.

Вслед за И. Я. Фрояновым и А. Ю. Дворниченко мы полагаем, что Киевское государственное образование состояло из главной городской общины и зависевших от нее пригородов⁸. Некоторые наиболее крупные городские общины (Вышгород, Белгород) непосредственно подчинялись Киеву. Более мелкие города объединялись в компактные районы-пригороды, возглавлявшиеся одним (например, Божский, Торческ, возможно, Треполь) или несколькими центрами, соперничавшими за лидерство над окружающими их поселениями (Дорогобуж и Пересопница). В зависимости от уровня развития (степени консолидации в городские общины), обусловленного особенностями генезиса и ролью в экономической и политической жизни как пригорода, так и всей Киевской земли, малые городские центры, одни раньше, другие позднее, вступили на путь борьбы за независимость от Киева. Однако единственным городом, добившемся самостоятельности, стал Туров⁹. Всем остальным киевским пригородам притяжения главного города преодолеть не удалось.

Чтобы эти рассуждения не показались голословными, рассмотрим, как развивались отдельные малые городские общины Киевской земли, и начнем с двух наиболее крупных из них – вышгородской и белгородской.

Древнерусский Вышгород стоял на правом обрывистом берегу Днепра, в 15–16 км севернее Киева. Площадь его укрепленной территории в XI – начале XIII в. достигла 7,5 га. Город окружали богатые села. До наших дней сохранился курганный могильник, в котором покоятся останки не только соплеменников-язычников, но и их потомков, местных общинников-христиан.

Дореволюционные историки писали о Вышгороде как о княжеской крепости (В. Н. Татищев, И.-Г. Штриттер, М. М. Щербатов, Екатерина II, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев)¹⁰ либо как

---

⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 41–83.

⁹ Там же. С. 70–71. — Образование и развитие Турово-Пинской земли не является предметом нашего исследования, поскольку она размещалась за пределами территории Южной Руси, обозначенной в настоящей монографии.

¹⁰ Татищев В. Н. Лексикон Российский исторический, географический, политический, гражданский. Ч. 1. С. 306–307; Штриттер И.-Г. История Российского государства. Ч. 1. СПб., 1800. С. 44; Щербатов М. История Российская... С. 220; Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. 1. С. 96; Карамзин Н. М. История

о крупном торговом и ремесленном центре, одном из важнейших пригородов Киева (И. Д. Беляев, Д. И. Иловайский, М. С. Грушевский)¹¹. Представление В. Г. Ляскоронского об этом поселении как о варяжском центре в славянском Киеве было отвергнуто учеными XIX в.¹² В советское время также высказано несколько мнений о статусе домонгольского Вышгорода. Согласно С. В. Юшкову и Б. Д. Грекову, это был княжеский замок¹³. А. Н. Насонов считал, что Вышгород имел статус вольного города, которым управляла зависимая от киевского двора феодальная знать. По мнению исследователя, местные бояре обогащались, участвуя в совместных походах с правящей верхушкой Киева, а потому были заинтересованы в ее покровительстве¹⁴. Вслед за А. Н. Насоновым городским центром назвал Вышгород М. Н. Тихомиров; однако не вольным, а «с особым режимом, основанным на большой зависимости населения от киевского князя»¹⁵. В. В. Мавродин и В. Т. Папуто характеризовали это поселение как княжеский частновладельческий город¹⁶. Согласно В. И. Довженку и В. А. Богусевичу, «град Ольгин» первоначально был княжеским замком. На протяжении XI–XIII вв. домениальное владение княгини Ольги эволюционировало в феодальный городской центр с частновладельческим статусом¹⁷.

государства Российского. Кн. I. Т. I. Стб. 109, 144; *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. М., 1855. С. XXXVI; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. I. С. 310.

¹¹ *Беляев И.* Города на Руси до монголов. С. 158–159; *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. С. 242; *Грушевский М.* 1) Очерк истории Киевской земли... С. 23, 290; 2) *Исторія України-Руси.* Т. I. С. 349.

¹² *Ляскоронский В. Г.* Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. С. 23–24, 321–322. — О критике представлений В. Г. Ляскоронского см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории... С. 53.

¹³ *Юшков С. В.* 1) Очерки по истории феодализма... С. 46; 2) Общественно-политический строй... — С. В. Юшков называл Вышгород «княжим городом», однако, по его мнению, этот термин соответствовал понятию «замок, бург» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 300).

¹⁴ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории... С. 53, 55.

¹⁵ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 295.

¹⁶ *Мавродин В. В.* 1) Возникновение феодальных отношений у восточных славян. Древнерусское государство — Киевская Русь. М., 1957. С. 15; 2) Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 8–9; *Папуто В. Т.* О некоторых путях изучения... С. 97.

¹⁷ *Богусевич В. А.* Походження і характер... С. 39, 47; *Довженко В. Й.* 1) Древній Вишгород. С. 40, 45; 2) Феодальний масток в епоху Київської Русі. С. 15; 3) Древньо-руські городища-замки. С. 97.

В исторической литературе конца XX в. представлены следующие точки зрения на социальное положение домонгольского Вышгорода. О. Н. Трубочев — сторонник концепции о «полицентрическом типе» «начальных городов» у славян — предположил, что одно из поселений, предшествовавших «единому Киеву» *sevodъ-* Σαμβαταζ Константина Багрянородного находилось «близ слияния Десны с Днепром (ср. там гидроним Сувид)»¹⁸, то есть отождествил его с Вышгородом. Б. А. Рыбаков и О. М. Рапов вернулись к характеристике поселения, предложенной С. В. Юшковым и Б. Д. Грековым¹⁹, М. Б. Свердлов и В. М. Рычка — В. В. Мавродиным и В. Т. Пашуто²⁰. П. П. Толочко и А. В. Куза отметили полифункциональный характер Вышгорода и отнесли его в разряд государственных феодальных городов²¹. По мнению И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, вышгородская городская община являлась пригородом в Киевском городе-государстве. Исследователи полагают, что рассматривать это поселение «в рамках собственности (частновладельческой или государственной) нет никаких оснований. О зависимости Вышгорода от киевской общины можно говорить лишь в политическом плане. Нет причин зачислять его в разряд феодальных центров, поскольку феодализм на Руси XII в. только зарождался»²².

Мы полагаем, что в развитии города периода до Батыева нашествия можно выделить две стадии. Вышгород возник в IX в. как полифункциональный центр «малого племени» восточных славян, которое в составе полянского племенного союза осваивало Днепровское Правобережье. Вскоре он попал в зависимость от Киева, одержавшего верх над всеми полянскими городками. На рубеже X—XI вв., когда Русь вступила в завершающую стадию разложения родоплеменных отношений,

---

¹⁸ Трубочев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 15.

¹⁹ Рапов О. М. Княжеские владения... С. 218, 219; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. С. 363.

²⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 68; Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли... С. 43, 84.

²¹ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности. С. 132—136, 160; Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 71—72.

²² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 73. См. также: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.) СПб., 1996. С. 438—440.

характеризующуюся становлением социальной организации, основанной на территориальных связях, вышгородская община, также переживавшая фазу ломки устоявшихся порядков и перестройки их на новых началах, по-прежнему оставалась подвластной «киянам». Однако теперь она уже представляла собой пригород в формировавшейся Киевской земле — государственном образовании, состоявшем из старшего города и зависевших от него областей и отдельных младших поселений.

В это время, судя по описаниям города, составленным археологами, он был крупным стратегическим, торговым, ремесленным центром²³. Перед взором читателя письменных источников тоже предстают картины кипевшей на его улицах жизни. Помолиться мощам вышгородских святых или подивиться их чудесам «пришьльцы мнози прихожаху от инехъ земель»²⁴. В церемониях перенесения хранившихся здесь мощей Бориса и Глеба принимали участие известные на Руси политические и духовные деятели²⁵. Посмотреть на них стекались массы любопытных. По словам летописца, на торжестве 1115 г. «не блзе вести (останки святых. — *И. М.*) от множества народа поламляху воръ а инии и покрили бяху градъ и забрала яко страшно бяше видити народа множество»²⁶. Многолюдный город имел мощные укрепления, охраняемые стражей «вся дъни и вся нощи»²⁷.

Археологи выделяют несколько этапов в развитии домонгольского Вышгорода. Интенсивный рост его территории они наблюдают в первой половине XI в. (тогда осваивалась «Ольгина гора», жилые постройки появились к северо-западу и к северо-востоку от «детинца», там, где в X в. располагались металлургические комплексы), в конце

---

²³ Довженок В. Й. Древній Вишгород... С. 40–48; Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968. С. 25–33; Толочко П. П. Киев и Киевская земля... С. 134–136; Куза А. В. 1) Древнерусские поселения. С. 68; 2) Малые города... С. 71–72; Довженок В. И., Зоценко В. Н. Вышгород // Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев, 1986. С. 303–308.

²⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 59.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 181; ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 171, 280–281. — О смерти киевского князя Святополка, наступившей в Вышгороде во время празднования Пасхи см.: Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М., Л., 1963. С. 128.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 281.

²⁷ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 118.

XI – начале XII в. (возник обширный «южный посад») и на рубеже XII–XIII вв. (продолжалось освоение «металлургического» района)²⁸. Этими же годами отмечены основные вехи становления и развития вышгородской городской общины.

Консолидирующаяся община впервые заявила о себе в 1015 г. в связи с трагическими событиями, происшедшими после смерти князя Владимира Святославича. Сведения о них отложились в нескольких источниках — Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов, «Повести временных лет», «Сказании и страсти и похвале святыю мученику Бориса и Глеба», написанном Нестором «Чтении о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», проложных сказаниях, паримейных чтениях, Эймундовой саге²⁹. Не касаясь сложных, многократно освещавшихся в исторической литературе вопросов о соотношении текстов³⁰, а также о причинах и составе «преступлений Святополка», попытаемся выяснить лишь позицию в этих событиях вышгородцев.

Мы не можем согласиться с исследователями, полагающими, что преступный замысел Святополка поддержали только вышгородские бояре³¹. Анализ источников показывает, что на ночном совещании, организованном прибывшим в город киевским князем, присутствовали «вышгородские боярце»³², «Путчина чадь»³³, «вышегородские

---

²⁸ Довженко В. И., Зоценко В. Н. Вышгород... С. 307.

²⁹ Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860; *Абрамович Д. И.* Жития святых...; Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 169–170; ПСРЛ. Т. I. Стб. 132; Успенский сборник... С. 43–50; *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в XI–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 98–100.

³⁰ Вопрос о соотношении источников и их хронологии запутан и, как полагает А. С. Хорошев, «до настоящего времени не может считаться решенным». Литература о событиях 1015 г. обширна, «она сама может быть предметом специального исследования» (см. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. (С. 13, 51. Примеч. 30).

³¹ *Довженко В. И.* Древний Вышгород... С. 45; *Куза А. В.* Малые города... С. 71.

³² *Абрамович Д. И.* Жития святых... С. 98; НПЛ. С. 170; ПСРЛ. Т. I. Стб. 132; ПСРЛ. Т. II. Стб. 118; ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 125. — Интересно, что даже те источники, которые называют совещавшихся боярами, сообщают об их клятве помочь Святополку со всеми «вышегородцами» (См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 119).

³³ ПСРЛ. Т. III. СПб, 1841. С. 208; ПСРЛ. Т. V. С. 125; *Абрамович Д. И.* Жития святых... С. 32.

вои», «вышегородские мужи», «вышегородцы»³⁴. Полагаем, есть основания считать, что вопрос об убийстве князя Бориса обсуждался всей местной общиной на народном собрании. Видимо, то же вече поручило исполнить вынесенный всеми общинниками приговор Пугше, Тальцу, Еловичу и Ляшко. Возникает вопрос: действовали ли вышегородцы согласно с общественным мнением в старшем городе? Чтобы ответить на него, необходимо выяснить, каким было отношение «князя» к Борису и Святополку.

Оно в исторической литературе определяется неоднозначно. В. Н. Татищев, М. П. Погодин, А. А. Шахматов и М. С. Грушевский писали о доброжелательном отношении жителей Киева к вернувшемуся из Ростова князю³⁵. С. М. Соловьеву оно показалось равнодушным³⁶, В. И. Лесючевскому — неприязненным³⁷. По нашему мнению, правы те историки, которые писали о теплом приеме, оказанном «князями» Борису, потому что он отвечал их представлению об «истинном» правителе старейшей общины. В то время, когда Святополк и Ярослав Владимировичи вступили в конфликт со старшим городом Руси (их действия некоторыми исследователями рассматриваются как первые симптомы начинавшейся борьбы Туровской и Новгородской земель за самостоятельность)³⁸, Борис с окружавшими его епископами крестил Ростовскую землю, стараясь таким образом сохранить

---

³⁴ *Абрамович Д. И.* Жития святых... С. 32, 96; ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 220; Успенский сборник... С. 46. — Здесь необходимо отметить, что термин «вышегородцы» более ранний, чем «вышегородские боярце» (*Абрамович Д. И.* Жития святых... С. 96).

³⁵ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 2. С. 70; *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. С. 52–53; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 73; *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. I. С. 272.

³⁶ *Соловьев С. М.* История России... Кн. I. С. 206.

³⁷ *Лесючевский В. И.* Вышегородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. 1946. Т. VIII. С. 234.

³⁸ О первых шагах Новгорода на пути формирования независимого государства в правление здесь князя Ярослава см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 115; *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. СПб., 1992. С. 149; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 157–158. — О попытках Турова отложиться от Киева в княжение здесь Святополка Владимировича см.: *Котляр М. Ф.* Чи Святополк убив Бориса і Гліба? // Український Історичний журнал. 1989. № 12. С. 114; *Филист Г. М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. С. 40.

здесь господство Киева³⁹. Деятельность молодого князя не осталась незамеченной. Нестор писал: «Любляше же я отец»⁴⁰. Аналогичную информацию, изложенную, правда, в духе XVIII в., находим у В. Н. Татищева, который сообщает: «Бориса отец по себе наследником престола определил, Киев со всею принадлежасчею к нему областию и дом ему завесчал, паче же кротость и разум Бориса все любили»⁴¹. При всей осторожности подхода к сочинению В. Н. Татищева как историческому источнику здесь нельзя не уловить переданной ученым доброжелательности «киян» к сыну их правителя.

Неизвестно, был ли Борис отозван из Ростова или приехал в Киев сам, однако здесь на него возложили обязанности, обычно выполнявшиеся правителем старейшей общины: во главе ее ополчения молодой князь выступил в поход на печенегов⁴², а если верить «Чтению», то усмирять восставшие против киевского господства⁴³ левобережные города⁴⁴. О популярности младшего брата у «киян» знал и Святополк, пытавшийся скрыть от них смерть князя Владимира, а затем привлечь их на свою сторону дарами. Эта попытка, однако, оказалась неудачной: жители «Русской столицы» дары «приимаху и не бе сердце ихъ с нимъ яко братья ихъ быша с Борисомъ»⁴⁵. Явно, «кияне» надеялись видеть на старейшем столе Бориса.

Молодой князь, однако, их надежд не оправдал: добиваться киевского стола он не стал. Внимание историков привлек факт ухода от него войск на р. Альте после возвращения из похода. Предположение М. Д. Приселкова о том, что «вои» не желали оказывать сопротивление Святополку⁴⁶, не находит подтверждения в источниках, из кото-

---

³⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших... С. 90; Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 247 — 248.

⁴⁰ Абрамович Д. И. Жития святых... С. 5.

⁴¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 70.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 115.

⁴³ Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен... С. 282; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 121; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 85.

⁴⁴ Сказания о святых Борисе и Глебе. Стб. 12; Абрамович Д. И. Жития святых... С. 9.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. III. Стб. 118.

⁴⁶ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. СПб., 1913. С. 57–59.

рых, напротив, видно: ополченцы призывали Бориса идти на Киев, обещали возвести его на «стол отъни»⁴⁷. По нашему мнению, правы те историки, которые писали о нерешительности Бориса в критическую минуту, даже о его отказе вступить в борьбу со старшим братом (Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, Д. И. Иловайский, В. И. Лесючевский)⁴⁸. «Кияне» не простили князю ни смирения, ни трусости даже после его смерти: они не приняли тело убитого⁴⁹, что, возможно, явилось причиной захоронения его не в «стольном» городе, а в ближайшем его пригороде. Следовательно, до отказа Бориса вступить в борьбу за старейший стол разногласий между ним и киевскими общинниками не было, напротив, последние видели в молодом князе преемника Владимира Святого. В свете вышеизложенного, действия вышгородцев представляются направленными не против Бориса как конкретного деятеля, а против политики старшего города земли — Киева.

Следует заметить, что антикиевское выступление вышгородцев в 1015 г., вероятно, не было единичным фактом. По мнению А. А. Шахматова и Н. Н. Ильина, в основе записей о ночном совещании в Вышгороде и убийстве на р. Альте любимого сына Владимира лежит древнерусское предание⁵⁰ — источник, отражающий не столько конкретные события, сколько представления современников об окружающей их действительности, передающий атмосферу настроений общества, в котором оно слагалось⁵¹. А. А. Шахматов предположил, что образы

---

⁴⁷ *Абрамович Д. И.* Жития святых... С. 10; ПСРЛ. Т. II. Стб. 118; Успенский сборник... С. 46.

⁴⁸ *Карамзин Н. М.* История государства Российского... Кн. I. Т. II. СПб., 1842. Стб. 2; *Погодин М.* Древняя русская история... Т. I. С. 53; *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. С. 71; *Лесючевский В. П.* Вышгородский культ... С. 233–234.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XV. М., 1965. Стб. 128.

⁵⁰ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших... С. 92; *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957. С. 65.

⁵¹ Историко-фактологический подход некоторых исследователей к рассказу об убийстве Бориса Владимировича (*Ильин Н. Н.* Летописная статья...; *Хорошев А. С.* Политическая история... С. 31; *Котляр М. Ф.* Чи Святополк убив...) представляется нам неприемлемым. Мы также не разделяем взглядов Г. М. Филиста, не обнаружившего «исторически достоверного материала» в русских письменных памятниках и предложившего свою версию событий, основанную лишь на анализе иностранных источников (См.: *Филист Г. М.* История «преступлений»...).

убийц-вышгородцев возникли в Киеве, в ответ на это в Вышгороде получила распространение легенда о том, как «кияне» отвергли тело Бориса⁵². Это предположение — показатель того, что исследователь уловил суть взаимоотношений двух соседних поднепровских городов в начале XI в.: они были напряженными, временами даже враждебными.

Процесс консолидации вышгородской общины в единое целое продолжался на протяжении последующих лет и в общих чертах завершился к 70-м гг. XI в., когда во взаимоотношениях киевского пригорода с главным городом произошли важные изменения. До 70-х гг. XI в. местной общиной управлял посадник («властелин града»), подотчетный киевскому князю. Так, он незамедлительно отправился к Ярославу Мудрому с сообщением о пожаре в церкви Святых Бориса и Глеба, докладывал о чудесных явлениях на могилах святых⁵³. Характерен властный тон, каким обращался к вышгородскому посаднику старейший Рюрикович: «<...> повеле властелину града того даяти отъ дани церкви святого десятую часть»⁵⁴. Однако по мере сплочения местной общины все больший вес приобретал и ее правитель. Присутствие «державшего» этот город Чюдина⁵⁵, а также знатного вышгородца Николы-Ждана (в тексте Правды Русской — Миккулы)⁵⁶ на княжеском съезде, их участие в составлении Правды Ярославичей⁵⁷ — все это свидетельства возросшего значения киевского пригорода.

Еще более важен факт возникновения в городе княжеского стола. Под 1078 г. летописец сообщает: «<...> сыну Изяславлю Ярополку сидящу Вышегороде»⁵⁸. Согласно В. Н. Татищеву, княжеский стол в этом городе появился на пять лет раньше, когда Святослав посадил

---

⁵² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших... С. 476.

⁵³ Абрамович Д. И. Жития святых... С. 17–18; Успенский сборник... С. 61.

⁵⁴ Абрамович Д. И. Жития святых... С. 19.

⁵⁵ Чюдин упоминается как вышгородский посадник в 1072 г. (См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 182; ПСРЛ. Т. II. Стб. 172).

⁵⁶ Успенский сборник... С. 63; Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.; Л., 1940. С. 71, 80. — См. также: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 64.

⁵⁷ Правда Русская. Т. I. С. 71, 80. — См. также: Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 54.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 200; ПСРЛ. Т. II. Стб. 191.

здесь сына Бориса⁵⁹, что вполне вероятно: в 1073 г., утвердившись в Киеве⁶⁰, средний из Ярославичей мог принять решение о передаче пригорода наследнику. По мнению О. П. Рапова, появление вышгородского стола явилось следствием раздробления «крупных княжеств-полугосударств на более мелкие уделы»⁶¹. Нам представляется, что ближе к истине И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, которые полагают, что «наличие княжения в Вышгороде говорит, безусловно, об известной зрелости местной общины. Пребывание в нем князя следует рассматривать как приобретение вышгородцами некоторой автономии по отношению к общине главного города»⁶².

Признав возросшую силу пригорода, что выразилось в учреждении здесь княжеского стола, Киев в то же самое время пытался сохранить власть над Вышгородом. С этой целью он практиковал сосредоточение нескольких усиливавшихся общин, в том числе и вышгородской, в руках одного правителя. По сообщению В. Н. Татищева, утвердившись на киевском столе, Всеволод Ярославич в 1078 г. «детям Изяславим оставил прежние их владения, кои им даны были от отца <...> Ярополк в Вышеграде, к тому прибавил ему Всеволод Владимир»⁶³. Лаврентьевская летопись, не упоминая вышгородского «держания» Ярополка, называет его князем владимирским и туровским⁶⁴. Вероятнее всего, сын Изяслава Ярославича княжил во всех трех вызывавших беспокойство «киян» городах⁶⁵. В 1097 г. владимирский князь Мстислав Святополчич «затворися оу граде съ засадою оуже бежа оу него Берестьяне и Пиняни Вышегородци и ста Давыдь оступивъ городъ»⁶⁶. Здесь речь идет о вышгородском ополчении, подчинявшемся владимирскому князю. Видимо, на рубеже XI–XII вв. киевская община еще практиковала передачу Вышгорода и Владимира одному правителю.

---

⁵⁹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 90.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 178.

⁶¹ Рапов О. М. Княжеские владения... С. 236.

⁶² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 72.

⁶³ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 94.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 204.

⁶⁵ Об усилении в 70-е гг. XI в. Владимира Южного и Турова и вступлении их в борьбу с Киевом см.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 70, 113.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 246.

Следующая века во взаимоотношениях старшего города и пригорода – появление в Вышгороде самостоятельного князя. Согласно В. Н. Татищеву, в 1117 г. Владимир Мономах «взял из Новаграда сына своего Мстислава и дал ему Вышград»⁶⁷. Это свидетельство может вызвать сомнения в его достоверности, поскольку данные Ипатьевской летописи с ним расходятся: ее составитель сообщает о передаче Мстиславу Белгорода⁶⁸. Поскольку идентичные тексты обоих источников отличаются лишь названием города, полученного бывшим новгородским князем в кормление, а также в них не сообщается о других «владениях» старшего сына Владимира Мономаха, мы полагаем, что указанные расхождения следует понимать как отражение равного социального положения Вышгорода и Белгорода в начале XII в., а не указание на «держание» их одним правителем. К сожалению, определить, какой именно из указанных центров был передан Мстиславу Владимировичу, не представляется возможным. Если появление в Вышгороде самостоятельного князя в 1117 г. проблематично, то вокняжение здесь в 1136 г. Всеволода Мстиславича, не «владевшего» (в тот момент) другими землями, подтверждается многими источниками⁶⁹. Превращение Вышгорода в единственное «держание» князя имело большое значение для развития города: создавались условия для сближения киевского ставленника с местной общиной, для трансформации его власти в орган управления, действующий в ее интересах.

Со второй четверти XII в. внутренне сплоченная община-пригород встала на путь конфронтации с главным городом земли с целью освободиться из-под его власти.

Еще И. А. Линниченко и М. С. Грушевский обратили внимание на антикиевскую направленность политики вышгородцев в период вокняжения и правления в «Русской столице» Всеволода Ольговича⁷⁰. Узнав в 1138 г. о смерти старейшего князя, Всеволод Ольгович «вышедше» в не оказавший ни малейшего сопротивления Вышгород⁷¹, отку-

---

⁶⁷ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 132.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 305; ПСРЛ. Т. II. Стб. 300; ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 30; Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 147.

⁷⁰ Линниченко И. Вече в Киевской области. С. 38; Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. I. С. 275–276.

⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302.

да «приде <...> с Вышегородци» к Киеву⁷². Получив сведения, что воины черниговского князя «нача зажигати дворы» в Копыреве конце города, Вячеслав Владимирович уступил старейший стол сопернику⁷³. Софийская Первая и Воскресенская летописи содержат сведения о благосклонном отношении «киян» к Вячеславу («людемъ же съ митрополитомъ сретшимъ и, и посадиша на столе отца его Владимира») ⁷⁴. Ольговичи же, как известно, их расположением не пользовались, поэтому, навязав неугодного киевской общине князя, вышгородцы не только не посчитались с ее мнением, но и одержали над ней верх.

Дружественные отношения между вышгородцами и князем Всеволодом, видимо, сохранились вплоть до его смерти. Так, в 1141 г. он намеревался провести в Вышгороде съезд Ольговичей и Давыдовичей⁷⁵. В структуру административно-управленческого аппарата, сформированного Всеволодом Ольговичем в период его княжения в Киеве и состоявшего из людей, назначенных вопреки желанию «киян»⁷⁶, входила должность вышгородского тиуна. Здесь, на наш взгляд, также улавливается непосредственная связь с крупнейшим киевским пригородом. Вышгородская община осталась верна Ольговичам и в трудные для них 1146–1147 гг.

В 1146 г. по возвращении из похода на Галич киевский князь остановился «подъ Вышегородомъ въ Острове», где тяжело заболел. Перед смертью он назначил своим преемником брата Игоря. Всеволод Ольгович был еще жив, когда в Вышгород прибыли посланники киевской общины. Именно здесь они согласились признать своим лидером еще одного представителя непопулярного в Киеве рода Оль-

---

⁷² Там же. Стб. 307; ПСРЛ. Т. V. С. 158

⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 302–303.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. V. С. 158; ПСРЛ. Т. VII. С. 32.

⁷⁵ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 154.

⁷⁶ Об этом свидетельствует обещание Святослава Ольговича, данное «киянам» в 1146 г. Святослав заверял: «А что были тивуны брата нашего Ратша и Тудоръ, а темъ не быти» (ПСРЛ. Т. VII. С. 35); «Брат мой никому никакого насилия и неправды не учинит и судей вам определит по вашему желанию, кого сами изберете» (*Татищев В. Н.* История Российская... Т. 2. С. 162). — Из требований «киян» избрать тиунов на вече следует, что Ратша и Тудор были назначены князем. (См.: *Фроянов И. Я.* 1) Вечевые собрания 1146–1147 гг. в Киеве // Вестник Ленинградского университета. 1977. № 8. С. 32 (История. Язык. Литература); 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 171–172).

говичей — Игоря. Закрадывается подозрение, что на киевских послов могло быть оказано давление со стороны вышгородцев. Об этом свидетельствует разное отношение тех и других к кандидату на «старейший стол», подмеченное летописцем. Он подчеркнул, что все собравшиеся на вече «кияне» провозгласили Игоря «своим» князем, но «яшас по нь лъстью». Иначе, искренне целовали крест вышгородцы. «Заоутрии же день еха Игорь Вышегородоу и целоваше к немуо крестъ Вышегородыце»⁷⁷.

Знаменательно, что крестоцелование Игорю Ольговичу состоялось как в Киеве, так и в Вышгороде⁷⁸. На этот факт обратили внимание еще дореволюционные историки. Н. И. Костомаров расценивал его как высвобождение пригорода из-под власти старшего города⁷⁹. Вывод И. А. Линниченко менее категоричен. «Здесь, — по мнению исследователя, — нельзя не видеть стремления этого пригорода к обособлению себя от власти своего города»⁸⁰. Лишь «о некоторой самостоятельности» Вышгорода в 1146 г. писал и М. С. Грушевский⁸¹. Аналогично последним замечаниям высказывание И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, согласно которому «сам факт присяги вышгородцев свидетельствует о том, что они были влиятельной силой, с которой в Киеве считались», однако целовавшая крест после киевской вышгородская община зависела от нее⁸². Соглашаясь с этими соображениями, добавим: этот факт свидетельствует также о том, что в 1146 г. вышгородцы оставались верны Ольговичам. Примечательно, что умиравшего Всеволода «братя» повезли не в Киев, а «Вышегороду, и тамо скончася»⁸³. После смерти Всеволода Ольговича «кияне» вновь восторжествовали: на княжение его брата Игоря утвердило вече только старшего города⁸⁴. Долго дремавшее в «Русской столице» недовольство

---

⁷⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.

⁷⁸ Там же. Стб. 321. — См. также: *Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. СПб., 1900. С. 15.

⁷⁹ *Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872. С. 209.

⁸⁰ *Линниченко И.* Вече в Киевской области. С. 38.

⁸¹ *Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли... С. 313.

⁸² *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 72–73.

⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 313.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.

Ольговичами нашло выход в волнениях 1146 г., закончившихся передачей киевского стола Изяславу Мстиславичу. И здесь вышгородская община осталась верна побежденным союзникам. Летописец не называет ее среди киевских пригородов, перешедших на сторону Изяслава Мстиславича⁸⁵. Разбитые войсками этого князя, Ольговичи бежали, «и идоша до них до Вышегорода и до Непра до оустья Десны», — сообщает летописец⁸⁶. Видимо, в Вышгороде «вои» Ольговичей нашли убежище. Сюда же «свели» укрывавшегося в киевском монастыре св. Ирины Святослава Всеволодовича⁸⁷.

К середине XII в. влияние Вышгорода возросло настолько, что он занял первое место среди городских общин Киевской земли. В списке южнорусских городов, переданных Юрием Долгоруким сыновьям в 1149 г., он назван вслед за Переяславлем⁸⁸. Характерен следующий факт. В 1150 г. Юрий Владимирович, осознавая, что не пользуется популярностью у «киян», решил уступить старейший стол брату, однако бояре, как сообщает В. Н. Татищев, посоветовали князю: «Хочешь ли Вячеславу честь учинить и нарекания избыть, то посади его с собою, почитая яко старейшего, а управляя сам». Юрий Долгорукий последовал совету: «вывел» из Вышгорода сына Андрея и передал этот город брату⁸⁹. Значит, вокняжение в Вышгороде не умаляло в глазах современников достоинство претендента на «старейший» стол, напротив, рассматривалось как оказание чести, что, несомненно, свидетельствует о высоком статусе киевского пригорода.

Взаимоотношения вышгородского и киевского князей в 50-е гг. XII в. приняли своеобразную форму, названную Б. А. Рыбаковым «дуумвиратом». По мнению исследователя, «дуумвират» ввело боярство старшего города; «смысл этой оригинальной меры был в том, что одновременно приглашались представители двух враждующих княжеских ветвей и тем самым отчасти устранялись усобицы и устанавливалось от-

---

⁸⁵ Там же. Стб. 323.

⁸⁶ Там же. Стб. 327.

⁸⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 164.

⁸⁸ В 1149 г. в Вышгороде вокняжился Андрей Юрьевич. — См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 326; ПСРЛ. Т. II. Стб. 394; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 216; *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 16.

носительное равновесие»⁹⁰. С этим положением не согласились И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко. Они пишут: «Между Изяславом и Вячеславом не заметно никаких бояр, которые заключали бы с князьями “ряд” о дуумвирате. Князья строили свои отношения, исходя из соображений старейшинства, а не из предписания боярства, и эти соображения разделяла киевская община»⁹¹. По нашему мнению, «соправление» последовательно сменявших друг друга в Киеве Изяслава Мстиславича, Юрия Владимировича Долгорукого и Ростислава Мстиславича, с одной стороны, и Вячеслава Владимировича Вышгородского, с другой стороны, — лишь внешнее проявление взаимоотношений возглавлявшихся ими городов. Поскольку вышгородская община к этому времени значительно выделилась среди других киевских пригородов, ее князь приобрел особый, более высокий статус по сравнению с положением их правителей; внешне взаимоотношения двух поднепровских центров приняли форму союза равноправных городов. Фактически же Вышгород оставался в зависимости от Киева, в составе «тянувшей» к последнему земли. Попытаемся аргументировать это соображение.

С одной стороны, вышгородцы, видимо, осознавали себя неподвластными Киеву, когда вступили с ним в дипломатические переговоры: «А Изяславъ же нача слати к Вячеславу к Вышегороду, а Вячеславъ къ Изяславу начаста ладитися»⁹². С другой стороны, вышгородская община по-прежнему воспринималась современниками в составе Киевской волости. Так, здесь по совету «старейшего» князя Ростислава Мстиславича сделал остановку его союзник Изяслав Давыдович, направлявшийся в Чернигов. Так как последний претендовал на черниговский княжеский стол, сюда же, в Вышгород, на помощь ему подошло киевское войско⁹³. Позже Ростислав Мстиславич поссорился с бывшим союзником и, намереваясь выступить против него в поход, «ста противу Вышегороду скупливая дружину свою»⁹⁴. «Дуумвират» киевского и вышгородского князей был временным явлением: он распался со смертью Вячеслава Владимировича в 1154 г.⁹⁵

---

⁹⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 492.

⁹¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 82.

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 398.

⁹³ Там же. С. 439.

⁹⁴ Там же. С. 472; ПСРЛ. Т. VII. С. 61.

Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XII в. внешних проявлений социально-политической активности вышгородцев не наблюдалось⁹⁶, что, по нашему мнению, можно объяснить отсутствием лидера, способного возглавить борьбу местной общины с Киевом. Так, Андрей Юрьевич Вышгородский (впоследствии Боголюбский), в 1155 г. тайно бежавший в Суздаль с похищенной из местной церкви драгоценной византийской иконой св. Богородицы⁹⁷, к таким лидерам явно не относился.

Однако подспудно Вышгород готовился к продолжению борьбы со старшим городом: именно в эти годы вокруг него начала складываться коалиция оппозиционно настроенных по отношению к Киеву пригородов. Коалицию возглавили утвердившиеся в малых киевских городах Ростиславичи. Первые сведения о ней относятся к 1169 г. В то время, когда Мстислав Изяславич, приглашенный «киянами» и черными клобуками на старейший стол, двигался к Киеву, в «Русской столице» созрел заговор. Некоторые князья, в том числе и Давыд Ростиславич Вышгородский, «целовали крестъ якоже взяти имь волость оу Мьстислава по своєї воли»⁹⁸. Как показывают дальнейшие события, это был заговор не князей, а общин, действовавших через своих представителей. Цель его заключалась в том, чтобы перераспределить земли, контролировавшиеся старшей общиной. Аргументировать это положение позволяет анализ записи о разгоревшемся у стен Вышгорода сражении, в ходе которого должен был решиться вопрос о «волостях».

Войско, возглавляемое Мстиславом Изяславичем, состояло из киевлян⁹⁹, отстаивавших свои права на подвластные им земли. Ему противостояли жители Вышгорода, часть трепольцев, прибывших сюда

---

⁹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 472.

⁹⁶ Летописи сообщают о Вышгороде этого времени следующее. В 1159 г. здесь «распри бывше» между Мстиславом Изяславичем и Романом Ростиславичем по поводу избрания митрополита (ПСРЛ. Т. II. Стб. 503), в том же году около города стоял «в товариехъ» Ростислав Мстиславич Киевский (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 228). В 1160 г. под стенами Вышгорода состоялась битва Ростислава Мстиславича с претендентом на киевский стол Изяславом Давыдовичем (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 74).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 482.

⁹⁸ Там же. Стб. 533.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 81; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 76.

вместе со своим князем Владимиром Мстиславичем — одним из участников заговора, и «вои» Рюрика Ростиславича Овручского. Отметим, что в сражении принимали участие не только знатные вышгородцы, но и рядовые общинники. «Кияне» подступили к городу и сожгли семь дворов «на болоньи», в том числе и тысяцкого Радилы. На следующее утро в битву вступило все местное ополчение: ратники «из города выходяще бяхуся крепко»¹⁰⁰. Значит, события 1169 г. следует рассматривать не как княжескую междоусобицу, а как конфликт между Киевом и его пригородами, одним из которых был Вышгород. Договор по вопросу о «волостях», подписанный Мстиславом Изяславичем и главами мятежных пригородов¹⁰¹, разумеется, устраивал вышгородскую общину, поскольку она не только не поддержала своего бывшего союзника Владимира Мстиславича, добивавшегося пересмотра его решений, но и выдала недовольного князя «киянам».

Давыд Ростиславич, узнав от вышгородского «мужа» Василя Настасьича о намерении Владимира Мстиславича организовать новый заговор, сообщил об этом в Киев. На «тяже» заговорщиков и их обвинителей, состоявшейся в Печерском монастыре, от Вышгорода присутствовали тысяцкий Радила и общинники — Василь Настасьич и его «послухъ» Давыд Борынич¹⁰². В Воскресенской летописи и Московском летописном своде конца XV в., кроме перечисленных «мужей», назван еще Василь Волкович¹⁰³. Все эти люди — представители вышгородской общины. Значит, против Владимира Трепольского выступил не узкий круг приближенных к князю лиц, но городская община в целом.

Следующий эпизод в борьбе возглавляемых Вышгородом киевских пригородов со старшим городом относится к 1170 г. По сообщению летописца, киевские бояре донесли Давыду Ростиславичу о планах Мстислава Изяславича лишить вышгородского и овручского князей их земель, а самих «ять». Давыд Ростиславич поведал о своих опасениях Рюрику Ростиславичу Овручскому. Князья добились от Мстислава публичных заверений в благожелательном отношении к

---

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

¹⁰¹ О переговорах по этому вопросу см.: Там же.

¹⁰² Там же. Стб. 535.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. VII. С. 81; ПСРЛ. Т. XXV. С. 76.

ним¹⁰⁴. Так передает события 1170 г. летописец, который, однако, замечает, что Мстислав Изяславич «всего того не ведаше ни мысли таковои не имеяше въ сердце своемъ», а Давыд и Рюрик «к нему крестъ целоваста обаче сердце ихъ не бе право с ним»¹⁰⁵. Все это наводит на мысль о том, что истоки конфликта следует искать в Вышгороде и Овруче. По нашему мнению, эти события явились прологом вскоре состоявшегося грандиозного похода на Киев, в котором все «обиженные» Мстиславом Изяславичем герои «розмирья» 1170 г. приняли активное участие¹⁰⁶.

Немаловажную роль в организации и проведении этого похода сыграли вышгородцы. Их город стал пунктом сбора всех ополчений, прибывавших из южнорусских земель¹⁰⁷. В. Н. Татищев отметил, что вышгородцы решили исход сражения за Киев. Историк писал: «Тажо бояре киевские Петр Борисович и Нестор Жирославич (которые прежде на него (Мстислава. — *И. М.*) Давиду клеветали и смутили) тайно пересылку с Давидом имели, приказав, чтоб учинили явный приступ на крепкие места, и “как войска киевские, оставя плохие места, будут крепкие оборонять, тогда незапно наступите на места плохие и безоборонные”. Князи оные, стоя три седмицы коло Киева и уже потеряв много людей, намерены были мир учинить и отступить <...> но, получив эти наставления от указанных киевских бояр, вошли в Киев»¹⁰⁸.

Вышгород воспринимался центром коалиции мятежных пригородов и в трудные для них дни возвращения в старший город Мстислава Изяславича. Именно сюда, к стенам «кормольного» поселения, было перевезено тело участника похода на Киев Владимира Андреевича Дорогобужского, умершего в момент успешного продвижения войск Мстислава Изяславича к «Русской столице». Правда, Давыд Ростиславич Вышгородский побоялся впустить вдову дорогобужского князя с телом мужа в город, но он приказал своим посланникам отвезти останки умершего союзника в Киев и похоронить их там. Это поручение

---

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 541–543; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 88.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 542–543.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 354; ПСРЛ. Т. II. Стб. 543–544.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544; ПСРЛ. Т. XXV. С. 79; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 90.

¹⁰⁸ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 90.

было выполнено¹⁰⁹. Когда провозглашенный «старейшим» князем Мстислав Изяславич повел киевское войско на Вышгород, правившие в пригородах «братье его (Давыда Ростиславича. — И. М.)» прислали оборонявшимся соратникам «помочь»¹¹⁰. Вышгород удалось отстоять.

Эта победа усилила позиции Ростиславичей. До конца 70-х гг. XII в. «старейший» стол занимали их ставленники: Мстислава Изяславича сменил их союзник Глеб Юрьевич¹¹¹, после его смерти в 1173 г. белгородский и вышгородский князья посадили здесь давнего участника антикиевской оппозиции Владимира Мстиславича¹¹²; затем в «столице Руси» утвердился Роман Ростиславич¹¹³. Попытки Андрея Юрьевича Боголюбского изгнать Ростиславичей из Киевской земли и передать ее своим братьям закончились неудачей, причем немаловажную роль в провале его планов сыграл Давыд Ростиславич, действовавший, вероятно, с одобрения всей вышгородской общины.

В 1174 г. верховному правителю Владимиро-Суздальской земли удалось посадить в Киеве своего брата Всеволода. Однако Ростиславичи не покорились князю Андрею. «Давыдь Ростиславичъ Вышегородьскыи князь, здумавъ с братьею своею»; объединенными силами они ворвались в предрассветный спящий Киев, арестовали Всеволода Юрьевича, его пособника Ярополка и всю «дружину их»¹¹⁴. Владимиро-суздальский князь организовал большой поход против Ростиславичей и занял Киев, после чего Юрьевичи, собрав столичное ополчение, «Поросье и вьсю Рускую землю», двинулись к Вышгороду. Нельзя не отметить участие рядовых киевлян в осаде Вышгорода, что еще раз подтверждает наше предположение о межобщинном противостоянии двух центров Киевской земли. Осажденные оказали упорное сопротивление: «И приступаху по вся днии и выриняюще изъ града да бяхуться крепко и много быс Мьстиславле дружине раненыхъ и смертньхъ добрыхъ и остояша около города 7 недель»¹¹⁵. Согласно Воскресенской и Тверской летописям, а также Московско-

---

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544, 547; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 93.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 548.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 357; ПСРЛ. Т. II. Стб. 555.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 566.

¹¹³ Там же. Стб. 567.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 365; ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 13; ПСРЛ. Т. VII. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 349; ПСРЛ. Т. XXV. С. 83.

му летописному своду конца XV в., оборона города продолжалась девять, Новгородской Четвертой летописи — 13 недель. Вышгородцы и их союзники отстояли осажденный город¹¹⁶. Благодаря мужеству вышгородских общинников Ростиславичи снова смогли посадить в Киеве своего ставленника — Ярослава Изяславича Луцкого¹¹⁷.

Обстановка изменилась в 1177 г., когда, воспользовавшись разногласиями среди князей, «державших» пригороды¹¹⁸, киевляне пригласили на «старейший» стол Святослава Всеволодовича¹¹⁹, что повлекло за собой ослабление связей между главным городом и руководимой Давыдом Ростиславичем вышгородской общиной. Во время княжения в Киеве Святослава Всеволодовича Вышгород вновь, как и в 50-е гг. XII в., предстает независимым центром, скреплявшим договоры со старшим городом «крестом честным»¹²⁰. В то же самое время вышгородская община продолжала играть ведущую роль в антикиевской коалиции¹²¹. Именно поэтому «старейший» князь, стремившийся сломить оппозицию, направил основной удар против этого пригорода.

В 1180 г., в тот момент, когда безоружный Давыд Ростиславич «в лодьях ловы дея», он напал на него, после чего «изыма дружи-

---

¹¹⁵ Вышгородское ополчение в сражении 1174 г. возглавлял Мстислав Ростиславич Белгородский. Мы не можем согласиться с О. М. Раповым в том, что князь Давыд Вышгородский струсил и бежал из города, передав его младшему брату (*Рапов О. М. Княжеские владения... С. 160*). Источники недвусмысленно свидетельствуют: Давыд ездил в Галич за помощью, однако не получил ее. — См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 365; ПСРЛ. Т. II. Стб. 575; ПСРЛ. Т. IV. С. 13; ПСРЛ. Т. VII. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 349; ПСРЛ. Т. XXV. С. 83.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 576; ПСРЛ. Т. IV. С. 13; ПСРЛ. Т. VII. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 349; ПСРЛ. Т. XXV. С. 83; НПЛ. С. 34.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 578.

¹¹⁸ По сведениям Ипатьевской летописи, эти разногласия были вызваны тем, что Давыд Ростиславич Вышгородский отказался участвовать в походе на половцев, организованном Юриком Ростиславичем Белгородским и сыновьями Романа Ростиславича Киевского (ПСРЛ. Т. II. Стб. 603–604). Иначе предстают эти события в сочинении В. Н. Татищева. Здесь Давыд Ростиславич не только выступил в поход, но и помирил поссорившихся на марше Ярополка и Бориса Романовичей (*Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 114*).

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 604.

¹²⁰ Там же. Стб. 615.

¹²¹ Об оппозиции киевских пригородов, находившихся в руках Ростиславичей, говорил сам Святослав Всеволодович. «Те ми во всеь пакостять в Роуской земле», — признавался он (ПСРЛ. Т. II. Стб. 614).

ноу <...> и товары» вышгородского князя. Думая, что бежавший Давыд укрылся в Вышгороде, Святослав Всеволодович искал его там, но «не обретоша». Опасаясь ответных действий со стороны Ростиславичей, «старейший» князь бежал из Киева¹²². Так передает эти события летописец. Нам представляется, что летописный рассказ отражает лишь внешнюю сторону конфликта 1180 г., суть которого — не в разногласиях между князьями, но в углублявшихся противоречиях между возглавлявшимися ими общинами. Дополнительные сведения об этих событиях находим у В. Н. Татищева, согласно которому одновременно с покушением на Давыда Ростиславича планировалось завоевание Вышгорода: Святослав Всеволодович «велел воеводе своему тайно из Киева ехав к Вышграду и оной взять, что легко без князя и стражи учинили»¹²³. Эта победа, однако, не имела особого значения, так как не была достигнута основная цель операции — обезглавить ведущую среди мятежных пригородов общину. Поражение в борьбе с оппозицией означало для князя Святослава потерю старшего стола. Так, по нашему мнению, следует трактовать события 1180 г.

Несложно заметить, что в 70–80-е гг. XII в. вышгородцы поддерживали правивших в малых киевских городах Ростиславичей. Приверженность этому княжескому роду они сохранили и в конце XII — начале XIII в. Так, в 1187 г. местную общину возглавлял Мстислав Давыдович¹²⁴, в 1191 г. — его брат Владимир Давыдович. Оба они были сыновьями Давыда Ростиславича¹²⁵. Согласно Густынской летописи, в 1198 г. в городе правил Ростислав Рюрикович¹²⁶. В начале XIII в. Ростиславичи, разумеется, уже воспринимали Вышгород как наследственную отчину¹²⁷. Так, в 1205 г. Ростислав Рюрикович изгнал отсюда Ярослава Владимировича из рода Мстиславичей-Владимиро-

---

¹²² ПСРЛ. Т. II. Стб. 614–615.

¹²³ *Татищев В. Н. История Российская...* Т. 3. С. 148.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 655.

¹²⁵ *Абрамович Д. И. Жития святых...* С. 109.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 326.

¹²⁷ Под термином «наследственная отчина» следует понимать городскую общину, «переходившую» из поколения в поколение к представителям одного княжеского рода. До монголо-татарского нашествия инициатива определения княжеской ветви, «поставлявшей» правителей для города, принадлежала самой общине.

вичей¹²⁸. Победителю удалось удержать за собой местный стол и в следующем 1206 г., когда в Киеве вокняжился Всеволод Святославич Чермный¹²⁹.

Вышгородцы начали приглашать Ростиславичей на княжение, когда последние возглавили борьбу пригородов со старшим городом, однако на рубеже XII—XIII вв. политика этого княжеского рода изменилась. Прочно обосновавшись в малых общинах, Ростиславичи повели борьбу за Киев. В этих условиях вышгородская община оказалась в двойственном положении. Во время княжения в Киеве Ростиславичей она автоматически превращалась в зависимый пригород, когда же «старейший» стол переходил к противникам этого рода, вышгородцы приобретали некоторую самостоятельность. Согласно В. Н. Татищеву, при Святославе Всеволодовиче Киевском Рюрик Ростиславич Вышгородский, считая подвластную городскую общину независимой, предлагал «старейшему» правителю обменять ее на Галич¹³⁰. В период правления в старшем городе Рюрика Ростиславича Вышгород рассматривался в составе Киевской земли. В 1195 г. здесь встретились братья Давыд Ростиславич, бывший глава местной общины, а теперь князь Смоленский, и Рюрик Ростиславич Киевский. По этому поводу был дан обед, «и быша в любви велиции и во весельи мнозе»¹³¹. Рождение внуки киевского князя в 1198 г. праздновали как в старшем городе, так и в пригороде. «Быс радость велика во граде Кыеве и в Вышгороде», — заметил по этому поводу летописец¹³².

Традиционный путь подчинения пригородов старшему городу, на который встали бывшие лидеры антикиевской оппозиции, конечно, не мог устраивать вышгородскую общину, и она разорвала союз с Ростиславичами. Об этом узнаем из записи, датированной в одних источниках 1212 г., в других — 1214 г. и содержащей последние сведения по

---

¹²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 426; ПСРЛ. Т. VII. С. 112; *Панов О. М.* Княжеские владения... С. 164.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 427; ПСРЛ. Т. VII. С. 113; ПСРЛ. Т. XXX. С. 81.

¹³⁰ Святослав Всеволодович вернулся на старейший стол вскоре после своего бегства из Киева в 1180 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 621); *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 148.

¹³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 682.

¹³² Там же. С. 708.

истории домонгольского Вышгорода. В 1212 г. (1214 г.) состоялся поход коалиции русских князей на Киев. По Тверской летописи, его инициаторами выступили «внуци Ростиславли», пожаловавшиеся Мстиславу Мстиславичу Новгородскому на киевского князя: «Се не творить намъ Всеволодь Святославичъ части въ Руской земли; а поиди, поищемъ своя отчины»¹³³. Поскольку новгородско-смоленское войско двинулось к Вышгороду (в котором в то время княжили Ростислав и Ярополк Ярославичи, «внуки Ольговы»), этот город, по всей вероятности, был одним из тех поселений, на которые претендовали Ростиславичи. Вышгородцы, однако, остались верны Ольговичам: они вступили в бой с подошедшим войском, но потерпели поражение. «Вышгородцы поклонишася, отвориша ворота», Ярославичи были взяты в плен. В городе вокняжился Мстислав Смоленский, вскоре перешедший на киевский стол¹³⁴.

Итак, на протяжении XI в. происходил процесс становления вышгородской городской общины, со второй четверти XII в. она встала на путь борьбы за независимость от Киева. К середине того же столетия вышгородская община обогнала в развитии все малые центры Киевской земли. С 60-х гг. XII в. Вышгород — признанный в Южной Руси лидер коалиции оппозиционно настроенных по отношению к старшему городу киевских пригородов, возглавлявшихся Ростиславичами. С изменением политического курса Ростиславичей относительно малых городов Киевской земли вышгородцы разорвали союз с этим княжеским родом, готовые продолжать борьбу со старшей общиной. Их планам не дано было осуществиться: на Русь пришли монголо-татары.

Вторым по значению после Вышгорода городским центром Киевской земли был Белгород. Он находился в 23 км к юго-западу от Киева.

---

¹³³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 314.

¹³⁴ См.: ПСРЛ. Т. IV. С. 20; ПСРЛ. Т. VII. С. 118; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 314–315; ПСРЛ. Т. XXX. С. 84; НПЛ. С. 53. — В Софийскую Первую летопись сведения об этом походе были занесены под 1195 г. — См.: ПСРЛ. Т. V. С. 170.

¹³⁵ *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. М., 1856. С. XXXVI.

¹³⁶ Работы, в которых представлена эта точка зрения, указаны в статье А. Н. Кирпичникова. — См.: *Кирпичников А. Н.* К истории древнего Белгорода в X–XI вв. // КСИИМК АН СССР. 1959. Вып. 73. С. 21–32.

Вопрос о статусе древнерусского Белгорода решается учеными неоднозначно. В представлении дореволюционных историков он был и «удельным городом»¹³⁵, и пограничной крепостью¹³⁶, и общиной-пригородом Киева¹³⁷. М. С. Грушевский выделил несколько этапов в развитии города. Сначала, по мнению исследователя, это был небольшой «земский центр» с собственной военной организацией. Ко времени составления «Повести временных лет» он уже являлся киевским пригородом. В XII в. Белгород с округой выделился в самостоятельную волость¹³⁸. В историографии XX в. также не сформировалось единого мнения о социальной природе этого центра. Его считали и княжеским замком (С. В. Юшков, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров)¹³⁹, и крепостью, сторожевой заставой (В. А. Пархоменко, П. И. Лященко, Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт, Б. А. Рыбаков, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, Н. Ф. Котляр)¹⁴⁰, и феодальным городом, выросшим из княжеского замка (В. А. Богусевич, А. Н. Кирпичников, Е. А. Линева, В. М. Рычка)¹⁴¹ или сторожевой крепости (П. П. Толочко и А. В. Куза)¹⁴². Г. Г. Мезенцева же полагает, что застава была возведена кня-

---

¹³⁷ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 226; Иловайский Д. И. История России... Т. I. С. 242; Пресняков А. Е. Княжое право... С. 204.

¹³⁸ Грушевский М. И. 1) Очерк истории Киевской земли... С. 290; 2) Історія України-Руси. Т. I. С. 278–279, 312.

¹³⁹ Юшков С. В. Очерки по истории... С. 46; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 362; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 298.

¹⁴⁰ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности... С. 50; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1956. С. 141–142; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 15; Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. С. 4; Рыбаков Б. А. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 года. М., 1969. С. 330; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси... С. 16; Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 146, 148.

¹⁴¹ Богусевич В. А. Походження і характер... С. 47; Кирпичников А. Н. К истории древнего Белгорода... С. 22–31; Линева Е. А. Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского // Древнерусский город. (Материалы всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 73; Рычка В. М. Формирование территории... С. 43, 84.

¹⁴² Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 27–28; 2) Киев и Киевская земля... С. 137; 3) Древнерусский феодальный город... С. 67; Куза А. В. 1) Социально-историческая типология... С. 33–36; 2) Древнерусские поселения... С. 67.

зем Владимиром Святославичем на месте ранее существовавшего славянского городища¹⁴³. В. В. Мавродин считал, что древнерусский Белгород вырос из племенного центра¹⁴⁴. Вместе с О. М. Раповом и В. М. Рычкой исследователь писал о городе XI–XII вв. как о частновладельческом княжеском поселении¹⁴⁵. В статье Н. В. Холостенко Белгород того времени предстает государственным центром¹⁴⁶. По И. Я. Фроянову и А. Ю. Дворниченко, это была территориальная община, зависевшая от старшего города земли — Киева¹⁴⁷.

Нам представляется, в развитии домонгольского Белгорода следует выделить два этапа. С VIII до конца X в. это был племенной центр, в XI — начале XIII в. — территориальная община, пригород Киева.

Как установлено Г. Г. Мезенцевой, белгородская крепость существовала уже в VIII в. Местные поселенцы построили ее на высоком, крутом мысу р. Ирпень, которая защищала славянский «град» с запада. С напольной стороны поселение опоясывал глубокий овраг. На юге городок имел дополнительные укрепления — ров и вал. Вал сохранился до наших дней, он сильно оплыл, но и сейчас местами достигает двухметровой высоты. В VIII–X вв. площадь Белгорода составляла 8,5 га, с внешней стороны к оборонительным сооружениям примыкал заселенный район, так называемый «посад»¹⁴⁸. Согласно преданию, внесенному в летопись под 997 г., в «граде» проживали князь и старейшины, собиралось вече. По наблюдениям М. С. Грушевского, до подчинения этого центра Киеву белгородская округа имела собственную военную организацию во главе с тысяцким. Об-

---

¹⁴³ Мезенцева Г. Г. Белгород. С. 315.

¹⁴⁴ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. С. 50, 57.

¹⁴⁵ Мавродин В. В. 1) Возникновение феодальных отношений... С. 15; 2) Народные восстания... С. 8–10; 3) Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. С. 57; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 44; Рычка В. М. Формирование территории... С. 43, 84.

¹⁴⁶ Холостенко Н. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. 1965. Т. XIX. С. 71.

¹⁴⁷ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 73–74.

¹⁴⁸ Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л., 1974. С. 39.

наруженные на «детинце» монеты свидетельствуют об осуществлявшихся здесь оживленных обменах с иноземными купцами.

Еще В. В. Хвойко в укрепленной части города были открыты два неопределенного назначения сооружения, одно из которых представляло собой искусственно построенный на глубину 15 м колодец, сверху прикрытый навесом. Второе сооружение располагалось к югу от него и было отделено от первого толстым слоем земли. То был ухидивший в землю на 23 м, изнутри обитый деревом конус. На глубине 21 м археологом «были замечены вокруг всех четырех стен этого сооружения следы стоймя поставленных почти совершенно ист-левших досок с вбитыми в них железными гвоздями, концы которых были загнуты». Ниже уровня 23 м прокопать не удалось, поскольку из-под земли появились удушливые газы. Конус прекратил функционировать в конце X в., когда был забит песком, кирпичами и глиняными плитками, колодцем пользовались вплоть до Батыева нашествия. Если сопоставить обнаруженные В. В. Хвойко постройки с преданием о белгородском медовом киселе, сваренном горожанами, осажденными печенегами, в земляных колодцах и спасшем их от голода, можно допустить, что в старинной легенде отразились исторические реалии. У восточных славян существовал культ земли, которая воспринималась как «неисчерпаемый источник сил и здоровья человека». Поэтому оказавшиеся на городской территории родник и газы могли рассматриваться в качестве даров со стороны «матери-сырой земли». Здесь построили сооружения, в одном из которых брали воду, а в другом, как в печи, на газе, варили пищу. Постройки и заключенные в них природные источники, вероятно, являлись объектами поклонения, ими пользовались в экстремальных ситуациях, исполняя священные обряды. Таким чрезвычайным случаем была осада Белгорода кочевниками, нашедшая отражение в предании о медовом киселе. На сакральный характер конуса указывает также стремление князя-христианина Владимира Святославича уничтожить это языческое святилище. Если наши предположения верны, «град» выступал средоточием языческой племенной округи¹⁴⁹.

---

¹⁴⁹ Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913. С. 89–90; См. также.: Фроянов И. Я. Рабство и данничество... СПб., 1996. С. 64–65.

Приведенные факты позволяют говорить о Белгороде VIII–X вв. как о полифункциональном центре одного из восточнославянских племен, то есть характеризовать его как один из древнейших русских городов. В IX–X вв. в период возвышения Киева, белгородцы попали от него в зависимость.

На рубеже X–XI вв. жизнь Белгорода начала существенным образом изменяться. Разрушались родоплеменные связи. В город перебрались переселенцы из других восточнославянских регионов. Владимир Святославич Киевский, учитывая близость поселения к «столице», соседство с беспокойными древлянами¹⁵⁰ и возросшую опасность со стороны печенежской Степи, «наруби въ не от инехъ городовъ и много людии сведе в нь»¹⁵¹. Достоверность этого сообщения подтверждает археологический материал: на местном могильнике обнаружены датированные концом X – началом XI в. захоронения переселенцев с Днепровского Левобережья или из северных русских земель¹⁵².

Племенной «град» был коренным образом перестроен. Площадь «детинца» расширили до 12 га и окружили новыми валами, которые имели сложную, ранее не применявшуюся конструкцию. Их основу составляли деревянные клетки-срубы на подсыпке из глины. С внутренней стороны вала клетки заполнили утрамбованными слоями глины, а снаружи оборонительные сооружения укрепили необожженным кирпичем-сырцом. Одновременно, используя сложную строительную технику, возвели укрепления «окольного града». Принципиально изменилась и внутренняя планировка Белгорода. В городе, возможно, появились улицы, протянутые от въездных ворот в центр поселения, ныне перекрытый оврагом, и дальше к реке. Главный въезд находился в восточной части укреплений и охранялся мощными сторожевыми башнями. С юго-востока на северо-запад город, вероятно, пересекала центральная улица. Она вела от главных ворот на берег Ирпеня, к речному причалу. К ней могла примыкать другая улица, устремлявшаяся от южного въезда в центр поселения. Еще одни ворота находились в

---

¹⁵⁰ Б. А. Рыбаков считал Белгород VIII–X вв. древлянским поселением (*Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 187*).

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 122; ПСРЛ. Т. II. Стб. 106; ПСРЛ. Т. V. С. 121; ПСРЛ. Т. XXX. С. 38; НПЛ. С. 165.

¹⁵² *Моця А. П. Население Среднего Поднепровья... С. 119.*

северо-восточном углу «детинца». Через них в город въезжали те, кто прибывал из Киева и двигался дальше — в Галич¹⁵³.

Белгород, стоявший у переправы через р. Ирпень, на стыке оживленных сухопутных магистралей, имел важное стратегическое значение. Поэтому Владимир Святославич не ограничился укреплением только этого города. «Старейший» князь рассматривал его в структуре мощной оборонительной линии, замкнувшей ядро Киевской земли. В конце X в. развернулось грандиозное строительство фортификационных сооружений в междуречье Ирпеня, Тетерева, Днепра и Стугны. По наблюдениям М. П. Кучеры, возведенные здесь валы создали «сплошное полукольцо защиты Киева с юга и юго-запада шириной по фронту 100 км. С внутренней стороны ближние подступы к Киеву охраняли с юга укрепленные пункты на месте современных Пироговского и Китаевского городищ <...> а с юго-запада — мощная крепость Белгород на Ирпене». В разрывах между валами стояли обновленные города — «летописные» Вышгород, Белгород, Василев, обследованные археологами укрепленные поселения Пироговское, Заречье и др. Все они подверглись той же реконструкции, что и «град» у Ирпенской переправы: валы Василева и Заречья имели заполненные строительным материалом клетки и снаружи были облицованы сырцовым кирпичем¹⁵⁴. Во всех этих поселениях начинался процесс формирования городских территориальных общин.

В первых летописных статьях о Белгороде он предстает покорным Киеву, не проявлявшим политической активности пригородом. В предании о белгородском киселе осажденные печенегамы местные жители не принимали решения о судьбе города до тех пор, пока не получили известий из Киева. Убедившись, что «от князя помочи нету», вечники постановили сдаться кочевникам¹⁵⁵. В другой раз (1004 г.) ок-

---

¹⁵³ Хвойко В. В. Древние обитатели... С. 76–78; Ратнопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества... С. 78–79; Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки... С. 39–40.

¹⁵⁴ Ратнопорт П. А. Очерки по истории... С. 87; Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне // КСИА АН УССР. 1965. Вып. 100. С. 126; Малеев Ю. Н. 1) Исследования на городище летописного Василева. С. 362; 2) Исследования детинца летописного Василева // АО 1983 года. М., 1985. С. 310; Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. С. 177.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 127; ПСРЛ. Т. II. Стб. 112.

руженный степняками пригород дождался помощи от старшего города. Ему на выручку пришло киевское ополчение под руководством Александра Поповича и Яна Усмовича¹⁵⁶. В 1068 г. киевские «вои» под руководством князя Всеслава, готовясь к сражению с приведенными на Русь Изяславом Ярославичем поляками, вошли в Белгород¹⁵⁷, явно воспринимая его как «свое» поселение. По Лаврентьевской летописи, в 1097 г. здесь был ослеплен Василько Ростиславич Теробовльский. «Мужи Володимери и Давыдови и Олгови» обвинили «старейшего» князя в преступлении на основании того, что Василько «в твоём граде ять и слеплень»¹⁵⁸. Привлекает внимание то обстоятельство, что, фиксируя все эти факты, летописцы молчат об отношении к происходившему самих белгородцев. Видимо, в XI в. переживавшая период внутренней консолидации белгородская община играла еще столь незначительную роль в политической жизни складывавшейся Киевской земли, что современники не считали нужным отмечать ее мнение о происходившем.

В начале XII в. значение Белгорода возросло. Мы не можем согласиться с теми исследователями, которые считали, что тогда город был населен лишь княжескими слугами, управителями и ремесленниками¹⁵⁹, или разделяли всех его обитателей на «народ», живший на «посаде», и «дружинную и земельную знать», обосновавшуюся в «детинце»¹⁶⁰. Выводы этих ученых расходятся с результатами археологических исследований. Так, Г. Г. Мезенцева отмечает равные размеры большинства жилищ белгородцев¹⁶¹. Несколько более крупных построек обнаружено на «детинце»¹⁶², однако ничто не указывает на принадлежность их «феодалам». Одинаковым был образ жизни всех белгородцев: как на «посаде», так и на «детинце» выявлены орудия

¹⁵⁶ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 2. С. 69.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 173; ПСРЛ. Т. II. Стб. 162; НПЛ. С. 190.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 260, 263.

¹⁵⁹ *Мавродин В. В.* Народные восстания... С. 10.

¹⁶⁰ *Мезенцева Г. Г.* 1) Про топографію стародавнього Білгорода // Український Історичний журнал. 1968. № 8. С. 117; 2) Белгород... С. 316–318; *Толочко П. П.* 1) Киевская земля... С. 29; 2) Киев и Киевская земля... С. 137–138.

¹⁶¹ *Мезенцева Г. Г.* Белгород... С. 317.

¹⁶² *Хвойко В. В.* Древние обитатели... С. 76–88; *Мезенцева Г. Г.* Белгород... С. 315–316.

земледелия и ремесла¹⁶³, разнопрофильные мастерские¹⁶⁴. Из рядового населения выделялись профессионалы-гончары, занимавшие компактную территорию на «посаде»¹⁶⁵. Однако они не обособились от местных жителей. Напротив, здесь шел процесс, типичный для античных и раннесредневековых городов-полисов, в которых тоже существовали кварталы ремесленников-специалистов¹⁶⁶. Все приведенные аргументы, как нам представляется, свидетельствуют об общинном характере древнерусского Белгорода.

Впервые белгородцы заявили о себе в 1113 г., когда их представитель, тысяцкий Прокопий, принял участие в составлении Устава Владимира Мономаха¹⁶⁷. Об известной зрелости древнерусской общины свидетельствует появление княжеского стола. Согласно Ипатьевской летописи, в 1117 г. в Белгороде вокняжился приехавший из Новгорода Мстислав Владимирович. Правда, согласно «Истории Российской» В. Н. Татищева, киевским пригородом, в котором обосновался сын Владимира Мономаха, был не Белгород, а Вышгород¹⁶⁸. Если появление белгородского княжеского стола в 1117 г. проблематично, то его существование в 1141 г. сомнений не вызывает. Тогда его занимал Святослав Ольгович¹⁶⁹.

По нашему мнению, процесс сплочения местной общины в принципе завершился к середине XII в.: под 1150 г. в Ипатьевской летописи содержится известие о Белгородской волости, которая занимала второе место в Киевской земле после Вышгородской¹⁷⁰. В это время Белгород был крупным поселением, состоявшим из «детинца» площадью 12,5 га

---

¹⁶³ Мезенцева Г. Г. Розкопки Белгорода в 1969 році // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Кипв, 1972. Вип. 4. С. 292; Мезенцева Г. Г., Гонак В. Д. Залізні вироби з стародавнього Белгорода // Археологія. 1974. Вип. 14. С. 73–81; Толочко П. П. Киевская земля... С. 30.

¹⁶⁴ Мезенцева Г. Г. 1) Про топографію стародавнього Білгорода. С. 117; 2) Раскопки Белгорода Киевского // АО 1974 года. М., 1975. С. 322; 3) Белгород... С. 317–318.

¹⁶⁵ Мезенцева Г. Г. Раскопки Белгорода Киевского. С. 322; Ліньова Є. А., Мезенцева Г. Г. Гончарне виробництво на посаді Белгорода Київського // Вісник Київського університету. 1980. Сер. Історичні науки. Вип. 22. С. 81, 86–90.

¹⁶⁶ История Европы: В 8 т. Т. I. М., 1988. С. 239.

¹⁶⁷ Правда Русская. Т. I. С. 110.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284; Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 132.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 309.

¹⁷⁰ Там же. Стб. 384.

и «посада», раскинувшегося на 40 га. Интенсивно осваивалась территория к северу от городских укреплений¹⁷¹. Единство местной общины олицетворял общегородской храм — собор Святых Апостолов (освящен в 1144 г.)¹⁷²

С середины XII в. Белгород вступил в новую фазу развития: сплоченная община начала борьбу со старшим городом Киевом, стремясь сформировать суверенную волость. Характерной чертой политики этого пригорода и показателем возросшей его силы в 40–60-е гг. XII в. являлась неизменная при нестабильной обстановке в Киеве приверженность Мстиславичам. В 1146 г., как заметил еще В. И. Сергеевич, «пригороды, Белгород и Василев, самостоятельно выступают с собственным своим приглашением (Изяслава Мстиславича на киевский стол. — *И. М.*), а не исполняют только приговор старшего города»¹⁷³. Иного мнения придерживался И. А. Линниченко, который писал: «Посылка послов к Изяславу отдельно от пригородов нисколько не доказывает их самостоятельности от решения главного города земли, напротив: доказывает их единение (одиначество); <...> в этих отдельных посольствах видно только выражение общей симпатии к Изяславу»¹⁷⁴. Нам представляется, ближе к истине В. И. Сергеевич. Мстиславичи также, вступая в борьбу за «старейший» стол, немаловажную роль в своих планах отводили Белгороду. Здесь показательны размышления одного из них, князя Изяслава, в 1150 г.: «... оже ны будеть лзе на Бельгородъ въехати то Гюрги готовъ перед нами бегаеть а мы поедемъ въ свои Киевъ <...> паки ны не лзе будеть поехать на Бельгородъ а в Черный Клобуки въедем». Белгородцы тогда поддержали Изяслава Мстиславича, открыв ворота города его брату и союзнику князю Владимиру¹⁷⁵.

В 1115 г. к Белгороду подошел Юрий Долгорукий. Местные жители ответили отказом на его предложение сдаться, заявив: «А Киев

---

¹⁷¹ Мезенцева Г. Г. 1) О некоторых особенностях планировки... С. 40; 2) Белгород... С. 317–318.

¹⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 314. — О главном городском храме как святыне всей общины см.: Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 23–24.

¹⁷³ Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2. С. 17.

¹⁷⁴ Линниченко И. Вече в Киевской области. С. 39.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 414–415.

ти ся кое отвориль а князь наш Вячславъ Изяславъ и Ростиславъ»¹⁷⁶. Некоторые исследователи приводят эти слова как пример преданности пригорода старшему городу¹⁷⁷, однако не следует забывать, что в это время Киев «держали» Мстиславичи. Именно им, а не старшему городу продемонстрировала на этот раз верность белгородская община. Нашу мысль подтверждают сообщения о событиях рубежа 50–60-х гг. XII в. В 1159 г. киевляне признали своим князем Изяслава Давыдовича. В ответ белгородцы открыли ворота города Мстиславу Изяславичу, а когда подошло киевское ополчение, оказали ему упорное сопротивление¹⁷⁸. Комментируя эти события, В. Н. Татищев заметил, что здесь белгородцы опять выступили на стороне «племени Владимирова»¹⁷⁹. Но на этот раз, подчеркнем мы, они действовали против Киева, разорвавшего договор с любимыми в пригороде Мстиславичами. Так же они повели себя и в 1161 г. В тот год Ростислав Мстиславич Киевский проиграл сражение северским князьям. Он бежал из «стольного» города и «затворися в Белеграде». Изяслав Давыдович занял Киев, откуда направился к непокорному пригороду. Осада Белгорода длилась месяц, однако его жители, в отличие от киевлян, оружия не сложили и город отстояли¹⁸⁰.

В годы правления в Белгороде Мстислава Ростиславича (1162–1178 (?) гг.)¹⁸¹ влияние местной общины еще более возросло. Оппозиционно настроенная по отношению к Киеву, тогда она активно участвовала в политической жизни земли-государства в союзе с

---

¹⁷⁶ Там же. Стб. 433; ПСРЛ. Т. VII. С. 54.

¹⁷⁷ *Линниченко И.* Вече в Киевской области. С. 47. Примеч. 2; *Толочко П. П.* Киевская земля... С. 27; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 234; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 74.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 500–501; ПСРЛ. Т. VII. С. 69; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 227.

¹⁷⁹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 66.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 516–518; ПСРЛ. Т. VI. С. 74; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 233; ПСРЛ. Т. XXX. С. 68. НПЛ. С. 31.

¹⁸¹ Начальный год правления Мстислава Ростиславича в Белгороде указан в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. II. Стб. 519). Последний год его княжения здесь не известен, но на основании того, что в 1178 г. этот князь отказался от новгородского стола, О. М. Рапов предположил: Мстислав Ростиславич «имел надел в Киевской земле, может быть, держал тот же Белгород» (*Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 163).

вышгородцами. В 1173 г. белгородский и вышгородский князья посадили на киевский стол Владимира Дорогобужского¹⁸², а на следующий год — Рюрика Овручского¹⁸³. В том же 1174 г. Мстислав Ростиславич и Давыд Ростиславич Вышгородский готовили заговор против вокняжившегося в Киеве Всеволода Юрьевича, но их планы были раскрыты, и северо-восточные полки подступили к непокорным пригородам. Основной удар выдержали вышгородцы, их победа позволила Ростиславичам посадить в Киеве своего ставленника — Ярослава Изяславича Луцкого. Интересный факт, свидетельствующий о силе белгородской общины и уверенности ее правителя, приводит летописец в статье под 1174 г. В то время, когда грозный владимирский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, покорив Киев, пытался диктовать ему свою волю, его посол прибыл в Белгород: от Мстислава Ростиславича требовали выехать из «Русской земли». В ответ белгородский правитель обрил голову, отрезал бороду посла и отпустил его с наказом обращаться к нему как к князю значительного центра, а не как к «подручнику и просту человеку»¹⁸⁴.

В 1177 г. белгородцы еще раз подтвердили приверженность Мстиславичам. Тогда представитель этого рода киевский князь Роман Ростиславич потерпел поражение от кочевников. Этим воспользовался Святослав Всеволодович. Обвинив Романа Ростиславича в неспособности управлять Киевом, он выступил против него в поход. «Старейший» князь укрылся в Белгороде. В. Н. Татищев полагал, что киевляне отвернулись от неудачливого князя, потому что выдали Святославу место его убежища. Новый киевский правитель «посла братью свою к Белоугородоу», однако пригород не покорился. Наступавшие войска «не оуспевше ничто же возвратишася». Святослав Всеволодович решил не обострять отношений с влиятельным пригородом: он направил сюда на княжение популярного среди Ростиславичей Рюрика, также представлявшего род Мстиславичей. На этом, однако, конф-

---

¹⁸² ПСРЛ. Т. II. Стб. 566.

¹⁸³ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 100.

¹⁸⁴ Согласно Воскресенской летописи и Московскому летописному своду конца XV в., Давыд Вышгородский «сдумавъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, и иде ношию къ Киеву и ять Всеволода Юрьевича, брата князь Андреева, и Ярополка Ростиславича, внука Юрьева, и дружину ихъ». (ПСРЛ. Т. VII. С. 88; ПСРЛ. Т. XXV. С. 83; ПСРЛ. Т. II. Стб. 573).

ликт «старейшего» князя с белгородцами не завершился. В 1180 г. Святослав Всеволодович предпринял попытку покушения на жизнь главы антикиевской группы пригородов Давида Ростиславича Вышгородского, но последнему удалось спастись: его укрыли в своем городе белгородцы¹⁸⁵.

В том же году Рюрик Ростиславич и Святослав Всеволодович заключили договор, согласно которому «състоупис емоу (киевскому правителю. — *И. М.*) старешиньства и Киева а собе возя всю Роускоюю землю»¹⁸⁶. Перед нами факт «соправления» двух князей из старшего и младшего городов Киевской земли, подобный «дуумвирату» последовательно сменявшихся в Киеве Изяслава Мстиславича, Юрия Владимировича Долгорукого, Ростислава Мстиславича, с одной стороны, и Вячеслава Владимировича Вышгородского, с другой стороны (1151–1154 г.). По мнению *И. Я. Фроянова* и *А. Ю. Дворниченко*, «единственно, о чем свидетельствует данный факт, — это о росте значения и влияния киевских пригородов. Корм, собираемый с них за выполнение княжеских функций, составляет уже столь лакомый кусок, что Рюрик готов поступиться ради них и Киевом»¹⁸⁷.

Нам представляется, что договор 1180 г., как и соглашение 1151 г., закреплял союз двух имевших приблизительно равный статус общин. Однако в соответствии с новым «рядом» Белгород признавался более влиятельной общиной, чем Вышгород в середине XII в.: теперь договаривавшиеся стороны подчеркнули главенство киевского пригорода над всеми городами «Русской земли». Это, вероятно, было обусловлено, с одной стороны, ослаблением к тому времени Киева, с другой стороны, — быстрыми темпами развития Белгорода. Во время действия соглашения обе общины совместными усилиями оберегали Русскую землю от кочевников¹⁸⁸, ходили в Степь¹⁸⁹, заключали договоры с половцами¹⁹⁰, их князья вместе охотились¹⁹¹. Вернувшегося из поло-

---

¹⁸⁵ ПРСЛ. Т. II. Стб. 603–604, 616; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 114–115.

¹⁸⁶ ПРСЛ. Т. II. Стб. 624.

¹⁸⁷ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 82.

¹⁸⁸ ПРСЛ. Т. II. Стб. 673.

¹⁸⁹ Там же. Стб. 629, 648, 652, 653.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 668, 675.

¹⁹¹ Там же. Стб. 668.

вещкого плена Игоря Святославича принимали как Святослав, «так же и Рюрикъ свать его»¹⁹². Союз двух городов был скреплен браком Глеба Святославича и дочери Рюрика Ростиславича¹⁹³.

Однако в отдельных случаях белгородский правитель выступал более инициативным и влиятельным, чем киевский. Так, во время похода 1187 г. он убедил «соправителя» поставить в первых рядах войска переяславское ополчение, которое таким образом оказалось перед отрядами, возглавлявшимися сыновьями Святослава¹⁹⁴. В 1187 и 1193 г. Рюрик Ростиславич организовывал походы городских ополчений Киевской земли в Степь¹⁹⁵. Положение белгородского правителя, а соответственно, и возглавлявшейся им общины, еще больше упрочилось в результате брака его сына Ростислава и Верхуславы — дочери могущественного владими́ро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Свадьба была отпразднована в Белгороде с такой пышностью, «ака же несть бывала в Роуси»¹⁹⁶. После нее Рюрик Ростиславич самостоятельно, не согласовывая своих действий со Святославом Всеволодовичем, стал распоряжаться киевскими городами. Он передал в «держание» Верхуславе Брягин, сыну Роману — Торческ, черноκлобуцкому воеводе Кондувдюю — Дверен на Роси¹⁹⁷.

Растущее влияние «соправителя», разумеется, беспокоило киевского князя. В 1189 г. он, «оутавився Рюрика», послал своего сына на галичский стол. Это вызвало гнев белгородского князя, также претендовавшего на Галич. Рюрика особо возмущало то, что Святослав у него «не спрошався состоупился еси ряду». «И бывши распре мнозе»: Святослав Всеволодович уступал белгородскому князю Галичскую волость в обмен на «Русскую землю», однако «соправитель» заключить «ряд» на этих условиях не соглашался. Он претендовал и на Галич, и на «Русскую землю» одновременно¹⁹⁸. Согласно В. Н. Татищеву, выдвигаемые князьями условия мира были иными: Святослав требовал Галич, оставляя «соправителю» «города в Киевской облас-

---

¹⁹² Там же. Стб. 651.

¹⁹³ Там же. Стб. 624–625.

¹⁹⁴ Там же. Т. II. Стб. 652.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 653, 676.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407; ПСРЛ. Т. II. Стб. 658.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 658, 622, 674.

¹⁹⁸ Там же. Стб. 662–663.

ти»; Рюрик же предлагал Вышгород, Треполь, Василев и Белгород в обмен на галицкий стол¹⁹⁹. Разрешить спор главы общин не смогли, и поход в Юго-Западную Русь не состоялся²⁰⁰. В конфликте 1189 г., как нам представляется, отчетливо отразились взаимные отношения исчерпавшего силы, но не утратившего прежних амбиций Киева и его пригорода, год от года приобретающего все большее влияние в политической жизни Южной Руси.

Другой характерный пример, подтверждающий эту мысль, — взаимоотношения старшего и младшего городов в 1190—1192 гг. Осенью 1190 г. Святослав Всеволодович арестовал черноклобуцкого «князя» Кондудвдя, однако по просьбе (возможно, по требованию) Рюрика Ростиславича «водивь его к роте и поусти». Обиженный Кондудвдый привел на Русь половцев. Белгородский князь потребовал, чтобы Святослав направил своего сына охранять рубежи Киевской земли, а когда тот не выполнил этого распоряжения, обратился за поддержкой к братьям Ростиславичам. Ростиславичи напомнили киевскому князю, что он занял «старейший» стол только благодаря их помощи. Святослав «много превся» с правителями пригородов «и молвивь с моужи и отпоустивь ихь и опять возворотивь ихь» и наконец «челова к нимь кресть на всеи ихь воле»²⁰¹. Зимой 1192 г. Рюрик Ростиславич, уже не советуясь с киевским князем, направил к Кондудвдюю послов с предложением вернуться из Степи на Русь, и когда тот, сопровождаемый половцами, приехал, белгородский правитель «одаривь (кочевников. — *И. М.*) дары многими и водивь их к роте и отпоусти ихь во свояси. А Коунтоувдея остави оу себе и да емоу горь на Рси Дверень»²⁰². В 1194 г. со смертью Святослава Всеволодовича «дуумвират» распался. Рюрик Ростиславич сел на киевском столе, а Белгород оставил сыну Ростиславу²⁰³.

В начале XIII в. обострилась давняя борьба за «старейший» стол между Ростиславичами и Ольговичами. Ольговичи пытались не только захватить Киев, но и утвердиться в пригородах. Белгородцы, вер-

---

¹⁹⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 148.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 663; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 148.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 668—670.

²⁰² Там же. Т. II. Стб. 674.

²⁰³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 412; ПСРЛ. Т. II. Стб. 680—682.

ные Ростиславичам, выступили против чернигово-северских князей. В этих условиях жизненно важный для белгородской общины вопрос обретения самостоятельности отошел на второй план. В 1205 г. Глебу Святославичу из рода Ольговичей удалось сесть на белгородском столе²⁰⁴, однако уже на следующий год, несмотря на то, что Киев занял Всеволод Чермный, здесь вокняжился Мстислав Романович, сын Романа Ростиславича²⁰⁵. В том же году Рюрик Ростиславич и Мстислав Романович совместными усилиями «выгна ис Киева Всеволода Чермного и сына его ис Переяславля»²⁰⁶. В 1207 г. Ольговичи вновь утвердились в старшем городе, но Белгород им пришлось завоевывать оружием: «и быс брань люта», — сообщает летописец. Белгородцы не выдержали натиска, город сдался. Мстислав Романович «иде Смолиньску»²⁰⁷.

Итак, в конце X в. начался процесс сложения белгородской территориальной общины, который завершился к середине XII в. С этого времени Белгород, стремясь создать суверенную землю, вступил в борьбу со старшим городом Киевом. Вплоть до Батыева нашествия политический курс пригорода оставался неизменным: его жители стояли за Мстиславичей, затем за их потомков Ростиславичей. В условиях частой смены князей в старшем городе проводимая белгородцами политика способствовала сплочению местной общины, росту ее влияния в политической жизни Киевской земли. В 80-е гг. XII в. Белгород обогнал в развитии все киевские пригороды и добился приблизительно равного статуса со старшим городом, а в конце того же столетия даже стал диктовать ему свои требования. Однако Белгород не успел сформировать независимую землю-государство: этому помешали монголо-татары.

Если сравнить два крупнейших киевских пригорода Белгород и Вышгород и попытаться выявить черты сходства и различия в их развитии, можно заметить, что при неравномерных темпах становления их социально-политической организации и особенностях взаимоот-

---

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. VII. С. 112; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 123.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 427; ПСРЛ. Т. VII. С. 113; ПСРЛ. Т. XXX. С. 81.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 428.

²⁰⁷ Там же. Стб. 429; ПСРЛ. Т. VII. С. 114; ПСРЛ. Т. XXV. С. 106; ПСРЛ. Т. XXX. С. 81.

ношений с Киевом оба города шли по одному пути. На смену племенным центрам пришли территориальные общины, которые затем встали на путь формирования суверенных земель. По наблюдениям Д. М. Котышева, возвышение этих пригородов, «рост их экономического потенциала и политической силы» обусловили качественные структурные изменения в социально-политической организации Киевской земли-государства. В 50–70-е гг. XII в. в борьбе за «старейший» киевский стол сформировались две коалиции: Мстиславичи (позднее — Изяславичи и Ростиславичи) — ставленники белгородской общины и Ольговичи вместе со старшими Мономашичами, опиравшиеся на поддержку вышгородцев. Возникновение и упрочение этих княжеско-общинных союзов — показатель ослабления и разрушения тесных родственных уз, ранее связывавших всех Рюриковичей. Теперь управление Киевской землей основывалось на «действительно политических отношениях, свободных от архетипов родового сознания». Усиление малых киевских поселений, их возросшее влияние в политической жизни региона также означали упадок власти старейшего города: к концу XII в. его реальная власть простиралась только на ближайшую округу. Людские ресурсы обширного государственного образования оказались поделены между бывшими пригородами: начался процесс разукрупнения земли-государства, сопряженный с отмиранием этой формы социальной организации²⁰⁸. Однако изнутри подтачивавшие единство Киевской земли, белгородская и вышгородская общины не успели отделиться от нее и сформировать суверенные социально-политические образования. Важным рубежом в их развитии стало монголо-татарское нашествие.

Наряду с крупными центрами — Вышгородом и Белгородом — Киеву подчинялись несколько пригородов-областей, состоявших из одной или нескольких главных общин и «тянувших» к ним мелких городов. Территориально области-пригороды располагались вдоль рек — основных коммуникаций того времени. Одна из них, Поднепровская, сформировалась на правом берегу Днепра, к югу от Киева до р. Роси, другая, Поросская, соответственно охватывала бассейн

---

²⁰⁸ См.: Котышев Д. М. Князья и община в Киевской земле в XI–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 17.

этой реки. К западу от них простиралась Погорынская область, включавшая в себя Верхнебужскую, она подступала к границам Владимирской земли. Множество городских укреплений выявлено вдоль рек Ужа, Тетерева, Ирпеня, Стугны, однако состояние письменных источников не позволяет локализовать на этой территории компактные группы общин. По наблюдениям П. П. Толочко, на левом берегу Днепра Киеву принадлежала узкая полоса земли с полифункциональным городским центром Саковом²⁰⁹. К сожалению, воссоздать целостную картину происхождения и развития местных поселений не представляется возможным.

На территории Поднепровского района находились Китаевский комплекс построек (возможно, «летописный» Пересечен²¹⁰), Треполь, Халеп, Витичев (Святополч-град), Ржищев, Иван, Чучин, Ходоров, Заруб, несколько более мелких и мало обследованных укрепленных центров. Наиболее крупным из них был Треполь.

По подсчетам П. П. Толочко, этот город упоминается в письменных источниках более 30 раз²¹¹. Мнения исследователей о его статусе неоднозначны. Согласно П. П. Толочко, Треполь был «государственным» городом, М. Н. Тихомирову и В. М. Рычке, — крепостью-замком. Все названные исследователи считают это поселение центром «феодалного властвования»²¹². Треполь впервые упоминается на страницах летописей уже как крупный стратегический пункт, игравший важную роль в военных планах киевских князей и их противников. В 1093 г. здесь укрылся разбитый кочевниками «старейший»

---

²⁰⁹ Толочко П. П. Киевская земля... С. 7.

²¹⁰ Куза А. В. Малые города... Карта № 966.

²¹¹ Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 34; 2) Киев и Киевская земля... С. 141. — Д. С. Лихачев и вслед за ним Н. Ф. Котляр, опираясь на Тверскую летопись XVI в., составленную с использованием «древнего списка Новгородской летописи, близкого к Синодальному», считают Треполь поросским городом, поставленным Ярославом Мудрым в 1032 г. (Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 481; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность... С. 137). Нам представляется ближе к истине мнение А. В. Кузы, локализовавшего этот город на правом берегу Днепра, к востоку от Василева (Колчин Б. А., Куза А. В. Археологические источники и методика исследования // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 34, 36).

²¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 301; Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 34; 2) Киев и Киевская земля... С. 142; Рычка В. М. Формирование территории... С. 59.

князь Святополк Изяславич. Тогда он в течение суток пользовался гостеприимством местных жителей²¹³. В 1136 г., взяв этот город, Ольговичи получили возможность беспрепятственно воевать в Киевской земле «от Трьполя около Красна и Васильева и до Белгорода оли же и до Деревъ и чресь Лыбедь стреляхуся». В итоге этой военной операции «старейший» князь принял их условия²¹⁴. В 1151 г. здесь провели тревожную ночь отступавшие к Киеву Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславичи²¹⁵.

В 60-е гг. XII в. влияние Треполя возросло. В 1162 г. он, наряду с такими крупными центрами Киевской земли как Белгород и Торческ, стал объектом притязаний Мстислава Изяславича, поссорившегося по этому поводу с Ростиславом Мстиславичем Киевским²¹⁶. К этому времени трепольская община достигла уже высокой степени консолидации и, разумеется, требовала учреждения местного княжеского стола. Попытка Мстислава Изяславича вокняжиться здесь, возможно, была ответной реакцией на эти требования. В том же году киевский правитель уступил поднепровской общине: в Треполе был учрежден княжеский стол, который занял Владимир Мстиславич. Примечательно, что Владимир Мстиславич получил в «держание» не отдельный город, а целый округ с центром в Треполе. Летописец свидетельствует: «Ростиславъ же дасть ему Трьполь ины четыре города придасть ему къ Трьполю»²¹⁷. К сожалению, не представляется возможным выяснить, являлись ли этими «городами» небольшие укрепленные поселения-спутники, «тянувшие» к цитадели в пределах ближайшей округи, или же это были более крупные «летописные» пункты, подчинявшиеся трепольской общине как старшей в Поднепровской области-пригороде.

В последующие годы влияние Треполя в политической жизни Киевской земли прогрессировало. В 1169 г. местный князь, вынашивавший идею присоединить «къ своей волости Торцьскый съ всимъ Поросьемъ», стал участником антикиевской коалиции князей, а после

---

²¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 220; ПСРЛ. Т. II. Стб. 299.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304; ПСРЛ. Т. II. Стб. 299; ПСРЛ. Т. VII. С. 30.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 427.

²¹⁶ Там же. Стб. 519, 521.

²¹⁷ Там же. Стб. 521. — См. также: *Толочко П. П.* 1) Киевская земля... С. 34; 2) Киев и Киевская земля... С. 141.

провала планов заговорщиков с семьей бежал в Вышгород²¹⁸. Возле Вышгорода Владимир Мстиславич и сопровождавшие его трепольцы вступили в сражение с «князями» и поддерживавшими их «берендичами». Согласно Воскресенской летописи, «Берендичи же убиша Володимерь мужь, убиша же и ти лучшихъ отъ Берендичь»²¹⁹. Участие в битве трепольских «мужей» свидетельствует о заинтересованности всей местной общины в выгодном для нее разрешении вопроса о «волостях». Условия мирного договора, вскоре заключенного Мстиславом Изяславичем Киевским с правителями пригородов, вероятно, не удовлетворили трепольцев. Владимир Мстиславич обдумывал способы расправы с киевским князем.

О его планах узнал вышгородский «муж» Василь Настасьич и сообщил об этом своему правителю. Последний уведомил об опасности Мстислава Изяславича. «Старейший» и трепольский князь встретились в Киево-Печерском монастыре. Началось судебное разбирательство. Показательно, что во время тяжбы на защиту своего князя встали представители трепольской общины. «Дьячок» Имормыж явился к киевскому князю с сообщением о том, что Владимира Мстиславича оклеветали, а «мужи» Рагуил и Михаль защищали незадачливого заговорщика на суде. Дело закончилось относительно мягким приговором: Мстислав Изяславич привел обвиняемого к присяге в том, что «ныне яко на мя еси не думаль и не ищещи ми лиха», а затем выслал его в пограничную крепость Котельницу.

Однако Владимир Мстиславич не успокоился. Он вступил в переговоры с берендеями Чагровичами и рассчитывал на помощь трепольцев. Опальный князь «посла к Рагуилови Добрыничю и къ Михалеви и къ Завидови являя имъ душу свою». Однако «рекоша ему дружина его а собе еси княже замыслил, а не едемъ по тебе мы того не ведали». Самонадеянный Владимир, сопровождаемый только

---

²¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 533–534; ПСРЛ. Т. VII. С. 80. — Мы не можем согласиться с О. М. Раповым, полагающим, что Владимир Мстиславич Трепольский в 1169 г. воевал с вышгородцами (*Рапов О. М. Княжеские владения...* С. 148). Летописец четко описал события весны 1169 г. Он указал, что Владимира Мстиславича, бежавшего в Вышгород «съ женою и съ детми», преследовал союзник киевского князя Мстислава Изяславича и его брат «Ярополкъ же с Берендичи». (ПСРЛ. Т. II. Стб. 533–534; ПСРЛ. Т. VII. С. 80).

²¹⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 81. — См. также: *Татищев В. Н. История Российская*. Т. 3. С. 84.

младшими дружинниками, поехал к Чагровичам. Однако берендеи, «оузриша и одинаго ездяща», резко изменили отношение к союзнику. Во время переговоров бывший трепольский князь заверил кочевников в том, что в военной операции против «старейшего» правителя будет участвовать ополчение всей Поднепровской области, более того — что его поддержат другие киевские пригороды. Эти обещания не подтвердились. С раздражением берендеи «реша ему (Владимиру Мстиславичу. — *И. М.*) ты нам тако молвяше братья вси со мною суть, а кое есть Андреевичь Володимирь и Ярославъ и Давыдъ но се ездиси одинъ и без мужии своихъ, а насъ перельстивъ» и «начаша въ нъ пушати стрелы и оударisha князя двема стрелама». Владимир Мстиславич бежал: спасаясь, он перебрался в Погорынье, а оттуда — во Владимиро-Суздальскую землю²²⁰. Одиноким скиталец, тщетно упрасивавший князей о пристанище, Владимир Мстиславич, разумеется, в должной мере осознал значение городской общины в политической жизни Южной Руси и понял, какую роковую ошибку совершил, не посчитавшись с ее мнением.

Трепольский стол продолжал оставаться притягательным для представителей разных княжеских родов до середины XIII в. Но в последней четверти XII — начале XIII в. местные общинники демонстрировали приверженность Мстиславичам—Ростиславичам, противостоявшим Юрьевичам и Ольговичам. Следует заметить, что в отличие от белгородцев, трепольцам не всегда удавалось обеспечить преемственность передачи местного княжеского стола Мстиславичам, и он переходил к претендентам из разных ветвей «Владимирова племени». В 1174 г. в Треполе правил какой-то Мстислав, которого прогнали Ростиславичи²²¹. В. Н. Татищев считал, что это был Мстислав Мстиславич, П. П. Толочко — Мстислав Владимирович, внук Мстислава Великого Киевского, О. М. Рапов — Мстислав Ростиславич, внук Юрия Долгорукого²²². В 1177 г. Святослав Всеволодович, задумавший сесть на «старейшем» столе, который в то время занимал Роман Ростиславич, уговорил Мстислава Владимировича отступить от популярных

---

²²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 535–537; ПСРЛ. Т. VII. С. 81.

²²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 572.

²²² *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 101; *Толочко П. П.* Киевская земля... С. 34–35; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 165.

в Киевской земле Ростиславичей и помочь ему захватить важный стратегический пункт на пути к «столице» — Треполь. Князь Мстислав согласился. Он подъехал «к воротомъ к воднымъ» и попросил стражу впустить его в город. Как союзнику Ростиславичей ему гостеприимно открыли ворота. Но Мстислав Владимирович, «тръполець предавъ», провел в город противника. Местный князь Ярополк, являвшийся, по мнению О. М. Рапова, сыном Романа Ростиславича, «поиде ко отцю»²²³. Через несколько дней Святослав Всеволодович занял Киев. Оговорка летописца об обмане доверчивых трепольцев еще раз подтверждает тезис о приверженности этой городской общины Мстиславичам—Ростиславичам.

Утвердившись в Киеве, Святослав Всеволодович, признал временную независимость Вышгорода, направил на княжение в Белгород Рюрика Ростиславича и тем самым на непродолжительное время усмирил общины-пригороды²²⁴. В 1179 г. он вместе с Ростиславичами оборонял Русскую землю от половцев. Сбор князей был назначен около Треполя²²⁵. Тогда в поднепровском городе правил Мстислав Владимирович, по-прежнему поддерживавший Ростиславичей. Поэтому когда в 1180 г. Рюрик Ростиславич Белгородский начал борьбу за Киев, на помощь ему пришел «Мьстиславль полкъ изо Трьполя»²²⁶. В отличие от П. П. Толочко мы подразумеваем под «Мстиславовым полком» не пограничный гарнизон²²⁷, а ополчение всех взрослых свободных мужчин города и сельской округи. По нашему мнению, летописное сообщение под 1180 г. свидетельствует, с одной стороны, о неизменности политического курса трепольской общины, с другой стороны — о ее возросшем значении в политической жизни Киевской земли.

Последнее подтверждает реакция Рюрика Ростиславича на следовавшие события. Возмущенный бегством союзников-трепольцев с поля боя, а также обиженный на их князя, три года назад изгнавшего из «стольного града» Поднепровской области его племянника, Рюрик Ростиславич все же не решился сводить счеты с Мстиславом Влади-

---

²²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 604; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 178.

²²⁴ См. С. 107, 120, 121 настоящей монографии.

²²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 613.

²²⁶ Там же. Стб. 622–623.

²²⁷ Толочко П. П. Киевская земля... С. 45.

мировичем и ограничился только жалобами в его адрес. Заключив со Святославом Всеволодовичем соглашение о «соправительстве», белгородский князь «пожаловас на Володимерича на Мьстислава река емоу ть первое Трьполь переда Олговичемь ать ныне аче и хотя же еси побегль Олговичемь и Половцемь добро творя, но Богъ и крестъ помогль моимь бояромь а ты е хоте кончати и велми на него жалова»²²⁸.

К концу XII в. трепольская община, вероятно, настолько усилилась, что в 1193 г. ее правитель даже не стал информировать киевского князя о своем решении вместе с Ростиславом Рюриковичем Торческим идти в поход на половцев. Эта непродуманная и неподготовленная военная операция оказалась очень успешной. «На Ивле на реце на Половецкой» русским лазутчикам удалось взять «языков», которые сообщили, что часть степняков удалась от веж и кочует «по сеи стороне Днепра по Роуской». Полки Ростислава и Мстислава ударили на рассвете. Были схвачены половецкие «княжичи» «и добрый моужи», а «колодники и кони и скота и челяди и всякого полона» русские воины привели «бес числа»²²⁹.

Престиж Треполя упал в 1195 г., когда местную общину возглавил не князь, а «посадник» властителя Северо-Восточной Руси Всеволода Юрьевича Большое Гнездо²³⁰. Однако в 1207 г. здесь вновь правил князь – Ярослав Владимирович²³¹. Последние сведения о домонгольском Треполе относятся к 1207 г., когда, верные «племени Владимирову», местные жители вступили в «брань крепку» с устремившимися к Киеву Ольговичами. Трепольцы выдержали штурм города и сдались только «изнемогшие» после трехнедельной осады. Однако и в покорившемся Ольговичам городе было неспокойно: Всеволоду Чермному пришлось «омирать» его население²³².

Итак, трепольская городская община сложилась к концу 50-х гг. XII в. Тогда она уже стягивала вокруг себя небольшой округ. Во второй половине того же столетия роль Треполя в политической жизни Киевской земли возросла. В конце 60-х гг. местный князь Владимир Мстис-

---

²²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 624.

²²⁹ Там же. Стб. 677–678.

²³⁰ Там же. Стб. 685; ПСРЛ. Т. VII. С. 103.

²³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 429.

²³² Там же; ПСРЛ. Т. XXX. С. 81.

лавич предпринял попытку соединить Поднепровскую область-пригород с Поросьем, закончившуюся неудачно. В 70-е гг. была сделана ставка на Мстиславичей–Ростиславичей, пользовавшихся популярностью в киевских пригородах, оппозиционно настроенных по отношению к старшему городу. Приближался день вступления Треполя в открытую борьбу с Киевом с целью разорвать узы зависимости от него. В этом направлении уже был сделан первый шаг: на рубеже XII–XIII вв. местный князь перестал согласовывать свои действия со «старейшим» Рюриковичем. Однако этим его самостоятельность и ограничилась.

Треполь развивался аналогично Вышгороду и Белгороду, но более медленными темпами, что, возможно, было обусловлено и нестабильностью в «наследовании» местного княжеского стола, и местоположением города: размещавшийся непосредственно на границе Киевской земли, у днепровской переправы²³³, он чаще других пригородов страдал от набегов кочевников и вторжений чернигово-северских войск. Нуждаясь в постоянной военной поддержке старшего города, Треполь до Батыева нашествия оставался пограничным пригородом, сохранявшим приверженность роду Мстиславичей.

Остальные укрепленные поселения Поднепровского района в научной литературе охарактеризованы как замки или сторожевые крепости²³⁴, лишь Заруб и Чучин А. В. Куза и П. П. Толочко считали го-

---

²³³ Толочко П. П. Киевская земля... С. 34.

²³⁴ Гончаров В. К. Древньюрське городище Иван-гора // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 129; Довженко В. И. 1) Летописный Чучин. С. 12; 2) Чучин — древнерусский город-крепость на Днепре // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965). М., 1965. С. 45; 3) Раскопки Чучина // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Информационные сообщения. Киев, 1967. С. 23; Кучера М. П. Ходорівське древньюрське городище // Археологія. 1966. Т. XX. С. 210; Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 31, 35, 37; 2) Киев и Киевская земля... С. 143, 150; 3) Древнерусский феодальный город... С. 87; Куза А. В. Социально-историческая типология... С. 33; Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек. С. 112; Рычка В. М. Формирование территории... С. 58–59. — При этом высказывались догадки о развитии двух поселений Поднепровской области-пригорода из племенных центров: Китаевского городка из племенного средоточия уличей Пересечена (Толочко П. П. Киевская земля... С. 31) и Заруба из полянского Монастырька (Е. В. Максимов, В. А. Петрашенко). Высказывание Е. В. Максимова и В. А. Петрашенко, впрочем, отличается последовательностью, поскольку исследователи то усматривают «генетическую связь» между расположенными на городище у села Монастырек древнерусскими и восточ-

родами²³⁵. Между тем, имеются данные, позволяющие говорить об общинном характере этих центров. О том, что Китаево и Чучин пережили фазу становления территориальной общины (характеризующуюся ассимиляцией выходцев из разных племенных союзов), свидетельствуют обнаруженные на местных могильниках захоронения варягов, а также переселенцев с Левобережного Поднепровья и Северо-Восточной Руси, которые датируются X–XI вв.²³⁶ Витичев (Святополч-град) возник в результате слияния населения, мигрировавшего на правый берег Днепра из нескольких порубежных общин, в том числе юрьевской и саковской, а также беженцев «от инехъ градъ»²³⁷. Этот процесс начался в 1096 г., когда половцы подошли к Юрьеву и «стояша около его лето все мало не взяша его». Киевский князь Святополк заключил с ними мир, после чего кочевники «приидоша за Русь. Гюргевци же выбегоша и приидоша къ Киеву. Святополкъ же повеле рубити городъ на Вытечевьскомъ холме имя свое нарекъ Святополчъ градъ и повеле епископу Мюриму со Гурговце сестъ ту и Засаковцем и прочимъ от нихъ»²³⁸.

Малые города Поднепровской области, окруженные открытыми поселениями²³⁹ развивались в неразрывном единстве с ними и являлись военными, административными, религиозными средоточиями территориальных общин. Существенных различий в социальном положении, образе жизни, занятиях городских и сельских жителей каж-

---

нославянскими жилищами, то замечают, что население разгромленного кочевниками в X в. полянского племенного центра на прежнее место жительства не вернулось, и Заруб был основан на пустыре (Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Раскопки поселения Монастырек // АО 1980 года. М., 1981. С. 276–277; Петрашенко В. А. Городище Монастырек VIII–X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 79–80).

²³⁵ П. П. Толочко считает городом Заруб, А. В. Куза — оба названных поселения (Толочко П. П. Киевская земля... С. 37–38; Куза А. В. Древнерусские поселения... С. 59. Табл. 6).

²³⁶ Моця А. П. Население Среднего Поднепровья. С. 119–120.

²³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229.

²³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 219.

²³⁹ Толочко П. П. Киев и Киевская земля... С. 142; Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники... С. 111. — О древнерусском Мирославском селе, существовавшем около Витичева см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 331; ПСРЛ. Т. II. Стб. 425; ПСРЛ. Т. VII. С. 52.

дой такой округи не прослеживается. Жилища тех и других в пределах одной городской общины имели приблизительно одинаковые размеры и конструкцию²⁴⁰. Выявленные в Чучине двухкамерные жилые сооружения с хозяйственными пристройками²⁴¹ и усадьба в городе Иване²⁴², выделяющаяся размерами среди других построек бытового характера, возведенных жителями Поднепровской области, — показатель имущественного, возможно, социального расслоения местных общинников. Примечательно, что из девяти открытых в Чучине двухкамерных жилищ четыре располагались на «детинце», остальные — на территории «окольного города»²⁴³. Значит, престиж проживавших здесь состоятельных людей не умаляло то обстоятельство, что их усадьбы находились не в аристократической, «феодалной» части города, а в «ремесленно-торговых» кварталах. Богатые общинники не считали для себя зазорным селиться на «посаде», потому что не противопоставляли его «детинцу», а воспринимали всю территорию городского поселения как единое целостное пространство.

Все взрослое население поднепровских городков работало в поле²⁴⁴, занималось ремеслом и промыслами²⁴⁵. Чучинские и ходоровские ремесленники-профессионалы трудились на «детинцах» этих поселений, разумеется, обслуживая всю округу²⁴⁶. Находки оружия как на укрепленных, так и на окружавших их открытых поселениях по-

---

²⁴⁰ Довженок В. И. Раскопки Чучина. С. 23; Кучера М. П. Ходорівське древноруське городище... С. 206; Максимов Е. В., Петрашенко В. А. 1) Городище Монастырьок VIII–XIII ст. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33. С. 20; 2) Славянские памятники... С. 105; Блажевич Н. В. Житла давньоруського Чучина // Археологія. 1984. Вип. 44. С. 91–105; Петрашенко В. А. Городище Монастырек... С. 18–19.

²⁴¹ Блажевич Н. В. Житла давньоруського Чучина... С. 91–105.

²⁴² Толочко П. П., Блажевич Н. В. Раскопки Иван-города // АО 1982 года. М., 1984. С. 336.

²⁴³ Блажевич Н. В. Житла давньоруського Чучина... С. 91–105.

²⁴⁴ Об этом свидетельствуют находки орудий земледелия не только в домах сельских жителей, но и в жилищах горожан (Гончаров В. К. Древноруське городище Иван-гора... С. 129; Довженок В. И. 1) Летописний Чучин. С. 124; 2) Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС) // СА. 1967. № 4. С. 265, 266, 269; Толочко П. П. Киев и Киевская земля... С. 143; Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Раскопки поселения Монастырек. С. 277).

²⁴⁵ Гончаров В. К. Древноруське городище Иван-гора... С. 129; Довженок В. И. Древнерусские городища... С. 266.

²⁴⁶ Кучера М. П. Ходорівське древноруське городище... С. 209; Блажевич Н. В. Житла давньоруського Чучина... С. 103.

зволюют утверждать, что в местных ополчениях служили как горожане, так и жители окрестных сел²⁴⁷.

Малые города Поднепровского района возникали как территориальные общины, однако в домонгольский период ни одна из них не попыталась обособиться от Киева, даже не востребовала собственного князя. Напротив, расположенные в стратегически наиболее опасных пунктах (у днепровских бродов), первыми принимавшие на себя удары кочевников и чернигово-северских ратей, они в большей степени, чем другие киевские поселения, нуждались в защите и покровительстве старшей общины. Даже в середине XII в. оборону зарубского брода несли «сторожи Изяславлі» (передовые отряды киевского правителя. — *И. М.*), а витичевскую переправу защищал сам «старейший» князь²⁴⁸. Потребность в военной помощи Киева — это основная причина незавершенности процесса консолидации малых городов Поднепровского района до середины XIII в.

На юге Киевской земли находилась Поросская область-пригород. Левобережье реки Роси было заселено еще восточными славянами, но затем, когда усилился натиск печенегов, эта территория опустела. Жизнь здесь возобновилась во второй четверти XI в., когда на освобожденной от кочевников территории была возведена новая мощная линия оборонительных сооружений. Летописец датирует начало этого широкомасштабного строительства 1032 г., когда киевский князь Ярослав Мудрый «поча ставити города по Рси»²⁴⁹. В последующие годы были возведены и укреплены уже существовавшие «летописные» города Канев, Родень, Товаров, Корсунь, Богуславль, Торческ, Юрьев, Володарев, Дверен, располагавшиеся обособленно (в верховьях Роси и Россавы) Растовец и Неятин, а также не отмеченные в письменных источниках городища у сел Сахновка, Бабичи, Набутов (Очаковское поселение), Николаевка, у хутора Половецкого, у посел-

---

²⁴⁷ Гончаров В. К. Древньоруське городище Иван-гора... С. 129; Довженок В. И. 1) Летописний Чучин. С. 124; 2) Древнерусские городища... С. 269; Кучера М. П. Ходорівське древньоруське городище... С. 207–208.

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 331–332; ПСРЛ. Т. II. Стб. 425–426, 485; ПСРЛ. Т. VII. С. 64; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 217. — В 1151 г. «сторожевую» заставу возле Заруба возглавлял боярин Шварно.

²⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 137.

ка Бушево. Все они были соединены Поросским полукольцом земляных валов, которые на 90 км протянулись с запада на восток вдоль отодвинутой глубоко в Степь новой границы Киевской земли²⁵⁰. К концу XI в. в Поросье, наряду с русскими и потомками переселенных сюда в 30-е гг. пленных поляков²⁵¹, проживали служившие «старейшим» князьям кочевые и оседлые хазары, печенеги, торки и берендеи. Современники называли все это полиэтничное население «черными клобуками». Оседая на землю, черные клобуки основывали свои городки — Чорнаев, Кульдеюров, Кунилью и др. В 1177 г. «половци же взяша 6 городовъ Берендичъ (берендеев в Поросье. — *И. М.*) и поидоша к Растовцю»²⁵².

Дореволюционные историки считали поросские укрепленные поселения убежищами кочевников (*И. Н. Болтин*, *М. П. Погодин*)²⁵³, русскими сторожевыми крепостями (*С. М. Соловьев*, *В. О. Ключевский*, *П. В. Голубовский*)²⁵⁴, общинными центрами восточных славян (*В. В. Хвойко*)²⁵⁵, «настоящими городами» (*М. С. Грушевский*)²⁵⁶. В историографии XX в. они характеризуются как феодальные замки (*С. В. Юшков*, *В. И. Довженок*)²⁵⁷ или частновладельческие города (*Н. Н. Бондар*, *В. В. Мавродин*, *О. М. Рапов*, *В. М. Рычка*)²⁵⁸. По мне-

---

²⁵⁰ *Толочко П. П.* Киевская земля... С. 12–13; *Кучера М. П.* Змиевы валы... С. 178; *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли... С. 45. — О местоположении Растовца и Неятина см. также: *Нерознак В. П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 126, 149; *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 42.

²⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 137.

²⁵² Там же. Стб. 603. — Подробнее о черных клобуках см.: *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков // САИ. М., 1972. Вып. Е1-19; *Михайлова И. Б.* Древняя Русь и Степь. С. 79–93.

²⁵³ *Болтин И.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным. Т. I. СПб., 1788. С. 47; *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. V. М., 1857. С. 201.

²⁵⁴ *Соловьев С. М.* История России... Кн. I. С. 71; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. I. М., 1937. С. 287; *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. С. 136.

²⁵⁵ *Хвойко В. В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение... С. 102–103.

²⁵⁶ *Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Львів, 1905. С. 286.

²⁵⁷ *Юшков С. В.* Очерки по истории... С. 46; *Довженок В. И.* 1) Феодальный маеток... С. 22; 2) Городища и селища по Роси и Россаве . С. 53.

²⁵⁸ *Бондар М. М.* Памятки стародавнього минулого. С. 59; *Мавродин В. В.* Народные восстания... С. 10; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 162; *Рычка В. М.* Формирование территории... С. 59.

нию П. П. Толочко, «в большинстве своем это были сторожевые крепости», однако в Поросье находились и феодальные замки (например, городище у села Сахновка). Корсунь, Торческ и Юрьев исследователь считал «значительными городскими центрами»²⁵⁹.

Внимание ученых также привлекал вопрос об этническом составе населения поросских городков. По мнению некоторых историков, в них проживали только тюркоязычные служилые степняки — черные клобуки²⁶⁰. Однако еще В. О. Ключевский и М. С. Грушевский писали о полиэтничном населении Поросья²⁶¹. Их предположения подтверждают археологи, в XX в. исследовавшие памятники этого региона²⁶².

Поросские укрепленные поселения, как и малые города Поднепровского района, были окружены «тянувшими» к ним селами²⁶³. Все обитатели местных территориальных общин вели одинаковый образ жизни. Об этом свидетельствуют однотипные орудия труда, применявшиеся и горожанами, и поселянами. Владельцы каждой полужемлянки, жилой и хозяйственной клети возделывали пашню, разводили скот, охотились, ловили рыбу, занимались домашними ремеслами²⁶⁴. Общинные ополчения состояли из горожан и сельских жителей, что

---

²⁵⁹ Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 45–46; 2) Древнерусский феодальный город... С. 67–68.

²⁶⁰ Болтин И. Примечания на Историю... Т. I. С. 47; Погодин М. Исследования, замечания и лекции... Т. V. С. 201; Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 186; 2) Киевская Русь... С. 490.

²⁶¹ Ключевский В. О. Курс русской истории... Ч. I. С. 287; Грушевский М. Очерк истории Киевской земли... С. 30, 32.

²⁶² Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. С. 28; Моця Я. П. Населення Поросья давньоруського часу за даними некрополів // Археологія. 1979. Вип. 30. С. 29–31, 34, 35; Кучера М. П., Іванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі. С. 68.

²⁶³ Довженко В. И. 1) Городища и селища... С. 53–54; 2) Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8. С. 147; 3) Древньоруські городища-замки... С. 98; Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Пороссі // Археологія. 1979. Вип. 31. С. 87–94.

²⁶⁴ Беляевский Н. 1) Раскопки на Княжей горе в 1891 г. Киев, 1892; 2) Раскопки на Княжей горе в 1892 г. Киев, 1893; Довженко В. И. 1) Феодальный маеток... С. 19–20; 2) Раскопки древнерусских памятников. С. 149; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. С. 63–121, 148, 150; Бондар М. М. Минуте Канева та його околиць. Київ, 1971. С. 76, 84; Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972. С. 141, 142, 171, 173; Довженко В. И., Приходнюк О. М., Блажевич Н. В. Исследование славянских памятников в Поросье // АО 1973 года. М., 1974. С. 271.

подтверждается находками оружия в жилищах последних²⁶⁵. При приближении противника люди спешно прятали в землю деньги и драгоценности. Клады, найденные археологами в Поросье, содержат однотипные украшения²⁶⁶, которые, по мнению Н. Беляшевского, принадлежали не отдельным лицам, а целым семьям²⁶⁷. Эти ювелирные наборы свидетельствуют об отсутствии в поросских городских общинах четко выраженной имущественной и социальной дифференциации.

Археологический материал позволяет проследить процесс становления поросской территориальной полиэтничной общины. Так, исследуя комплекс памятников древнерусского времени у села Николаевка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области (состоящий из городища и двух селищ с соответствующими им могильниками) археологи обнаружили на всех поселениях округа керамику двух видов: типичную для Среднего Поднепровья и «польскую», возможно, привнесенную сюда пленными «ляхами». При этом большее количество «среднеднепровской» посуды было собрано на «левобережном» селище, рядом с которым находится курганный могильник, оставленный коренными жителями округа. На грунтовом «правобережном» некрополе выявлены украшения, характерные для юго-западных районов Руси: здесь переселенцы хоронили умерших²⁶⁸.

По нашему мнению, «николаевцы» переживали стадию консолидации двух разобщенных групп населения в территориальную общину. Тесные контакты между прибрежными селами, подтверждающиеся наличием на каждом из них перемешанных остатков «местной» и «польской» керамики, близость южной границы, постоянная угроза со стороны кочевой Степи обусловили потребность в строительстве оборонительного и организационно-регулирующего центра округа. Таким центром стало Николаевское городище. Однако его появление

---

²⁶⁵ Довженок В. Й. Феодальный маєток... С. 19; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень... С. 123–128.

²⁶⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 91, 127–133.

²⁶⁷ Беляшевский Н. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. С. 43.

²⁶⁸ Моця А. П. 1) Населення Поросья... С. 33; 2) Населення Середнього Поднепрорв'я. С. 122; Кучера М. П., Іванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія... С. 70–71; Звіздецький Б. А., Серов О. В. Пам'ятки давньоруського часу поблизу с. Миколаївка на Росі // Археологія. 1988. Вип. 61. С. 67–76.

еще не означало сплочения общины в единое целое: местное население продолжало жить в разных поселках и хоронить умерших на «своих» кладбищах.

Крупнейшими поросскими общинами являлись торчеськая, юрьевская и каневская. Торчеськ (городище у села Шарки Ракитнянского района Киевской области) представлял собой большое поселение (90 га), состоявшее из нескольких укрепленных секторов, один из которых, внешний, по предположению М. П. Кучеры, Л. И. Иванченко и А. В. Кузы, служил загоном для скота²⁶⁹. На территории древнерусского Торчеська обнаружены жилые и хозяйственные постройки с орудиями земледельческой и ремесленной деятельности в них, кузни и ювелирные мастерские, коллекция майоликовых плиток, в домонгольское время украшавших местную церковь или дома богатых горожан²⁷⁰. Город опоясывала густая сеть неукрепленных поселений. Так, в 1150 г. около Торчеська кочевники «много селений пожгли и попленили»; в 1177 г. «много люди поимаша», в 1207 г. «пленующе и секуще и села жгуще»²⁷¹.

Первое упоминание о Торчеське относится к 1093 г. Тогда его жители оказали упорное сопротивление половцам, одновременно они послали за помощью в Киев. Не получив поддержки, «людьє»-«Горъци» приняли решение о сдаче города кочевникам. Победители сожгли Торчеськ, а «люди разделиша и ведоша в веже»²⁷². В событиях 1093 г. Торчеськ предстает самоуправлявшейся, но еще нуждавшейся в покровительстве Киева общиной. Более влиятельной выступает торчеськая община в 60-е гг. XII в. В 1161 г. здесь уже был княжеский

---

²⁶⁹ Кучера М. П., Иванченко Л. И. Давньоруська оборонна лінія... С. 74; Куза А. В. Малые города... С. 75.

²⁷⁰ О Торчеське см.: Кучера М. П., Иванченко Л. И. Давньоруська оборонна лінія... С. 74; Куза А. В. Малые города... С. 75; Хвойко В. В. Городища Среднего Поднепровья... С. 99–101; Рыбаков Б. А. Торчеськ — город Черных Клобуков // АО 1966 года. М., 1967. С. 243–245; Моця О. П. Населення Поросся... С. 31–32.

²⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 429; ПСРЛ. Т. II. Стб. 605; Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 15.

²⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 221, 225; ПСРЛ. Т. II. Стб. 212, 215–216. — Не можем согласиться с П. П. Толочко, полагающим, что в 1193 г. город защищали только тюркоязычные черные клобуки (Толочко П. П. Киевская земля... С. 47). По нашему мнению, «торцами» летописец называл все полиэтничное население города.

стол, который занимал Рюрик Ростиславич²⁷³. В том же 1161 г. из-за Торческа разгорелся конфликт между представителями двух ветвей рода Мстиславичей. Добывавшийся «старейшего» стола Мстислав Изяславич направил в Торческ своего боярина Вышку, который, вероятно, прогнал Рюрика Ростиславича и стал самостоятельно управлять городом. Тогда Давыд Ростиславич без повеления отца, киевского князя Ростислава Мстиславича, захватил Вышку и привез его в старший город. Раздоры вокруг Торческа, разумеется, продолжались еще два года, потому что только в 1163 г. Ростислав Мстиславич Киевский уступил этот город Мстиславу Изяславичу²⁷⁴.

В годы правления в Торческе Мстислава Изяславича местная община быстро усилилась. К 1169 г. она возвысилась над всеми городскими центрами этого региона. В 1169 г. Владимир Мстиславич Трепольский намеревался «взяти» «къ своеи волости Торцьскыи съ всимъ Поросьемъ»²⁷⁵. В 70-е гг. XII в. за старший город Поросского района вели борьбу Мстиславичи (род Ростиславичей) и потомки Юрия Долгорукого, в то время «державшие» всю Киевскую землю.

Сначала в Торческе обосновались Юрьевичи. Торчешское княжение, очевидно, представлялось им настолько выгодным, что в 1174 г. местный князь Михалко Юрьевич даже отказался перейти на «старейший» стол и направил вместо себя в Киев брата Всеволода²⁷⁶. Уверенно чувствующий себя за крепкими стенами сильного города, он в том же году укрыл здесь бежавших из Галицкой земли княжича Владимира Ярославича и его мать, княгиню Ольгу Юрьевну²⁷⁷. Помощь высокородным беглецам могла обернуться военным конфликтом с их отцом и мужем — галицким князем Ярославом Осмомыслом, однако Михалко Юрьевич, вероятно, был уверен в надежности торчешского ополчения, способного противостоять полкам Юго-Западной Руси.

В том же 1174 г. в борьбу за главный город Поросья вступили Ростиславичи. Они потребовали от Михалко Юрьевича освободить

---

²⁷³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 517.

²⁷⁴ Там же. Стб. 519, 521; ПСРЛ. Т. VII. С. 76, 77.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 533; ПСРЛ. Т. VII. С. 80.

²⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 570.

²⁷⁷ Там же. Стб. 571.

княжеский стол и уехать из Торческа, а когда он ответил отказом, в течение недели осаждали «Поросскую столицу». Однако Ростиславичи не только не сумели взять блокированный город, но и проиграли всю задуманную ими военную операцию. На седьмой день осады князь Михалко заключил с ними договор, согласно которому «вохвоти къ Торцькому Переяславль»²⁷⁸. Эту победу одержал не только торческий князь, но и вся местная община, поднявшаяся на борьбу с Ростиславичами.

В последующие годы ее влияние еще больше возросло. В 1182 г. закаленное в сражениях со степняками торческое ополчение воевало в Волжской Болгарии. Оно прибыло «ис Торьцького на конихъ» и «на лодье Роуское», соединилось с полками Северо-Восточной Руси и разбило противника²⁷⁹.

В конце 80-х гг. XII в. Ростиславичам удалось подчинить Торчesk. С 1188 г. здесь княжил Роман Мстиславич²⁸⁰, с 1190 г. — Ростислав Рюрикович²⁸¹, в 1207 г. — внук последнего, Мстислав Мстиславич²⁸². Потерпев поражение от Всеволода Черного, князь Мстислав вынужден был оставить город, однако в 1220 г. он вновь возглавил торческую общину²⁸³. В 1228 г. Мстислав Мстиславич, восемь лет правивший в Галиче, снова вернулся в Торчesk, где вскоре и умер²⁸⁴. В 1231 г. в старшем городе Поросья обосновались его сыновья²⁸⁵.

В 90-е гг. XII в. торческий князь, как и трепольский правитель, пытался самостоятельно, не советуясь с киевским властелином и не

---

²⁷⁸ Там же; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 100–101.

²⁷⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 390; ПСРЛ. Т. II. Стб. 626.

²⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 662. — По предположению П. П. Толочко, в 1188 г. в городе вокняжился черноклобуцкий «муж» Кондувдый (*Толочко П. П.* Киевская земля... С. 48), среди князей Торческа, названных М. П. Погодиным и О. М. Раповым, его имени нет (*Погодин М.* Исследования, замечания и лекции... Т. VI. С. XXXVII; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 175, 180). По нашему мнению, называя Кондувдья князем «Торцьким», летописец имел в виду его происхождение, а не титул.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 669, 670–671, 673–674, 677, 685.

²⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 429; ПСРЛ. Т. VII. С. 114; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 304; ПСРЛ. Т. XXX. С. 82; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 177; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 182.

²⁸³ ПСРЛ. Т. VII. С. 128.

²⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 750; ПСРЛ. Т. II (1843). С. 336; ПСРЛ. Т. VII. С. 134.

²⁸⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 766.

ставя его в известность, решать вопросы внешней политики. Так, в 1190 г. «сдоумаша лепшии моужии в Черныхъ Клобоучехъ и приехаша в Торцькый к Ростиславоу Рюриковичю и рекоша емоу се Половце сее зимы воюють ны часто». Черноклобуцкие посланники предложили Ростиславу выступить в поход на кочевников и предупредили его о том, что не поставили в известность о своих замыслах ни киевского князя Святослава Всеволодовича, ни его «соправителя» Рюрика Ростиславича Белгородского. «Ростиславъ же Рюриковичъ оулюби доумоу ихъ с моужи своими и посла к Ростиславоу Володимеричю река емоу брате хотелъ быхъ ехати на вежа Половецкия, а отци наши дале соуть, а иныхъ старейшихъ неть, а мы боудева за старейшая, а поеди ко мне вборзе и тако совокоупишася с Черными Клобоуки и ехаша в борзе изьездомъ до Протолчии и тоу заяша стада многа Половецкая в лоузе в Днепрескомъ <...> и вежа, которе бехоуть осталися в лоузе, и ты вземше». На обратном пути их настигли половцы, кочевавшие к востоку от Днепра. Узнав о набеге порошан, степняки попытались отбить своих сородичей, попавших в плен к русским и черным клобукам. Они «постигоша и на Ивле во третии день от Днепра». В сражении порошане «приемъше от Бога на поганья победу и възратишас <...> въ свояси. Ростиславъ же приеха в Торцькый свои съ славою и честью великою, победивъ Половци»²⁸⁶.

С аналогичным предложением знатные черные клобуки обратились к торческому князю в 1193 г., когда он охотился около Чернобыля. «Поеди княж с нами на вежи Половецкыя, — упрашивали они Ростислава Рюриковича, — верема ти есть, а оу отца быхомъ тебе просиле, но слышале есмь, ажъ отецъ твои хочеть ити на Литвоу, а мало ли того деля поути не поустить тебе, а такого те веремени иногда не боудеть». И на этот раз торческий князь поддержал инициативу черных клобуков. Он прекратил «ловы», быстро приехал в старший город Поросья, «не поведася отцю, а по дружиноу свою посла рекъ дружине своей верема ны есть поедемъ на Половци ажъ отцю моему боудеть поуть, а мы дотоле съездимъ». К порошанам присоединились трепольцы. Операция завершилась успешно, но Рюрик Ростиславич был вынужден отменить поход на Литву и «стеречь» границы

---

²⁸⁶ Об этих событиях см.: Там же. Стб. 670–672.

Киевской земли в ожидании ответного набега степняков²⁸⁷. Эти акции торческого князя свидетельствуют о сплоченности местной общины, ее возросшем влиянии в Киевской земле, а также о стремлении проводить самостоятельную внешнюю политику.

На рубеже XII—XIII вв. Торчеськ продолжал сохранять статус старшего города Поросья. В 1195 г. могущественный князь Северо-Восточной Руси Всеволод Юрьевич Большое Гнездо обратился к киевскому правителю Рюрику Ростиславичу, «просяше оу него Торцького Треполя Корьсоуня Богоуславля Канева». Киевский князь не хотел выполнять это требование и даже советовался с митрополитом о том, как ему удержать Поросскую «волость» в составе своих «владений». Выход из шекотливой ситуации был найден. «Дать Рюрикъ Всеволодоу 5 городовъ Торцькыйи Корсоунь Богоуслаль Треполь Каневъ и оутвердишас крестомъ честнымъ на всей любви своеи, и да Всеволодъ Торцькыйи зяти своемуу Ростиславоу Рюриковичю а в ынии горьды посла посадники своя»²⁸⁸. Перечень поселений, запрашиваемых Всеволодом Юрьевичем, открывает название старшего города Поросья. О том, что именно Торчеськ был главным городским центром этого региона, свидетельствует также факт возвращения сюда сына киевского князя Ростислава Рюриковича в то время, когда другие пожалованные ему общины передавались в ведение бояр-«посадников».

В первой трети XIII в. Ростиславичи стремились сохранить единство Киевской земли, и старшая община Поросья действовала в русле этой политики. Так, в 1207 г. местное ополчение вступило в сражение с войсками Всеволода Черного, преграждая им путь на Киев²⁸⁹. В 1220 г. Мстислав Мстиславич Торчеський вместе со «старейшим» князем ходил на Галич²⁹⁰. В 1221—1222 гг. В Торчеське «с честию и всяким довольством» принимали венгерских послов, возвращавшихся из Киева²⁹¹. Однако через десять лет киевская община, утратившая былое могущество, уступила Торчеськ, а с ним и все Поросье, Галицкой

---

²⁸⁷ Там же. Стб. 676—678.

²⁸⁸ Там же. Т. II. Стб. 683—685; Т. VII. С. 103.

²⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 429; ПСРЛ. Т. VII. С. 114; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 304; ПСРЛ. Т. XXX. С. 82.

²⁹⁰ ПСРЛ. Т. VII. С. 128.

²⁹¹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 212.

земле-государству. В 1232 г. территория бассейна реки Роси была присоединена к «владениям» Даниила Романовича Галицкого²⁹².

Другим крупным поросским центром был «летописный» Юрьев. Археологи локализуют его в центре города Белая Церковь — в урочище Замковая гора и к юго-востоку от него²⁹³. По мнению С. М. Соловьева, М. С. Грушевского и Р. С. Орлова, город был основан Ярославом Мудрым²⁹⁴. М. Ю. Брайчевский и П. А. Трохимец, обнаружившие здесь остатки керамики IX–X вв., пришли к выводу «об относительно более раннем времени начала жизни на поселении»²⁹⁵.

Городище в урочище Замковая гора, состоящее из «детинца» (около 4 га) и «окольного города» (до 10 га), являлось центром небольшой округи: к нему «тянули» четыре укрепленных поселения XI–XIII вв. — Мазепинцы (0,7 га), Малая Сквирка (1,2 га), Сухолесы (0,95 га) и цитадель, расположенная около села Чепилиевка (0,3 га). На Чепилиевском поселении выявлен «посад». В свою очередь, рядом с каждым из городищ находилось синхронное селище²⁹⁶. Это открытие археологов весьма интересно, поскольку позволяет лучше представить территориально-административную структуру поросского района-пригорода.

Он состоял из старшей и рядовых территориальных общин, в свою очередь возглавлявших еще более мелкие группы городских поселений. Разумеется, все элементы этой системы находились в непрерывном развитии. Рядовые общины консолидировались, усиливались и старались добиться главенства в пограничном районе. Одновременно формировались общины мелких городков-спутников. В перспективе

---

²⁹² ПСРЛ. Т. II (1843). С. 337.

²⁹³ *Брайчевский М. Ю., Трохимец П. А.* Новые археологические материалы по истории Белой Церкви // СА. 1961. № 4. С. 219; *Орлов Р. С.* Работы Белоцерковской экспедиции // АО 1981 года. М., 1983. С. 299; *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 32–34; *Иванченко Л. Г., Орлов Р. С.* Про локалізацію літописного Юрьєва // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 2.

²⁹⁴ *Соловьев С. М.* История России... Кн. I. С. 395; *Грушевский М. С.* История України-Руси. Т. II. С. 283; *Орлов Р. С.* Работы Белоцерковской экспедиции... С. 299.

²⁹⁵ *Брайчевский М. Ю., Трохимец П. А.* Новые археологические материалы... С. 219, 225.

²⁹⁶ *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева... С. 48. Рис. 12; С. 49.

они должны были достичь уровня развития городов, к которым «тянули», и включиться в борьбу с последними. Внутрорегиональная борьба истощала силы главного города Поросья и разобщила местные общины. Но внешняя опасность и необходимость единения сил для отпора половцам предотвращали распад поросской области на мелкие суверенные центры и обуславливали сохранение относительной целостности этого региона.

Анализ археологического материала²⁹⁷, обнаруженного на территории древнерусского Юрьева, и летописные свидетельства о воинственных «гурговцах»²⁹⁸ позволяют сделать вывод о том, что местные жители вели такой же образ жизни, как и население других малых городов Южной Руси. От других городов Поросья Юрьев отличался только большим количеством усадеб²⁹⁹, построенных зажиточными общинниками, и четырехстолпным трехапсидным храмом, возведенным во второй половине XII — начале XIII в.³⁰⁰ Этот храм символизировал единство и экономическую состоятельность местной общины. Его, разумеется, посещали не только «гурговцы», но и паломники из отдаленных поросских селений, потому что в городе была учреждена епископская кафедра. Последняя, по мнению некоторых ученых, контролировала процесс обращения в православие «своих поганых» — служилых печенегов, торков, берендеев³⁰¹.

С востока Поросье прикрывал Канев. Большинство археологов локализует его на горе Московка города Канева Киевской области³⁰². Иного мнения придерживается П. П. Толочко, который считает, что древнерусское поселение находилось в районе юрьевской церкви³⁰³.

---

²⁹⁷ *Брайчевский М. Ю., Трохимец П. А.* Новые археологические материалы... С. 219–223; *Орлов Р. С.* Юрьев // *Археология Украинской ССР: В 3 т. / Отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3.* Киев, 1986. С. 335, 337, 338; *Иванченко Л. И., Орлов Р. С.* Про локалізацію літописного Юрьєва... С. 4, 7; и др.

²⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229; ПСРЛ. Т. II. Стб. 219; ПСРЛ. Т. VII. С. 69.

²⁹⁹ *Орлов Р. С.* Юрьев. С. 337; *Иванченко Л. И., Орлов Р. С.* Про локалізацію літописного Юрьєва... С. 4.

³⁰⁰ *Иванченко Л. И., Орлов Р. С.* Про локалізацію літописного Юрьєва... С. 9–11.

³⁰¹ Там же. С. 1.

³⁰² *Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція // *Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III.* Київ, 1952. С. 141–152; *Бондар М. М.* Минуте Каніва. 84–88.

³⁰³ *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля... С. 146–147.

Впервые Канев упоминается в летописной статье 1144 г. о закладке местной церкви Святого Георгия³⁰⁴. Уже тогда это была достаточно сплоченная и богатая община, способная возвести общегородскую святыню. Через пять лет после этого события, в 1149 г., в Каневе появился собственный князь — сын правившего в Киеве Юрия Долгорукого Глеб Юрьевич³⁰⁵. Тогда каневский княжеский стол был единственным в Поросье: значит, местная община считалась здесь главной. В иерархии малых киевских городов середины XII в. Канев занимал третье место после Вышгорода и Белгорода³⁰⁶. Поэтому не вызывает удивления то, что выгодное и доходное княжение оспаривали друг у друга представители различных княжеских родов. В 1150 г., заняв Киев, Изяслав Мстиславич «посла сына своего Мстислава в Каневъ веля ему оттоле Переяславля добыти»³⁰⁷. В том же году каневский князь оказал поддержку отцу в борьбе с Владимиром Галицким. Разумеется, в походе со своим князем участвовало местное ополчение. Мстислав Изяславич недолго княжил в Каневе: он вынужден был уехать из этого города, потому что Изяслав Мстиславич не удержался на «старейшем» столе. В 1155 г. князем Поросской области-пригорода стал младший сын Юрия Долгорукого — Василько³⁰⁸. Его резиденция, вероятно, находилась в Каневе.

Однако в начале 60-х гг. усилилось влияние другого поросского города — Торческа. В 1161 г. именно торческий князь возглавил все полки киевского пограничья в походе на половцев, а Василий Юрьевич с каневцами шел в середине войска. Летописец заметил, что в иерархии поросских городовых общин произошли перемены и четко обозначил их: «Рюрикъ поиде ис Торцьского с Володимеромъ съ Андреевичем и съ Василкомъ съ Гюргивечем и с Берендеи и с Куи и с Торкы и с Печенегы»³⁰⁹. В 1163 г. Мстислав Изяславич вернулся в Канев³¹⁰,

---

³⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 312; ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. Стб. 398.

³⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; ПСРЛ. Т. II. Стб. 479; ПСРЛ. Т. VII. С. 63.

³⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 517.

³¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 527; ПСРЛ. Т. II. Стб. 521; ПСРЛ. Т. VII. С. 77; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 235.

однако это был уже второй по значению город Поросья. С конца 60-х гг. XII в. в Каневе княжили то Юрьевичи, то Ольговичи³¹¹.

В их правление город продолжал сохранять значение крупного пограничного центра. Сюда периодически прибывали ополчения из разных русских городов, чтобы «стеречь» родную землю от половцев³¹² и охранять купеческие караваны, уходившие к Черному морю³¹³. Местные жители неоднократно становились свидетелями княжеских съездов, собиравшихся в Каневе для переговоров со степняками³¹⁴. В городской темнице содержались взятые в сражениях пленники³¹⁵. Последний раз летописцы вспомнили о домонгольском Каневе в связи с трагическими событиями 1223 г.: в битве на реке Калке был убит местный князь Святослав³¹⁶, являвшийся, по предположению О. М. Рапова, сыном Ростислава Рюриковича³¹⁷.

Остальные поросские городки, за исключением укрепленного поселения, размещавшегося около современного села Сахновка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области³¹⁸, были невелики и недостаточно сплочены для того, чтобы принимать активное участие в политической жизни пограничного региона, тем более Киевской земли в целом.

С 1146 г. В источниках появляются термины «все Поросье», «Поршане»³¹⁹, истолкование которых в исторической литературе различно. Так, С. М. Соловьев и П. В. Голубовский полагали, что название «Поросье» применялось для обозначения географического района³²⁰. Согласно М. С. Грушевскому, С. А. Плетневой, В. М. Рыч-

---

³¹¹ Толочко П. П. Киевская земля... С. 42.

³¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 673; ПСРЛ. Т. VII. С. 99.

³¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 528, 541; ПСРЛ. Т. VII. С. 79.

³¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345, 346; ПСРЛ. Т. II. Стб. 480, 490, 676; ПСРЛ. Т. VII. С. 63, 66.

³¹⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 53.

³¹⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 132; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 312.

³¹⁷ Эта древнерусская община предположительно управлялась местным князем, атрибуты власти которого — диадему и бармы — археологи обнаружили во время проводившихся здесь раскопок. См.: Рапов О. М. Княжеские владения... С. 196.

³¹⁸ Блажевич Н. В. Древнерусское городище у с. Сахновка // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 2. Киев, 1976. С. 18; Приходнюк О. М. Археологічні розвідкі... С. 19.

³¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 323.

³²⁰ Соловьев С. М. История России... Кн. I. С. 441; Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы... С. 136.

ке, так обозначали социально-политическое образование³²¹. Последняя точка зрения представляется нам более убедительной: об общности политических интересов местных территориальных общин свидетельствует появление поросского княжеского стола (в 1149 г. его занимал Ярополк Мстиславич³²², с 1155 г. – Василько Юрьевич³²³), а также стремление крупных городских центров подчинить своему влиянию прочие поселения в этой пограничной области.

По мнению М. С. Грушевского и Б. А. Рыбакова, статус главного города Поросья поочередно приобретали Торческ, Юрьев и Канев³²⁴. Н. П. Барсов считал центром этого района-пригорода Юрьев³²⁵. Так же полагают М. П. Кучера и Л. И. Иванченко. Торческ, по их мнению, был «стольным» городом не всего Поросья, а только тюркоязычных черных клобуков³²⁶. Согласно И. Н. Болтину, П. П. Толочко и В. М. Рычке, старшим городом Поросья являлся Торческ³²⁷.

По нашим наблюдениям, «летописное» Поросье — это сформировавшийся в первой половине XII в. компактный регион-пригород Киевской земли, состоявший из полиэтничных общин, «стягивавших» вокруг себя более мелкие поселения. С 1149 г. до начала 60-х гг. XII в. главным городом этого пограничного района был Канев, затем он уступил «пальму первенства» Торческу. В 90-е гг. торческий князь Ростислав Рюрикович пытался самостоятельно решать внешнеполитические вопросы, однако более радикальных «своевольных» дей-

---

³²¹ Грушевский М. Очерк истории Киевской земли... С. 312; Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков... С. 261; Рычка В. М. Формирование территории... С. 61. — Суждения Б. А. Рыбакова и П. П. Толочко о Поросье представляются нам недостаточно определенными. Так, согласно Б. А. Рыбакову, это был населенный черными клобуками «полуавтономный» от Киева регион (Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 488–490). П. П. Толочко пишет о сложившейся здесь «системе» замков и крепостей (Толочко П. П. Киевская земля... С. 13, 17).

³²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 322; ПСРЛ. Т. II. Стб. 378.

³²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; ПСРЛ. Т. II. Стб. 479; ПСРЛ. Т. VII. С. 63.

³²⁴ Грушевский М. С. 1) Очерк истории Киевской земли... С. 35; 2) Історія України-Руси. Т. II. С. 285; Рыбаков Б. А. 1) Первые века... С. 186; 2) Киевская Русь... С. 490.

³²⁵ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География начальной летописи. Варшава, 1873. С. 119.

³²⁶ Кучера М. П., Иванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія... С. 68, 71–72.

³²⁷ Болтин И. Примечания на Историю... Т. I. С. 243; Толочко П. П. Киевская земля... С. 47; Рычка В. М. Формирование территории... С. 62.

ствий он не предпринимал. Внешняя опасность, необходимость сплочения всех людских сил и материальных ресурсов порубежного региона для борьбы с половцами, а впоследствии — также для противостояния ополчениям Юго-Западных и Северо-Восточных земель обусловили относительную целостность этого пригорода, устойчивость иерархии местных территориальных общин, стабильность в их взаимоотношениях друг с другом и с Киевом. В 1232 г. Торческ «свсимвь Поросъемь» вошел в состав Галицкой земли-государства.

Археологи выявили и частично исследовали множество древнерусских укрепленных поселений XI — середины XIII в., расположенных на прибрежных территориях вдоль рек Уж, Тетерев, Ирпень, Стугна. Среди них — «летописные» города Ушеск, Вручий (Овруч), Искоростень (в бассейне р. Уж), Кучар, Мическ, Здвизень, Мутижир (по р. Тетерев), Ярополч, Чернев, Мунарев (вдоль р. Ирпень), Вернев, Василев, Тумащ, Красн, Дерновой, Звенигород (центры «постугнинской оборонительной линии») ³²⁸. Состояние источников позволяет сгруппировать эти поселения в пределах географических районов (вдоль рек), однако выяснить, являлись ли скопления вышеназванных городищ киевскими пригородами (если до середины XIII в. они сформировались), не представляется возможным. Не удалось также проследить, как вышеуказанные городские центры развивались в домонгольское время. Здесь мы вынуждены ограничиться отдельными замечаниями.

Двигаясь с севера на юг, прежде всего обращаем внимание на расположенный в междуречье Ужа и Тетерева, наиболее крупный из этих городских центров Овруч. В середине XII в. бывший древлянский город был центром значительной территориальной общины, оказывавшей заметное влияние на политическую жизнь в Киевской земле. В 1169 г. местный князь Рюрик Ростиславич участвовал в заговоре, направленном против «старейшего» правителя, и вместе с сообщниками требовал перераспределения киевских земель. В том же году овручское ополчение под его руководством сражалось с киевлянами

---

³²⁸ Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 31–33; 2) Киев и Киевская земля... С. 140–141; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1984. С. 30–31, 42, 44–46, 56; Кучера М. П. Змиевы валы... С. 79–80; Рычка В. М. Формирование территории... С. 64–65; Звиздецкий Б. А. Города IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6–7.

около Вышгорода. Условия соглашения, заключенного по окончании боевых действий, вероятно, не устраивали ни Рюрика Ростиславича, ни овручскую общину. Поэтому в 1171 г. «Рюрикъ изъ Вроучего» (разумеется, не один, а во главе местного полка) участвовал в походе на Киев, организованном объединенными силами оппозиции и закончившемся победой союзников³²⁹.

К юго-востоку от Вручого, на левом берегу р. Тетерев в древнерусское время находилась компактная группа укрепленных поселений. И. А. Линниченко считал их «общинными поселениями»³³⁰. В. М. Рычка и Б. А. Звиздецкий характеризуют их как феодальные города и крепости-замки³³¹. При этом В. М. Рычка ссылается на летописную статью под 1150 г., в которой упоминаются дружинники князя Изяслава Мстиславича, «сидевшие по Тетереви». Следует заметить, что исследователь цитирует эту статью выборочно и тем самым искажает ее смысл. В. М. Рычка обращает внимание на следующие слова летописца: бояре говорили князю. «Поеди Киеву <...> а что ти будешь на Тетереви а ту к тебе дружина твоя вси приедуть»; Изяслав Мстиславич последовал этому совету и пошел к Мичску, где «оусретоша и дружина многое множество иже седахуть по Тетереви»³³².

Исследователь так «обработал» летописный текст, «выбрав» из него отдельные фразы, якобы подтверждающие его суждения, что создается впечатление о существовании в домонгольское время в бассейне р. Тетерев феодальных вотчин. Однако летописец, сообщая о событиях 1150 г., имел в виду не постоянно проживавших здесь феодалов-бояр, а дружинников Изяслава Мстиславича, управлявших местными поселениями и «кормившихся» с них. Возможна и другая интерпретация этого текста: служилые люди собрались на берегу реки для того, чтобы встретить возвращавшегося в Киев князя, и соответственно временно пребывали в округе города Мичска. Согласно неискаженной записи древнерусского книжника, «дружина же рекоша ему

---

³²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 533–534, 543; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 89.

³³⁰ *Линниченко И.* Вече в Киевской области... С. 46. Примеч. 1.

³³¹ *Рычка В. М.* Формирование территории... С. 65; *Звиздецкий Б. А.* Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 12–14.

³³² *Рычка В. М.* Формирование территории... С. 65.

(Изяславу Мстиславичу. — *И. М.*) княже <...> поеди Киеву своеи дружине <...> княже не стряпаи но поеди, а что ти будешь на Тетереви а ту к тебе дружина твоя вси приедуть, а что ти Бог дасть и до Белгорода доидеши перед ним (Юрием Долгоруким, в то время княжившим в Киеве. — *И. М.*), а боле дружины к тебе приедеть, а болши ты сила <...> и оугада Изяславъ съ дружиною своею поити чересь ночь къ Мичьску и нача велети всимъ воимъ своимъ огни великы и тако накладыше огни, а сами поидоша черес ночь къ Мичьску, и ту оусретоша и дружина многое множество, иже седяхуть по Тетереви, и ту поклонишас Изяславу и Мичане с ними рекуче ты нашъ князь. Изяславъ же оттоле перешедъ за Тетеревъ»³³³. Здесь зафиксирован типичный эпизод из жизни древнерусского общества — приглашение влиятельной общиной-пригородом правителя в старший город земли.

Узнав, что Изяслав Мстиславич вокняжился в Киеве, преследовавший его Владимир Володаревич Галицкий ретировался. Отступая, он направил гонцов в Мичск с требованием: «...дайте ми серебро что вы азъ хочю пакы ли я възму вы на щить они же не имeahуть дати чего оу нихъ хотяше они же емлюче серебро изоу оушью и съ шии сливаюче же серебро даяхоуть Володимеру Володимеръ же поймавъ серебро и поиде тако же емля серебро по всимъ градом оли и до своеи земли»³³⁴. Детальный рассказ летописца о драматичных событиях в Мичске весьма интересен. Из него узнаем, что переговоры с галицким князем вела вся местная община, которая приняла решение удовлетворить непомерно большой для нее запрос вымогателя, но не допустить его в город. Мичск был небогатым поселением, и запасов драгоценного металла, хранившегося в общественной казне, разумеется, не хватило, тогда его жители стали сдавать личные серебряные украшения. Древнерусский книжник не упоминает о толстосумах, открывавших ларцы с драгоценностями, очевидно, потому, что таких людей здесь не было. В городе проживало социально однородное население; местные щеголи и модницы имели по одному комплекту украшений, которые они снимали с себя, чтобы отдать галицкому князю. Когда нужное количество драгоценного металла было собра-

---

³³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 412–413.

³³⁴ Там же. Т. II. Стб. 417; ПСРЛ. Т. VII. С. 50.

но, мичские ремесленники «сливаюче же серебро» в слитки, которые Владимир Володаревич увез в Юго-Западную Русь.

Южнее тетеревских общин и ближе к Киеву тянулась «постугнинская оборонительная линия», крупнейшими городскими центрами которой являлись Василев, Тумащ и Звенигород.

Василев упоминается в летописях 14 раз (из них 11 раз в статьях, датированных XII в.) как важный стратегический пункт Южной Руси³³⁵. В домонгольский период истории эта община-пригород сохраняла неизменную приверженность старшему городу земли — Киеву. Так, в 1136 г. его округа была разорена Ольговичами, воевавшими с «кьянами»³³⁶, в 1151 г. здесь останавливалось на отдых киевское ополчение, двигавшееся наперерез войскам Юрия Долгорукого³³⁷. В 1159 г. рать Изяслава Давыдовича Киевского шла через Василев, направляясь в Галич, чтобы завоевать княжение для Ивана Ростиславича Берладника. Сюда же прискакал гонец от Святослава Ольговича Черниговского с просьбой отменить этот поход. Между тем соперник «старейшего» князя Мстислав Ростиславич с союзниками приближался к Киеву. Изяслав Давыдович, уже достигший Мунарева, вернулся к Василеву, где на помощь к нему подошел «Святославъ сыновець его с Половци многими»³³⁸. Василев играл важную роль в военных планах Мстислава Изяславича во время борьбы последнего за «старейший» стол в 1171 г.³³⁹

Но василевцы не только пассивно наблюдали, как по улицам их города маршировали полки киевского князя или претендентов на «старейший» стол. Местная община и сама активно участвовала в политической жизни Южной Руси. Например, в 1146 г. василевцы вместе с черными клобуками и белгородцами поддержали киевлян, отрекшихся от Игоря Ольговича и провозгласивших своим князем Изяслава Мстиславича. «И не оугодень быс Кьяномъ Игорьъ, — констатирует летописец, — и послашася къ Переяславлю къ Изяславоу

---

³³⁵ Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 32–33; 2) Киев и Киевская земля... С. 141.

³³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 299.

³³⁷ Там же. Стб. 434–435; ПСРЛ. Т. VII. С. 54.

³³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 500.

³³⁹ Там же. Стб. 544.

рекоуче поиде княже к намь хошемь тебе. Изяславъ же се слышавъ и съвъкоупи воя своя поиде на нь ис Переяславля <...> и переиде Днепръ оу Зараба и тоу прислашася к немуу Чернии Клобоуци и все Поросье и рекоша емоу ты нашъ князь а Олговичъ не хожемь а поеди в борзе а мы с тобою и поиде Изяславъ къ Дерновоумоу и тоу скоупишася вси Клобоуци и Поршане томъ же месте прислашас к немуу Белгородъчи и Василевци тако же рекоуче поиди ты нашъ князь а Олговичъ не хожемь томъ месте приехаша от Киянь моужи нарекоуче ты нашъ князь поеди Олговичъ не хожемь»³⁴⁰.

Другим городским центром постугнинской оборонительной линии являлся город Тумащ, который археологи отождествляют с укрепленным поселением у села Старые Безрадици Обуховского района Киевской области. Это поселение имеет значительные размеры: площадь его «детинца» — 1,6 га, «окольного города» — 8 га, к югу от последнего выявлен еще один укрепленный сектор. На городище обнаружена печать, «принадлежавшая, по-видимому, князю Роману Святославичу», которая наводит на мысль о существовании здесь княжеского стола. Все это свидетельствует о том, что Тумащ занимал видное место среди малых городских центров Киевской земли³⁴¹.

Третий центр — Звенигород — трижды упоминается в летописях, причем каждый раз — как покорный пригород Киева. Согласно Ипатьевской летописи, именно здесь, а не в Белгороде (как свидетельствует составитель Лаврентьевского свода), в 1097 г. был ослеплен Василько Ростиславич Теробовльський³⁴². Разночтение в летописных текстах о месте преступления, возможно, объясняется равным социальным положением двух киевских городов в конце XI в.³⁴³ В статье под 1150 г. Звенигород упоминается как центр сосредоточения союз-

---

³⁴⁰ Там же. Стб. 322–323.

³⁴¹ О Тумаще см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 327; ПСРЛ. Т. II. Стб. 400, 539; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля... С. 140; *Куза А. В.* Малые города... С. 72.

³⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 234. — Ср.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 260.

³⁴³ Правда, составитель Ипатьевского свода указывает, что Звенигород в конце XI в. был «городъ малъ оу Киева яко десяти версть и въдале» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 234), а перестроенный по распоряжению Владимира Святославича Белгород представлялся современникам значительным городским центром. Но в то время и белгородская, и звенигородская территориальные общины еще переживали стадию становления и в политической жизни Киевской земли активной самостоятельной роли не играли.

ных Киеву ополчений³⁴⁴. В 1151 г. здесь отдыхали киевские ратники, преследовавшие противника³⁴⁵.

Среди небольших городов, размещавшихся на территории, ограниченной Стугной и Росью, выделялся Михайлов. Здесь имелся княжеский стол: в 1172 г. в этом городе правил Василько Ярополчич. Узнав, что «старейший» князь Мстислав Изяславич бежал из Киева и к «днепровской столице» приближается Глеб Юрьевич с половцами, Василько Ярополчич собрал местное ополчение, намереваясь преградить путь сыну Юрия Долгорукого. Михайловцы выступили в поход темной ночью и сбились с пути, а на рассвете на них напали половцы — союзники Глеба Юрьевича. Небольшой отряд русских ратников ввязался в сражение с кочевниками, но был разбит. «И одва оубежа Василко до города а дружину около его избиша а ины руками изоимаша. Тогда же Глебъ поиде на Василка». Глеб Юрьевич беспощадно расправился с малой, но воинственной общиной: в том же 1172 г. его отряды Михайлов «пожгоша гроблю роскопаша»³⁴⁶. В последующие годы летописцы об этом городе не упоминали: вероятно, после погрома жизнь здесь уже не возродилась.

В письменных источниках содержится немало сведений о погорыньских городах. Волновавшие еще дореволюционных историков вопросы о границах Погорыньской области, ее территориальной принадлежности к одной из трех южнорусских земель, об особенностях развития местных городов, продолжают оставаться спорными и сегодня. Так, А. М. Андрияшев проводил восточный рубеж этого региона между реками Горынью и Случью, на юге отодвигал его до истоков Южного Буга³⁴⁷. Согласно М. С. Грушевскому, территория Погорынья не простиралась так далеко на юг; она ограничивалась верховьями рек Горыни и Вилии. Западную границу исследователь прочерчивал в междуречье Горыни, Стубла и Стыри; крайним восточным городом называл «летописный» Корческ³⁴⁸. Полемизируя с

---

³⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 400.

³⁴⁵ Там же. Стб. 434.

³⁴⁶ Там же. Стб. 550.

³⁴⁷ *Андрияшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 34–35.

³⁴⁸ *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 258.

А. М. Андрияшевым, Н. Ф. Котляр устанавливает восточную границу района по р. Случь³⁴⁹. По мнению В. М. Рычки, «летописное» Погорынье находилось на территории водораздела Горыни (ее верхнего и среднего течения) и Случи³⁵⁰.

Поскольку границы Погорынья не определены, вопрос о вхождении в него ряда древнерусских центров рассматривается неоднозначно. Например, Н. П. Барсов и А. М. Андрияшев, в отличие от В. Б. Антоновича, называли в числе погорыньских городов Городно, Дубровицу и Степань³⁵¹. Согласно Н. Ф. Котляру, Дубровица — погорыньское поселение, однако ни П. П. Толочко, ни В. М. Рычка, описывая этот регион, о нем не упоминают³⁵². Локализация в пределах Погорынья Дорогобужа, Пересопницы, Мильска, Тихомля, Шумска, Гнойницы, Корческа у исследователей сомнений не вызывает³⁵³. Дополним этот перечень названиями поселений, встречающихся у одних историков и отсутствующих у других. А. М. Андрияшев, Н. Ф. Котляр, П. П. Толочко включают в число городов Погорыньской области Полонный; Н. П. Барсов, А. М. Андрияшев, В. Б. Антонович, Н. Ф. Котляр — Выгошев; Н. П. Барсов, Н. Ф. Котляр, П. П. Толочко, В. М. Рычка — Зареческ; А. М. Андрияшев — Микулин, А. М. Андрияшев и Н. Ф. Котляр — Каменец, В. Б. Антонович — Истомек, Данилов, За-

---

³⁴⁹ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 71.

³⁵⁰ Рычка В. М. Формирование территории... С. 71.

³⁵¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии... С. 105; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 34–35, 38; Антонович В. Б. О местоположении летописных городов Шумска и Пересопницы // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. Т. I. 1899. М., 1901. С. 149.

³⁵² Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 11; 2) Киев и Киевская земля... С. 123; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 73; Рычка В. М. Формирование территории... С. 73. — П. П. Толочко, не называя Дубровицу погорыньским городом, пишет о ней как о западном киевском центре (Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 55; 2) Киев и Киевская земля... С. 124).

³⁵³ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии... С. 105; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 38, 75, 79; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли... С. 14–15; Антонович В. Б. О местоположении летописных городов... С. 149; Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 11–12; 2) Киев и Киевская земля... С. 123–124; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 71, 72; Рычка В. М. Формирование территории... С. 73.

камень, П. П. Толочко — Чемерин, Н. Ф. Котляр — Сапогынь, Се-моц, Небль³⁵⁴.

Еще А. М. Андрияшев заметил, что города этого региона объединялись в стабильные группы. По мнению ученого, существовали три такие группы: первую составляли Божский, Межибожье, Котельница и два поселения, названия которых в летописях не указаны; вторую — размещавшиеся между реками Случь и Хомара — Микулин, Каменец, Колодяжин и Полонный; третью — Дорогобуж, Пересопница, Мильск, Корческ³⁵⁵. В. К. Гончаров также обратил внимание на то, что в верховьях Южного Буга сформировался узел из пяти укрепленных поселений, и один из них, безымянный, отождествил с Райковецким городищем³⁵⁶. П. П. Толочко и В. М. Рычка рассматривают верхнебужские городки как самостоятельно располагавшуюся за пределами Погорынья «волость»³⁵⁷.

В поисках ответа на вопрос о территориальной принадлежности Погорынского района высказывались следующие суждения. А. М. Андрияшев полагал, что до середины XII в. он принадлежал Киеву, затем отошел к Волыни³⁵⁸. М. С. Грушевский писал, что обособление Погорынья и присоединение его к Волынской земле произошло позднее — во второй половине XII — начале XIII в.³⁵⁹ Согласно А. Н. Насонову и П. П. Толочко, эта область была киевской³⁶⁰, по М. Н. Тихомирову, В. В. Аулиху и А. В. Кузе, — волынской³⁶¹. По Н. Ф. Котляру,

---

³⁵⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии... С. 105; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 38, 73; Антонович В. Б. О местоположении летописных городов... С. 149; Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 11; 2) Киев и Киевская земля... С. 123; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 71–73; Рычка В. М. Формирование территории... С. 73.

³⁵⁵ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 73–74, 75, 79.

³⁵⁶ Гончаров В. К. Райковецкое городище... С. 19.

³⁵⁷ Толочко П. П. 1) Киевская земля... С. 53–57; 2) Киев и Киевская земля... С. 158–163; Рычка В. М. Формирование территории... С. 73.

³⁵⁸ Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 37.

³⁵⁹ Грушевский М. Очерк истории Киевской земли... С. 329.

³⁶⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории... С. 51; Толочко П. П. Киевская земля... С. 11–12.

³⁶¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 323–324; Аулих В. В. До питання про місцезнаходження літописної Пересопниці // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. 1. С. 168–169; Куза А. В. Малые города... С. 90–93.

погорыньские города были волынскими, но с середины до конца XII в. находились под властью Киева³⁶². Согласно В. М. Рычке, Погорынье — область собственно Киевской земли, во второй половине XI в. — середине XII в. являлась «демаркационной зоной», разделявшей Киевскую землю и Волынь, в первой четверти и второй половине XII столетия находилась под властью «волынских князей»³⁶³.

К данной дискуссии следует добавить еще один, не поднимавшийся в работах отечественных историков вопрос — о соотношении погорыньских городов с болоховскими, появившимися в источниках с XIII в. Болоховская земля находилась, согласно Н. П. Дашкевичу, «по верховьям р. Бога и по притокам обеих его сторон до поворота его на юг, по верхнему течению Случи до впадения в нее Хомора и по верховьям Тетерева и его притокам не далее Гнилопята»³⁶⁴; по М. С. Грушевскому, в верхнем Побужье и по р. Случи³⁶⁵, по П. П. Толочко, между верховьями Южного Буга, Случи, Тетерева³⁶⁶. Как видим, мнения ученых относительно географического положения Болоховской земли схожи, разногласия возникают лишь при определении ее границ. Нельзя также не заметить, что ее территория перекрывала Погорынье. Некоторые погорыньские города исследователи долгое время считали болоховскими. Это Божский, Межибожье, Котельница, Полонный, Шумск, Тихомль, Дорогобуж, Пересопница³⁶⁷. По мнению А. А. Песковой, согласно археологическим характеристикам к болоховским городам приближается укрепленное поселение у села Городище Шепетовского района Хмельницкой области³⁶⁸. Между тем, преемственности в историческом развитии погорыньцев и болоховцев исследователи не видят.

---

³⁶² Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 68, 72–73.

³⁶³ Рычка В. М. Формирование территории... С. 71–72.

³⁶⁴ Дашкевич Н. П. Новейшие домыслы о Болохове и Болоховцах // Университетские известия. Киев, 1884. № 6. С. 156.

³⁶⁵ Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905. С. 155.

³⁶⁶ Толочко П. П. Киевская земля... С. 13.

³⁶⁷ Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. 2. Киев, 1878. С. 94–95; Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли... С. 188; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. III. С. 155; Пацунто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... М., 1950. С. 166.

³⁶⁸ Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль. С. 4, 7–8.

Последних ученые возводят непосредственно к древлянам, обнаруживая «генетическую связь» общественного устройства их центров с племенным строем обитавших на этой территории восточных славян³⁶⁹; или, напротив, характеризуют их землю как сравнительно поздно (в конце XII – начале XIII в.) выделившийся из «Киевского княжества» феодальный удел, тогда же застроенный замками местной знати³⁷⁰.

Мы не ставим своей задачей решение всех обозначенных вопросов, попытаемся ответить на те из них, которые имеют принципиальное значение при исследовании местных городских поселений.

Нам представляется, что становление погорыньских поселений, сложение их в единое социально-политическое образование следует рассматривать как составляющие процесса формирования древнерусских земель-государств. В XI – середине XIII в. Погорынье являлось ареной ожесточенной политической борьбы, которая велась на трех уровнях: межобщинном внутрорегиональном, по линии «пригород – старший город» в Киевской земле и, наконец, между соседними землями-государствами: усиливавшимися Галичем и Владимиром, с одной стороны, и постепенно ослабевавшим Киевом, с другой стороны.

Прежде всего, попытаемся разобраться во взаимоотношениях погорыньских городских общин друг с другом. На протяжении XI–XII вв. наблюдается «стягивание» местных городков под власть трех центров – Божского, Дорогобужа и Пересопницы. Первый, объединив вокруг себя верхнебужские поселения, стал старшим среди них, а весь небольшой район оказался в непосредственном подчинении Киеву; два других вплоть до начала XIII в. вели борьбу за лидерство над остальными общинами Погорыньи.

---

³⁶⁹ Дашкевич Н. П. Болоховская земля... С. 102; Пархоменко В. А. У истоков русской государственности... С. 50.

³⁷⁰ Раппопорт П. А. Города Болоховской земли // КСИИМК АН СССР. 1955. Вып. 57. С. 53–54. — Некоторые исследователи считали, что в XII – первой половине XIII в. болоховские города были заселены тюрками (Зубрицкий Д. И. История Древнего Галичско-Русского княжества. Ч. III. Львов, 1855. С. 138; Шараневич И. И. История Галицко-Володимерской Руси з найдавніших времен до року 1453. Львов, 1863. С. 83, 104). Согласно М. С. Грушевскому, предки болоховцев были восточными славянами, которые впоследствии ассимилировались с тюркоязычными черными клобуками, расселившимися в южном порубежье Киевской земли (Грушевский М. С. История України-Руси. Т. III. С. 155).

Процесс формирования Верхнебужской области-пригорода не получил освещения на страницах летописей: впервые упоминаемая в источниках в середине XII в., она уже представляла собой притягательную для князей общность. Под 1146 г. в Ипатьевской летописи читаем: «Изяславъ же водивъ Всеволодича Святославъ хрестоу и да емоу Боужьскыи и Межибожье пять городовъ а из Володимирия выведе. Вячеславъ же се слышавъ надеяся на старишество и послоушавъ боярь своихъ не приложи чести ко Изяславу отя городаы опять иже бяшетъ от него Всеволодь отяль <...> Изяславъ же се слышавъ посла брата своего Ростислава и Всеволодича Святослава на стрыя своего Вячеслава и отя от него Тоуровъ»³⁷¹. Эта запись свидетельствует о том, что в середине XII в. право распоряжаться указанными городами оспаривали киевский и туровский князья. Современник упоминает только пять верхнебужских поселений — Божский, Межибожье, Котельницу и два безымянных центра, отождествляемых учеными с Райковецким и Колодяжинским городищами³⁷². В действительности их было больше.

Так, Р. А. Юра, изучавший древнерусский Колодяжин, обратил внимание на то, что поселение развивалось в окружении нескольких городков. То были безымянный городок в 1 км к югу от Колодяжина, два укрепленных центра в селе Великие Деревичи Любарского района Житомирской области, поселения с оборонительными сооружениями в селах Новый Мирополь («летописный» Каменец) и Буняково, которые отстояли друг от друга на 3 км, а также древнерусский Полонный (располагался на территории одноименного райцентра в Хмельницкой области)³⁷³. Кроме перечисленных Р. А. Юрой пунктов в Верхнебужский район-пригород входили «болоховские» центры Кобуд, Губин, Болохов, «летописное» Белобережье и выявленные археологами городища у сел Семиренки, Старый Острополь, Разино, Ленино, Жежелев³⁷⁴. Поскольку все эти поселения возникли сравни-

---

³⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 329–330.

³⁷² Гончаров В. К. Райковецкое городище... С. 19; Толочко П. П. Киевская земля... С. 53–54; Рычка В. М. Формирование территории... С. 74.

³⁷³ Юра Р. А. Древний Колодяжин... С. 5.

³⁷⁴ Раппопорт П. А. Города Болоховской земли... С. 54–57; Древнерусские поселения... С. 34, 42; Куза А. В. Малые города... Карта. № 905–913, 916, 936, 937, 1279, 1280–1283; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6–7.

тельно поздно (в XII в.), процесс возвышения над ними Божского, вероятно, не был длительным.

Нельзя исключать и другой вариант становления Верхнебужского пригорода: названные города могли появиться уже после того, как Божский стал его главной общиной. В любом случае, территориально-административная структура общности, сложившейся в верховьях Южного Буга, типична для областей-пригородов в Киевской земле: «тянувшие» к центру региона города, в свою очередь, являлись старшими для более мелких укрепленных поселений. Главным поселением региона был Божский. Именно сюда в 1148 г. должен был прибыть правитель Верхнебужской области Ростислав Юрьевич. Согласно Ипатьевской летописи, «реч Изяславъ Ростиславоу Гюргевицю иди въ Божьскыи и пребоуди же тамо <...> постережи земле Роуской оттоле»³⁷⁵. В Лаврентьевской летописи главенствующее положение этого города среди местных общин запечатлено с еще большей отчетливостью: современник свидетельствует, что сын Юрия Долгорукого получил «Божьскы и ины города»³⁷⁶. Однако Ростислав Юрьевич недолго удерживал Верхнебужскую область: в том же году он был заподозрен в организации заговора против Изяслава Мстиславича и изгнан из Киевской земли.

В центральном Погорынье в борьбу за главенство над местными общинами вступили Дорогобуж и Пересопница. Древнерусский Дорогобуж, отождествляемый с городищем в одноименном селе Гошанского района Ровенской области, состоял из нескольких укрепленных секторов и был окружен селами, общая площадь которых доходила до 20 га. Оборонительные сооружения «детинца» были возведены в XI в. на месте селища, появившегося еще в предыдущем столетии. На протяжении XI – середины XIII в. город, по наблюдениям археологов, интенсивно рос³⁷⁷.

Самые ранние сведения о городской общине Дорогобужа отложились в Правде Русской. В 23 статье Краткой ее редакции по Академическому и Археографическому спискам упоминаются «дорогобоудь-

---

³⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 368.

³⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 320.

³⁷⁷ *Ауліх В. В.* Дослідження Галича і Дорогобужа // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV. С. 298; *Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф.* Работы

цы» (т. е. население территориальной общины)³⁷⁸, убившие конюха князя Изяслава³⁷⁹. К 80-м гг. XI в. дорогобужская община, видимо, приобрела значительный вес, поскольку здесь появился княжеский стол: в 1084 г. его занимал Давыд Игоревич³⁸⁰, который впоследствии, в 1085–1097 гг., правил во Владимире Южном. В Дорогобуже тогда князя, вероятно, не было. В 1097 г. изгнанный из Владимира Давыд Игоревич обосновался в Божском, через некоторое время Святополк Изяславич Киевский передал ему Дорогобуж — в то время, очевидно, наиболее значительный город Погорынья. Здесь незадачливый правитель умер³⁸¹.

К середине XII в., судя по данным летописей, сложилась и заняла достаточно видное место среди погорыньских центров община Пересопницы. Этот город отождествляется с Белевским укрепленным поселением на правом берегу реки Стубла и примыкающим к нему большим «селищем-посадам». Наиболее ранний материал в центре городища датируется X–XI вв. Укрепления были возведены в конце XI в.³⁸² Из летописной статьи под 1149 г., в которой Пересопница упоминается в первый раз, узнаем, что город, уже имевший собственного князя — Вячеслава Владимировича, являлся центром небольшого округа (участники событий «воротыща в Пересопницу в Вячеславлю волость»³⁸³) и играл немаловажную роль в борьбе претендентов на киевский стол (сюда стягивали силы Юрий Долгорукий и его сто-

---

Ровенского краеведческого музея // АО 1972 года. М., 1973. С. 319; *Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф., Олифер О. М.* Раскопки в Ровенской области // АО 1973 года. М., 1974. С. 320–321; *Никольченко Ю. М., Пономарева Т. А., Зимина Л. М.* и др. Раскопки городища Дорогобуж // АО 1975 года. М., 1976. С. 371–373; *Прищепя Б. А.* Давньоруський літописний Дорогобуж // Матеріали до зводу пам'яток Історії та культури народів СРСР по Українській РСР. Київ, 1984. Вип. I. С. 57–59.

³⁷⁸ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. С. 233.

³⁷⁹ Правда Русская. Т. I. С. 71, 80. — См. также: *Голубовская Н. П.* Географические данные в Русской Правде. Киев, 1913. С. 13, 15.

³⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 196; ПСРЛ. Т. VII. С. 3.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 248–250; ПСРЛ. Т. XXX. С. 55.

³⁸² *Раннопорт П. А.* Археологические и архитектурные заметки (Из работ отряда по изучению крепостей 1959–1961 гг.) // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 33; *Ауліх В. В.* До питання про місцезнаходження. С. 168–176; *Куза А. В.* Малые города... С. 92.

³⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 323.

ронники, готовясь к сражению с Изяславом Мстиславичем, здесь же шли переговоры между противниками)³⁸⁴.

В 1150 г. Вячеслав Владимирович Пересопницкий перешел на вышгородский стол, а Погорынье было передано Глебу Юрьевичу. В каком из двух крупнейших городов региона находилась резиденция нового правителя, сказать трудно: по словам летописца, он проживал «оу Пересопници и в Дорогобужу»³⁸⁵. В то время эти два ведущих погорыньских города имели равный социальный и политический статус, о чем свидетельствует летописная статья 1150 г. о пленении Глеба Юрьевича Изяславом Мстиславичем. Изяслав, захватив Глеба в Пересопнице, повез его в Дорогобуж, откуда возвращавшегося в Киев пленника сопровождал по Погорыньской земле уже не сам победитель, а его сын³⁸⁶. Вероятно, победителю нужно было засвидетельствовать факт низложения соперника только в двух старших городах региона. В том же году бежавший из Киева Изяслав Мстиславич, «зая Погорину», оставил для управления ею сына Мстислава в Дорогобуже. Однако преследовавший его Владимир Володаревич Галицкий «отя города все», изгнал дорогобужского правителя и посадил Мстислава Юрьевича в Пересопнице, таким образом переместив центр Погорыньской земли³⁸⁷.

По нашему мнению, за скупыми летописными строками о борьбе двух Мстиславов за погорыньские города скрывается соперничество общин, поддерживавших представителей разных ветвей «племени Владимирова». В тот момент более дальновидной оказалась пересопницкая община, сделавшая ставку на Юрьевичей. Сумевший удержаться в Киеве Юрий Долгорукий передал Погорынье наиболее опытному из сыновей — Андрею Юрьевичу, который «шедь седе в Пересопници»³⁸⁸. Политические позиции двух соперничавших городов отчетливо прослеживаются во время второго похода Изяслава Мстиславича на Киев, состоявшегося в том же 1150 г. Несмотря на все усилия Изяслава, который «пожег все Заречье», Пересопницу ему взять не удалось³⁸⁹. Ина-

---

³⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 386–387, 391, 393.

³⁸⁵ Там же. Стб. 394–395.

³⁸⁶ Там же. Стб. 395; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 16.

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 403–404; ПСРЛ. Т. VII. С. 48–49.

³⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 329.

³⁸⁹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 22.

че встретили князя в Дорогобуже: «вышедши Дорогобужьци с кресты и поклонишас»³⁹⁰.

По сведениям В. Н. Татищева, жители этого города не только признали Изяслава Мстиславича своим правителем, но и «довольно привезли» «запасов» для его войска³⁹¹. Примеру Дорогобужа последовал небольшой, недалеко от него расположенный Корческ³⁹², возможно, являвшийся его пригородом. Вокняжившись в Киеве, Изяслав Мстиславич, видимо, попытался сгладить противоречия между крупнейшими погорынскими центрами, оставив каждой общине признанного ею лидера и не выделяя из двух городов главного. Дорогобужскую общину в это время возглавлял брат и соратник «старейшего» князя Владимир Мстиславич, пересопницкую — Владимир Андреевич, племянник Юрия Долгорукого, сын давнего его союзника Андрея Владимировича Владимиро-Волынского³⁹³. Оба князя принимали участие в походах киевского войска на Галич в 1152 и 1153 гг.³⁹⁴

С вокняжением в Киеве Юрия Долгорукого обстановка в пограничном районе изменилась. Юрий Владимирович способствовал возвышению приверженной ему и его детям пересопницкой общины. В 1155 г. он изгнал из этого города Мстислава Изяславича³⁹⁵, а через два года здесь вновь обосновался Владимир Андреевич, получивший от киевского князя «все Погориньския городы»³⁹⁶. Именно сюда с предложением отступить от «старейшего» князя приезжал Мстислав Изяславич (1162 г.)³⁹⁷, на Пересопницу повел он свои войска, получив отрицательный ответ Владимира Андреевича³⁹⁸.

С конца 60-х гг. XII в. главным городом Погорынья вновь стал Дорогобуж. Это произошло при следующих обстоятельствах. В 1169 г.

---

³⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 410.

³⁹¹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 23.

³⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 410.

³⁹³ В 1157 г. Юрий Долгорукий говорил Владимиру Андреевичу: «Язь есмь с твоимъ отцемъ а съ своимъ братомъ Андреемъ хрестъ целоваль на томъ яко кто ся нао останеть то тыи будет обоимъ детемъ отецъ и волость оудержати а потомъ к тебе хрестъ целоваль есмь имети ты сыномъ себе» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 488).

³⁹⁴ Там же. Стб. 446, 465.

³⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; ПСРЛ. Т. II. Стб. 480; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 223.

³⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 488; ПСРЛ. Т. VII. С. 65; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 225.

³⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520; ПСРЛ. Т. VII. С. 76.

³⁹⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. С. 78.

организатор неудавшегося заговора против киевского князя Владимир Мстиславич Трепольский, намереваясь избежать наказания, решил укрыться в Дорогобуже, где раньше правил, а потому был хорошо известен³⁹⁹. Однако оказавшийся в городе Владимир Андреевич «перемета мость на Горине и не пусти его к себе»⁴⁰⁰. Князь-изгой Владимир Мстиславич от замысла занять дорогобужский стол, разумеется, не отказался, поэтому погорынский правитель, зная о планах соперника, переехал в этот город на постоянное место жительства⁴⁰¹. Переезд Владимира Андреевича был обусловлен стремлением не допустить вокняжения в Дорогобуже самостоятельного правителя и предотвратить раскол Погорынской земли на две обособленные соперничавшие группы городов. Владимиру Мстиславичу удалось осуществить задуманное только в 1171 г.: он захватил дорогобужский стол, обманув жену и приближенных умершего Владимира Андреевича⁴⁰². В 1173 г. погорынский правитель переехал на княжение в Киев, оставив старшей общине пограничного района-пригорода сына Мстислава⁴⁰³. В 1183 г. В Дорогобуже княжил Ингвар⁴⁰⁴, в 1208 г. — его сын⁴⁰⁵.

Под 1209—1211 гг. в источниках упоминается Мстислав Пересопницкий. Поскольку в 1211 г. болоховские князья выступили в поход под его руководством, этот князь, очевидно, управлял всей Погорынской областью⁴⁰⁶. Значит, в первой четверти XIII в. главным городом Погорынья опять стала Пересопница.

В последующие годы соперничества Дорогобужа и Пересопницы за лидерство в районе не прослеживается. По нашему мнению, это объясняется тем, что Погорынская и Верхнебужская области прекратили существовать как целостные социально-политические образования: они распались на небольшие обособленные общины, возглавлявшиеся самостоятельными князьями. Так, в источниках сохранились

---

³⁹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 446.

⁴⁰⁰ Там же. Стб. 537.

⁴⁰¹ Там же. Стб. 543, 546.

⁴⁰² Там же. Стб. 546—547.

⁴⁰³ Там же. Стб. 566.

⁴⁰⁴ Там же. Стб. 633.

⁴⁰⁵ Там же. Стб. 725.

⁴⁰⁶ Там же. Стб. 728—730.

сведения о правителях Тихомля (Александр, 1211 г.)⁴⁰⁷, Шумска (Святослав, 1223 г.)⁴⁰⁸, Межибожья (Борис, 1234 г.)⁴⁰⁹, болоховских князьях⁴¹⁰. В 1227 г. Пересопница была присоединена к Галицкой земле и передана Васильку Романовичу⁴¹¹. Поскольку взаимозависимости между городами Центрального Погорынья больше не существовало, не стало в регионе и главной общины: Дорогобуж и Пересопница превратились в рядовые южнорусские поселения.

Теперь рассмотрим, как складывались взаимоотношения Погорынской области и старшего города земли — Киева. Первые сведения о Погорынье как целостном социально-политическом образовании относятся к 1097 г.⁴¹², однако до 60-х гг. XII в. раздираемый внутренней межобщинной борьбой, этот район-пригород не предпринимал попыток противиться воле «киян». Разногласия начались в 1169 г., когда в результате установившейся стабильности во взаимоотношениях местных общин (которые уже более десяти лет подчинялись Пересопнице) они получили возможность заявить о себе на политической арене Киевской земли-государства. Правитель Погорынья Владимир Андреевич Пересопницкий, задумавший присоединить к своим «владениям» Берестье, оказался в числе заговорщиков, ставивших вопрос о перераспределении контролирувавшихся киевлянами волостных земель в интересах малых городов⁴¹³.

Решение по этому вопросу, принятое в том же году на переговорах под Вышгородом, видимо, не удовлетворило Владимира Андреевича. Владимир Мстиславич Трепольский, пытавшийся организовать новый заговор с целью пересмотра вышгородского соглашения, указывал на погорынского князя как на своего сообщника⁴¹⁴. Нас не должно смущать, что Владимир Андреевич не поддержал «союзника» и не пустил неудачливого заговорщика в Дорогобуж: в тот момент, как указывалось

---

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ ПСРЛ. Т. VII. Стб. 132; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 312.

⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

⁴¹⁰ Там же. Стб. 730, 734, 767, 774–775, 792.

⁴¹¹ Там же. Стб. 751.

⁴¹² Там же. Стб. 237.

⁴¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 533.

⁴¹⁴ Там же. Стб. 537.

выше, он думал не столько о расширении своей «волости», сколько о сохранении ее единства⁴¹⁵. Имеется еще одно свидетельство, позволяющее допускать сговор погорынского и трепольского лидеров. Поскольку мысль о невыгодном для Погорынья распределении киевских земель не давала Владимиру Андреевичу покоя, он в следующем 1170 г., воспользовавшись конфликтом между Ростиславичами и Мстиславом Изяславичем, стал у последнего «припрашивать волости», но получил отказ и «розгневавшись иде Дорогобужю»⁴¹⁶.

Пик борьбы Погорынской области-пригорода со старшим городом — это участие возглавляемых Владимиром Андреевичем войск в грандиозном походе 1171 г. на Киев⁴¹⁷. Согласно В. Н. Татищеву, погорынский правитель сыграл видную роль в подготовке этого похода, «более всех на Мстислава князей возмутил»⁴¹⁸. Поскольку изгнанный из Киева Мстислав Изяславич сразу же двинулся в Погорынье, где разгромил местные общины (несмотря на то, что они сдались на милость победителя)⁴¹⁹, можно с уверенностью сказать, что именно они вдохновили Владимира Андреевича идти на «киян» и поставили для этого свои ополчения. Идея о независимости, которую пытались воплотить в жизнь городские общины Погорынья, однако, так и осталась утопией. Не успев оправиться от удара, нанесенного Мстиславом Киевским, они оказались не в состоянии противостоять агрессивному западному соседу — усиливавшимся Галицкой и Владимирской землям-государствам, и в первой половине XIII в. попали от них в зависимость.

Юго-западные волости вступили в борьбу за Киевское Погорынье в конце XI в.⁴²⁰ В «Истории Российской» В. Н. Татищева содержатся наиболее ранние сведения о намерении владимирского князя утвердиться в Погорынье: стремление Ярополка Изяславича получить Дорогобуж было столь велико, что, узнав о передаче этого города Давыду Игоревичу (1084 г.), он «озлобился вельми на стрыя своего <...> и на-

---

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 543; ПСРЛ. Т. VII. С. 83.

⁴¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 544.

⁴¹⁸ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 93.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 546; ПСРЛ. Т. VII. С. 87; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 93.

⁴²⁰ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 115–121, 129.

чал войско собирать, с которым хотел к Киеву идти». В ответ Владимир Мономах ходил на Волынь и изгнал Ярополка из Владимира⁴²¹. По мнению С. М. Соловьева, последний был обижен на «старейшего» князя, распорядившегося владимирским городом Дорогобужем⁴²². Мы не можем согласиться с исследователем в том, что в 80-е гг. XI в. этот центр принадлежал Волынской земле. Граница между Киевской землей и Волынью определилась еще в 70-е гг. того же столетия: в 1077 г. «на Горыни» встретились братья Ярославичи — Изяслав, возвращавшийся из Польши и намеревавшийся силой добиваться «старейшего» стола, и занимавший этот стол Всеволод. Они помирились «на том, что Изяславу принять Киев со всею областью»⁴²³. В Древней Руси территориальные споры решались, как правило, в пограничных пунктах; следовательно, расположенный к востоку от реки Горыни Погорынский район в то время входил в состав Киевской земли. Еще один аргумент в пользу этого высказывания находим в показаниях Давыда Игоревича, согласно которым в 1097 г. Василько Ростиславич Теревольский замышлял «заять» погорынские города у «старейшего» князя Святополка⁴²⁴.

В 1117 г. владимирский князь Ярослав Святополчич попытался присоединить Погорынь к своим «владениям», однако успеха не добился, лишь вызвал ответный поход Владимира Мономаха на Волынь⁴²⁵. Владимирская община не сумела распространить свое влияние на пограничную киевскую область и в последующие годы. В 1139 г. «кияне» выступили в поход на Волынь, однако дошли только до Горыни, откуда «пополошившеся бежаша»⁴²⁶. Поскольку на всем пути до Горыни ополчение ни разу не вступило в битву с противником, можно предположить, что оно двигалось по киевской территории. В 1146 г. «выведенный» из Владимира Святослав Всеволодович получил от «старейшего» князя Верхнебужский район⁴²⁷, который,

---

⁴²¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 94–95.

⁴²² Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 364.

⁴²³ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 132.

⁴²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 237.

⁴²⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 132.

⁴²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; ПСРЛ. Т. II. Стб. 304–305.

⁴²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 330.

следовательно, был киевским пригородом. В 1162 г. погорынский правитель ответил отказом на предложение Мстислава Изяславича Владимирского изменить «старейшему» князю. Тогда лидер владимирской общины «пошел к Пересопнице, хотя его (Владимира Андреевича. — *И. М.*) изгнать или его области несколько отнять». Инцидент закончился походом союзных «киянам» войск, изгнавших Мстислава Изяславича из Владимира⁴²⁸.

С середины XII в. усилился интерес к пограничным городам со стороны Галича. Воспользовавшись тем, что в Киевской земле увлеклись борьбой княжеских группировок за власть и ослабили контроль над пригородами, Владимир Володаревич в период между 1150 и 1152 гг. присоединил Погорынье к Галицкой земле. Утвердившиеся в «Русской земле» Мстиславичи вернуть пограничные города не смогли. Так, в 1152 г. Изяслав Мстиславич ходил на Галич и добился от побежденного правителя клятвы передать их Киеву, которая, однако, не была сдержана: посадников «старейшего» князя в Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу не пустили⁴²⁹. Переговоры с Владимиром Володаревичем, а после его смерти с Ярославом Владимировичем⁴³⁰, вероятно, успехом не увенчались, т. к. В 1153 г. киевское ополчение снова выступило в поход на Галич⁴³¹. Лишь «старейший» князь Юрий Долгорукий, поддержавший воевавших с Владимирским государством галичан, добился восстановления границы Киевской земли по реке Горыни (1157). В пограничный район поехал княжить союзник Юрия Долгорукого Владимир Андреевич⁴³².

Борьба юго-западных земель-государств за Погорынье вступила в новую фазу на рубеже XII–XIII вв., когда власть Киева над пригородами значительно ослабла, а Галич и Владимир заметно усилились. Интересная информация о расстановке сил в западном пограничном регионе содержится в летописной статье под 1196 г. Согласно ей, выпросив у «старейшего» князя погорынский город Полоный, волянский

---

⁴²⁸ Там же. Стб. 520; ПСРЛ. Т. VII. С. 76; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 78.

⁴²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 454.

⁴³⁰ Там же. Стб. 461, 463–464.

⁴³¹ Там же. Стб. 465.

⁴³² Там же. Стб. 488; ПСРЛ. Т. VII. С. 65; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 225.

правитель Роман Мстиславич использовал его в качестве плацдарма для наступления на возглавлявшиеся Ростиславичами малые киевские города: «слышав же Рюрик аже ис Полоного ехавше воевали волость брата его Давыдовоу и сына его Ростиславлю»⁴³³. С конца XII в. Галич и Волынь постепенно, общину за общиной, подчиняли Погорынскую землю. В 1202 г. «вста» Рюрик Ростиславич Киевский на Романа Мстиславича, однако «оупреди Романъ скопя полкы Галичьские и Володимерькые и въеха в Русскую землю». Здесь в его войско влились «людь» из «городовъ русских», очевидно, тех, которые уже попали в сферу влияния галицкой и владимирской общин⁴³⁴. В 1211 г. Даниил Романович «прияста» Тихомль, в 1227 г. он передал брату Васильку Пересопницу. В том же году под власть Галича перешло Межибожье⁴³⁵.

Нам представляется, что продвижение юго-западных государств на восток отнюдь не было мирным процессом: погорынские общины оказали галицким и волынским войскам упорное сопротивление, которое возглавили болоховцы. В середине — второй половине XII в. Верхнебужская область-пригород, не дробившаяся киевскими князьями при передаче ее в кормление, представляла собой плотно спаянный узел небольших общин, одной из которых являлась болоховская. Она впервые упоминается в источниках под 1150 г.⁴³⁶ XII в. датируются нижние слои большого укрепленного поселения в городе Любаре Житомирской области, отождествяемого с «летописным» Болоховом⁴³⁷. В то же время с 1150 г. со страниц летописей исчезают известия о Божеском как центре Верхнебужского района. Под 1241 г. этот город упоминается среди мятежных городов, главным из которых был Болохов⁴³⁸. По нашему мнению, эти метаморфозы объясняются тем, что во второй половине XII в. функции старшего города Верхнебужской области перешли от Божского к Болохову. В первой четверти XIII в. Верхнебужский пригород как единое целое прекра-

---

⁴³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 697.

⁴³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 417.

⁴³⁵ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 730, 751, 753.

⁴³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 399. — О Болохове см.: Там же. Стб. 463, 549.

⁴³⁷ *Липко С. А.* Археологічна розвідка давньоруського міста Болохова // Археологія. 1973. Вип. 12. С. 95–98.

⁴³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 792.

тил свое существование: подобно центрально-погорынской общности, он распался на несколько разрозненных общин, возглавлявшихся собственными правителями. Болоховские князья, как называли их летописцы, таким образом, представляются нам не потомками родовой знати⁴³⁹ и не мелкими, обособившимися от Киева феодалами⁴⁴⁰, а правителями малых городских общин. Как отмечали еще дореволюционные исследователи, политика болоховцев «в отношении татар и князей была <...> делом целых общин, а не самих только каких-либо их руководителей или бояр»⁴⁴¹. В первой половине XIII в. верхнебужские городки поднялись на борьбу с галицкими и волынскими завоевателями.

Учеными установлено, что в это время нарастали противоречия между рядовым населением Галича, поддерживавшим «законного» князя Даниила Романовича, и местными боярами, опиравшимися на вооруженные отряды венгров⁴⁴². С целью усугубить раскол галицкой общины болоховцы приняли сторону бояр. Например, Глеб Зеремиевич и «иные князья Болоховские» находились среди венгров и воинов князя Александра – противника Даниила Романовича – на переговорах с последним в 1231 г.⁴⁴³ Через четыре года болоховские князья вместе с «неверными» галичанами осаждали «Даниловых бояр» в Каменце, но были захвачены последними в плен и отправлены во Владимир⁴⁴⁴. В 1241 г. верхнебужские ополчения ходили на галицкий пригород Бякоту⁴⁴⁵. Возможно, чтобы избежать распыления сил в борьбе на западном и восточном направлениях, где появились мон-

---

⁴³⁹ Дашкевич Н. П. Болоховская земля... С. 101–102; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. III. С. 156–157.

⁴⁴⁰ Мавродин В. В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 70; Раннопорт П. А. Города Болоховской земли... С. 54.

⁴⁴¹ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 158. — Схожие замечания высказывал и Н. П. Дашкевич (Дашкевич Н. П. Болоховская земля... С. 99).

⁴⁴² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 154; Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 11.

⁴⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 767.

⁴⁴⁴ Там же. Стб. 774–775.

⁴⁴⁵ Там же. Стб. 792.

голо-татары, верхнебужские городки приняли решение покориться кочевникам.

Освободительное движение пограничных киевских общин не локализовалось только в районе верхнего течения Южного Буга, оно охватило все Погорынье. Так, в 1208 г. на помощь звенигородцам, перекрывшим путь Даниилу Романовичу, пришли «многие вои» из Шумска и Дорогобужа. В Шумск бежал звенигородский князь, когда объединенное войско потерпело поражение⁴⁴⁶. В 1209 г. княгиня Анна и ее сын Даниил вернули себе галицкий стол, сведя с него боярина Володислава. Галицкие бояре бежали в Пересопницу, где пригласили местного правителя на княжение в их город. Предложение было принято, однако Галич Мстиславу пришлось завоевывать в битве с местным ополчением⁴⁴⁷. Несомненно, здесь за него сражались «люди» из Пересопницы. В 1234 г. В Полонном скрывался давний противник Даниила Романовича князь Александр⁴⁴⁸. Силы небольших разрозненных погорыньских общин и их противника — Галицкого государства были, однако, не равны. В 1241 г. Даниил Романович «пленивъ землю Болоховьскоую и пожегъ»⁴⁴⁹. Окончательный удар галицкий князь нанес в 1257–1258 гг.

Под предлогом борьбы с монголо-татарами Даниил Романович провел карательную операцию на всей территории Погорынья: он «посла Деонисия Павловича взя Межибожие потомъ же воевахоуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ а Лвови Побожье и люди Татарьския весне же бывши посла сына своего Шварна на Городокъ и на Семоць и на вси города и взя Городокъ и Семоць и все города седящия за Татары Городескъ и по Тетереви до Жедьчевьева». Жители Возвягля приняли тиуна, навязанного им Шварном, а белобережцы, чернятинцы и «вси Болоховци» прислали к галицкому князю посольства, выразив покорность. Заключительным эпизодом в неравной борьбе погорыньских городов с Галичем стал поход Даниила Романовича «в силе тяжьце» на возвяглян, препятствовавших его

---

⁴⁴⁶ Там же. Стб. 725–726.

⁴⁴⁷ ПСРЛ. Стб. 727–728.

⁴⁴⁸ Там же. Стб. 771–772.

⁴⁴⁹ Там же. Стб. 792.

ставленнику «тивоунити». Возягль был разорен так, что «токмо и головне ти псы течуще по городищю». Это произошло в 1258 г.⁴⁵⁰

Итак, мы попытались проследить, как развивался Погорынский район на протяжении XI – середины XIII в. По нашим наблюдениям, до 60-х годов XII в. здесь протекал процесс становления небольших территориальных общин, сосредоточения их вокруг трех крупнейших местных центров, сопровождавшийся борьбой Дорогобужа и Пересопницы за лидирующее положение в Центральном Погорынье, сменой главного города в Верхнебужской области. Затянувшиеся межобщинные распри явились причиной позднего вступления пригорода в борьбу с Киевом. Сначала борьба велась в завуалированной форме, когда местные правители участвовали в заговорах против «старейшего» князя. В 1171 г. она приняла открытый характер, когда погорыньские ополченцы двинулись походом на Киев, по окончании которого последовал ответный удар Мстислава Изяславича. Киевский князь сжег и разорил погорыньские городки, их население увел в плен. Некоторое время после этих трагических событий Киеву удавалось сохранять власть над Погорыньем, однако влияние старшего города в западном пограничном районе постепенно слабело. В то же время набиравшие силу Галич и Владимир все настойчивее стремились включить эту область в состав своих владений. Карательный поход Мстислава Изяславича и борьба с юго-западными государствами подорвали, а затем окончательно разрушили административно-территориальную структуру Погорыньской земли: в первой четверти XIII в. она распалась на ряд небольших общин, не имевших единого центра. Разобщенные города, несмотря на ожесточенное сопротивление (движение болоховцев), не смогли противостоять Галичу и Владимиру и в течение первой половины XIII в. были включены в состав их земель.

Подобно всем древнерусским государствам, Киевская земля состояла из старшей территориальной общины и пригородов. Наиболее крупные киевские города — Вышгород и Белгород «тянули» к «днепровской столице» непосредственно. Другие малые укрепленные поселения объединялись в компактные районы, в свою очередь, состоявшие из главных и зависевших от них более слабых центров. В конце

---

⁴⁵⁰ Там же. Стб. 838–839.

X в. племенные средоточия Вышгород и Белгород вступили в новую стадию развития. Они начали превращаться в центры территориальных общин. Вышгородская городская община сформировалась в 70-е гг. XI в., белгородская — позднее, в середине XII в. В борьбе со старшим городом Киевом они применяли различную тактику. Вышгородцы избрали путь открытой конфронтации. Они поддерживали непопулярных в Киеве Ольговичей, местный князь организовывал заговоры против «старейшего» правителя и военные походы на «днепровскую столицу». Белгородцы действовали иначе. Он сделали ставку на Мстиславичей—Ростиславичей и сохраняли им приверженность до монголо-татарского нашествия. В условиях нестабильной политической обстановки в Южной Руси неизменность политического курса белгородской городской общины способствовала ее сплочению, росту влияния в Киевской земле. В 80-е гг. XII в. Белгород обогнал в развитии все малые киевские города и продолжал усиливаться.

Наиболее крупным районом-пригородом в Киевской земле XI — первой трети XIII в. было Погорынье. По нашим наблюдениям, темпы становления городских общин в Белгороде и в крупных центрах Погорынья были приблизительно одинаковыми. В 80-е гг. XI в. появился княжеский стол в Дорогобуже — показатель определенной консолидации местного населения, к середине XII в. сформировалась переселенческая территориальная община. Тогда же на страницах летописей появляются упоминания о Верхнебужской области-пригороде с центром в городе Божском. Особенностью исторического развития Погорынья является ожесточенная внутрирегиональная межобщинная борьба, замедлявшая вступление этой области на путь борьбы за независимость от Киева. Разгром погорыньских городов киевским князем Мстиславом Изяславичем в 1171 г., а также длительная борьба их жителей с Волынью и Галичем обусловили разрушение административно-территориальной структуры западного пограничного района: он распался на мелкие разрозненные общины, которые оказались не в состоянии противостоять завоевателям из юго-западных земель.

На юге и востоке Киевской земли находились Поросский и Поднепровский районы-пригороды. Несмотря на то, что по темпам развития наиболее крупные из местных территориальных общин не отставали от городов, расположенных в центре Киевской земли (так, в

1149 г. был учрежден княжеский стол в Каневе, в 1161 г. — в Торческе, в 1162 г. — в Треполе), эти пригороды не проявляли стремления порвать узы зависимости от старшего города. Лишь в 90-е гг. XII в. местные князья предпринимали попытки самостоятельно, не согласовывая своих действий с киевским правителем, решать вопросы внешней политики. Стабильная приверженность поросских и поднепровских городов «днепровской столице» была обусловлена их геополитическим положением. Подверженные частым смертоносным вторжениям кочевых орд, они более, чем другие древнерусские общины, нуждались в покровительстве и помощи старшего города — Киева, в то время, когда последний, заинтересованный в обеспечении безопасности всей земли, жестко контролировал стратегически важные пограничные области. Важным рубежом в развитии малых киевских городов стало монголо-татарское нашествие.

ГЛАВА IV. МАЛЫЕ ГОРОДА ЧЕРНИГОВСКОЙ И ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЕЛЬ

В домонгольское время Днепровское Левобережье было плотно заселено. По письменным источникам известно 63 черниговских и новгород-северских города XI — середины XIII в.¹ Уже более столетия исследователи пытаются решить вопрос о границах Чернигово-Северской земли, определить количество размещавшихся на ее территории поселений². Их мнения неоднозначны, что объясняется малочисленностью сведений и лаконичностью летописных известий о малых городах этого региона, а также особенностями его развития.

Как указывалось во второй главе монографии, города Днепровского Левобережья возникли в VIII в., во время расселения на этой территории восточных славян — северян. Продвигаясь на восток от Днепра, они оседали небольшими племенами, каждое из которых строило укрепленный многофункциональный «град» — центр освоенной и заселенной округи. По нашим подсчетам, северяне основали не менее девяноста племенных центров. В IX—X вв. левобережные восточнославянские племена были «примучены» полянами и платили им дань. На рубеже X—XI вв. «суперсоюз» племен, возглавлявшийся стольным городом полян — Киевом, стал распадаться. На территории Днепровского Левобережья начался процесс формирования Черниговской и Переяславской земель, впоследствии, с середины

---

¹ Коваленко В. П. До типології літописних міст... С. 1.

² Голубовский П. Где находились существовавшие в домонгольский период города... С. 133; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Львів, 1905. С. 328; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 29, 58; Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 81; и др.

XII в. – Новгород-Северского государственного образования. В этих условиях местные пригороды, как отдельные общинные центры, так и компактные группы поселений, сплотившиеся в целостные социально-политические формирования, лавировали между Черниговом, старавшимся удержать их в сфере своего влияния, его противником Киевом, стремившимся использовать ресурсы левобережных земель в собственных интересах, и усиливавшимися Переяславлем и Новгородом-Северским, заинтересованными в расширении «тянувших» к ним территорий и создании суверенных волостей. Вследствие изменения политической ориентации пригородов менялись границы Черниговской и Новгород-Северской земель. Следует также помнить о том, что важным фактором во взаимоотношениях малых общин со старшими городами в юго-восточном регионе Древней Руси являлась непрерывная и жестокая борьба с кочевниками. Суровая жизнь в пограничном районе требовала от местного населения постоянной бдительности и обеспечения боеготовности всех вооруженных сил, их единства для немедленного отпора внезапно налетавшим степнякам.

Крупнейшим пригородом Чернигова был Новгород-Северский. Этот древнерусский город привлекал внимание многих историков, археологов и краеведов. Ему посвящена обширная историография, частично исследованная А. Н. Поляковым³.

Во второй половине X в. территория будущего города была застроена неукрепленными поселениями северян. «На территории Новгорода-Северского вначале были заняты три наиболее выгодных возвышенности: в районе Успенского собора (урочище Городок); место, где сейчас стоит Никольская церковь, и “Замковая гора”. Затем заселены пригодные для жизни промежутки — пологие склоны этих холмов и низины между ними, а также пространство за Безымянным (Зубрицким) ручьем к северо-западу от центра поселения. Во всех этих местах открыты роменские слои. В итоге освоенная площадь во второй половине X в. составила около 20 га», — пишет А. Н. Поляков⁴. В 80-е гг. X в. вокруг центрального холма, на котором, по преданию, в грандиозном каменном святилище местные соплеменники склонялись перед

---

³ Поляков А. Н. В граде Игоре... С. 7–28.

⁴ Там же. С. 49.

идолом могущественного божества (сейчас здесь возвышается Успенский собор), были возведены оборонительные сооружения. Здесь же находилась вечевая площадь, которая до конца XVIII в. называлась «Сборным местом». Некоторые исследователи считают, что тогда же была укреплена возвышенность, на которой сейчас стоит Никольская церковь⁵. Этот древний городок, по мнению А. Н. Полякова, называвшийся Северском, процветал до начала XI в. Население северской округи занималось земледелием, разводило скот, торговало с Хазарией, арабскими странами, соседними племенами — полянами, древлянами, балтами. Здесь трудились кузнецы, гончары, косторезы, ювелиры, строители. Последние возводили не только небольшие деревянные дома срубного и столбового типов, но, возможно, и каменные здания⁶.

На рубеже X–XI вв. Северск пережил трагедию, сопровождавшуюся грандиозным пожаром, который уничтожил старую племенную крепость. Согласно Н. Ф. Котляру, в последней четверти X в. она была разгромлена киевским князем. Затем на этом месте существовало «военное поселение»⁷. Какого князя-воителя имеет в виду историк, неясно: правившие в Киеве в последней четверти X в. Ярополк и Владимир с северянами не враждовали и, соответственно, их «грады» не разрушали. Более того, в условиях возросшей опасности со стороны печенегов в интересах Владимира Святославича (неумоимо укреплявшего обороноспособность Южной Руси) было мобилизовать все ее население на борьбу с кочевниками, а не разжигать конфликты между правобережными и левобережными восточнославянскими племенами из-за сожженных и разоренных в Подесенье крепостей.

А. Н. Поляков связывает уничтожение северянского городка с походом князя Бориса Владимировича на печенегов, в ходе которого вместо сражения с кочевниками киевские воины «оумиривъ грады вся възвратися вспять». По мнению исследователя, в 1015 г. полки

---

⁵ Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. С. 67–78; Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском. С. 280–281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1980 года. М., 1981. С. 259; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта). С. 103–105; Поляков А. Н. В граде Игореве... С. 50.

⁶ Поляков А. Н. В граде Игореве... С. 52–53.

⁷ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность... СПб., 1998. С. 256.

Бориса Владимировича сокрушили «первую городскую общину» Новгорода-Северского, которая оказывала сопротивление расширению киевского господства на территории Днепровского Левобережья⁸. В действительности причины разрушения племенного городка могли быть разные: и вторжения печенегов, и походы киевских князей с целью удержать местное население на стадии родо-племенных отношений, а следовательно, сохранить их данническую зависимость от «днепровской столицы», и насильственное обращение северян в христианство. В любом случае племенное средоточие в районе Успенского собора и Никольской церкви прекратило существование, а уцелевшее население округа после пережитой катастрофы возвело новый «град» на Замковой горе⁹. Он стал центром формировавшейся здесь территориальной общины, которая ориентировалась не на Киев, а на обособившийся от него Чернигов.

В первой половине XI в. местная городская община была еще слаба. Шел процесс консолидации местного населения и «чужаков», перебравшихся в Новгород-Северский из других славянских земель. Об этом свидетельствуют две печи-каменки, обнаруженные на Замковой горе. Северяне отопительные сооружения из камня не строили, следовательно их сложили обосновавшиеся здесь переселенцы¹⁰. До конца XI в. Новгород-Северский еще нуждался в покровительстве старшего города — Чернигова. Так, Владимир Мономах в «Поучении детям» вспоминал: зимой 1078/79 г. «...азъ шедъ с Черниговци <...> на заоутрее за Новымъ Городом разгнахомъ силыны вои Белкатгина а се мечи и полонъ весь отяхомъ»¹¹. Значит, сами местные жители одолеть половцев хана Белкатгина не могли. Черниговский князь Владимир Всеволодович хорошо знал об этом и поспешил им на помощь.

В конце XI в. новгород-северская община значительно усилилась: в это время к ней «тянули» несколько обширных сел и небольших крепостей¹². По предположению В. В. Мавродина, на Любечском съезде 1097 г. было принято решение об учреждении в Новгороде-Северском

---

⁸ Поляков А. Н. В граде Игоре... С. 49, 55–57.

⁹ Там же. С. 58–59.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 248.

¹² Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском. С. 280.

самостоятельного княжеского стола. Первым местным правителем стал Олег Святославич, родоначальник династии Ольговичей¹³. По мнению А. К. Зайцева, А. В. Кузы, В. П. Коваленко и А. П. Моцы, этот факт знаменовал возникновение «самостоятельного обширного княжества»¹⁴. Нам представляется, что если в конце XI в. в Новгороде-Северском и появился княжеский стол, то это свидетельствует только об определенной зрелости местной территориальной общины, которая еще не решалась вести самостоятельную политику и по-прежнему подчинялась старшему городу — Чернигову.

С конца XI в. до 40-х гг. XII в. летописцы о Новгороде-Северском не упоминали. Но археологические источники показывают, что в это время город переживал экономический подъем. В начале XII в. были перестроены крепостные сооружения «детинца», по окончании фортификационных работ «ширина вала стала превышать в подошве 12 м, что увеличило его мощность почти вдвое. Тогда же или чуть позже строится второй рубеж обороны», который охватил площадь около 30 га. В летописях эта часть Новгорода называется либо острогом, либо городом. Новая крепость окружала детинец с востока, юга и запада. Ее оборонительные сооружения состояли из рва, который имел глубину 5 м и ширину 11 м, вала и частокола. «За пределами крепости располагался открытый посад (15–20 га), а к северо-западу от городских укреплений за Безымянным ручьем находился Новгород-Северский подол или “конец” — “Заручей” (около 10 га). В целом площадь города составляла в то время не менее 50 га. В первой половине XII в. окончательно складывается планировочная структура Новгорода-Северского». Как и прежде, в XII в. местные жители занимались земледелием, скотоводством, промыслами, но в это время Новгород-Северский стал также крупным ремесленным и торговым центром¹⁵.

---

¹³ *Мавродин В. В.* Очерки по истории Левобережной Украины... С. 209. — Историографию вопроса о появлении княжеского стола в Новгороде-Северском см.: *Поляков А. Н.* В граде Игореве... С. 61–62. — А. Н. Поляков считает первым князем Новгорода-Северского Святослава Ольговича, правившего здесь с 1141 г. (Там же. С. 72).

¹⁴ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 78; *Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П.* Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1988. С. 57.

¹⁵ Описание города см.: *Поляков А. Н.* В граде Игореве... С. 67–71.

Усилившийся город вновь попал в поле зрения летописцев в тот момент, когда наметился раскол Черниговской земли на два государственных образования. В 1141 г. изгнанный из Новгорода Великого Святослав Ольгович «не оуладися» с киевским князем Всеволодом Ольговичем «о волостехъ», после чего переправился через Днепр, проехал почти всю Черниговскую землю, но остановился и обосновался в Новгороде-Северском¹⁶. Может быть, северяне приняли соперника Всеволода Ольговича именно потому, что еще совсем недавно «старейший» князь возглавлял черниговскую общину? Может быть, таким образом они выражали неповиновение старшему городу Чернигову? Лаконичность записи под 1141 г. позволяет высказывать по этому поводу только догадки.

Через год, в 1142 г., Ольговичи обратились к киевскому правителю с просьбой наделить их, наряду с Черниговской землей, также Новгород-Северской «волостью»¹⁷. По нашему мнению, эту просьбу следует рассматривать как отклик Рюриковичей на свершившийся факт сплочения подеснинских общин в единое социально-политическое образование, а также как их ответ жителям новгород-северской «волости», стремившейся обособиться от Чернигова. Наметился раскол Черниговской земли, и обеспокоенные этим правители старшего города, Давыдовичи, предприняли срочные меры, чтобы его предотвратить. В 1146 г. они при поддержке киевлян, переяславцев и берендеев вторглись в Новгород-Северскую землю, «бишася много» у стен ее главного города, но взять его не смогли. Тогда Давыдовичи «пославше же по селомъ пожгоша жита и дворы»¹⁸. Шесть лет готовилась разоренная земля к ответному походу. Ставку делали на союз с Юрием Долгоруким. В 1150 г. его дочь вышла замуж за «Олега Святославича северского». В 1151 г. В Новгороде-Северском «съ честию» приняли разбитого киевлянами Юрия Долгорукого «и повозы да ему», чтобы тесть местного князя благополучно вернулся в Суздальскую землю¹⁹.

---

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 309.

¹⁷ Там же. Стб. 311.

¹⁸ Там же. Стб. 330–332, 334.

¹⁹ Там же. Стб. 445; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 15.

В 1152 г. мятежная община вступила в открытую борьбу с Черниговом. Почти месяц ее ополчение осаждало старший город и отступило, лишь получив известие о подходе киевского войска на помощь оборонявшимся²⁰. Сняв осаду, киевские ратники двинулись в Северскую землю, пожгли окрестности и острог ее главного города, но «детинец» взять не смогли²¹. По договору со «старейшим» князем, Изяславом Мстиславичем Киевским, Святослав Ольгович Новгород-Северский обязался «учиненные убытки Черниговской области заплатить или 2 города Изяславу Давыдовичу дать»²². И тем не менее это соглашение отвечало интересам населения Новгород-Северской земли. Поскольку здесь ничего не говорилось о подчинении ее Чернигову, договор, вероятно, предоставлял право местным жителям самостоятельно «володеть» этим регионом.

Через шесть лет новгород-северская община одержала еще одну победу над Черниговом. Разбив черниговское ополчение, Святослав вокняжился в старшем городе²³. В 60-е гг. XII в. Новгород-Северский стал крупнейшим центром среди малых городов, размещавшихся на территории водораздела рек Днепра, Десны и Сейма. Поэтому здесь княжили кандидаты на черниговский стол. Так, в 1164 г. Святослав Всеволодович Новгород-Северский, как старший в княжеском роду, поехал править в Чернигов, а Олег Святославич занял освобожденный стол по тому же праву наследования²⁴.

В княжение Олега Святославича борьба возглавляемой им общины с Черниговом разгорелась с новой силой. В 1167 г. он попросил у черниговского князя новых «волостей», что свидетельствует о возросших территориальных претензиях формировавшейся Новгород-Северской земли. Святослав Всеволодович эту просьбу не удовлетворил, его неуступчивость привела к вооруженному конфликту. По мирному договору, заключенному в том же году, к Новгороду-Северскому отошли 4 черниговских города²⁵. Следующее столкновение произош-

---

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 338–339; ПСРЛ. Т. II. Стб. 457–458.

²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 459–460.

²² *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 42.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 490.

²⁴ Там же. Стб. 522–523; ПСРЛ. Т. VII. С. 77; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 79.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 526; ПСРЛ. Т. VII. С. 78.

ло в 1174 г.: «воевашеть Олегъ Святославлю волость Черниговскую волость», черниговцы в свою очередь «пожъже волость его и много зла створивъше»²⁶. На следующий год новгород-северский князь опять «зача рать». Ополчение старшего города снова выступило в поход; одержав победу над местными общинниками в поле, оно подошло к Новгороду-Северскому и сожгло его острог²⁷. Поражение 1175 г. несколько охладило воинственный пыл северян, поэтому до 80-х гг. XII в. их отношения с черниговцами были мирными. Более того, в 1177 г. их князь оказал поддержку черниговскому правителю в его борьбе за Киев²⁸.

Вопрос о статусе Новгород-Северской земли во второй половине XII – начале XIII в. дискуссионен. Одни ученые полагают, что она была независима от Чернигова. По мнению П. В. Голубовского, Новгород-Северский стал «главным городом удельного княжества» в 1141 г.²⁹ Согласно М. С. Грушевскому, А. К. Зайцеву, А. В. Кузе, В. П. Коваленко и А. П. Моце, суверенное «Новгород-Северское княжество» образовалось еще раньше, в 1097 г.³⁰ При этом А. К. Зайцев пишет, что на протяжении XII в. оно постепенно включалось в сферу влияния Чернигова, а местный княжеский стол превращался из равноправного в «младший, второй»³¹. Иначе считали Д. И. Иловайский и М. Н. Тихомиров, которые не находили достаточных оснований для вывода о суверенности этого региона³². Полагаем, что последнее мнение ближе к истине.

Действительно, с одной стороны, эта земля предстает как независимая. В 1185 и 1191 гг. местный князь, не согласовав своих действий с черниговским правителем, организовал походы в Степь³³. В 1224 г.,

---

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 579.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 367; ПСРЛ. Т. II. Стб. 599–600.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 604.

²⁹ Голубовский П. История Северной земли до половины... С. 14.

³⁰ Грушевский М. С. История Украины–Руси. Т. II. С. 337; Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 78; Куза А. В., Коваленко В. П., Моца А. П. Чернигов и Новгород-Северский. С. 57.

³¹ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 78, 87, 112.

³² Иловайский Д. И. История России. Т. I. М., 1906. С. 274; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 348.

³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 637–643, 673. — В «походе» Игоря Святославича 1185 г. черниговские полки участия не принимали. Правда, следует отметить, что новго-

не сообщив в главный город, жители Новгорода-Северского открыли ворота монголо-татарам³⁴. С другой стороны, до конца XII в. не определились границы Новгород-Северской земли. Так, по мнению П. В. Голубовского, они передвигались «смотря по тому, куда причисляется Сновская тысяча. Если Сновская волость соединена с Черниговом, то восточной границей последнего со стороны Новгород-Северского является р. Мена; если Сновская тысяча переходит к Новгороду-Северскому, то восточной границей Чернигова служит р. Сновь; если, наконец, Сновская волость отдается Стародубу, то черниговской границей с Стародубом (т. е. с отчисленной к нему Сновской волостью) является р. Сновь, а границей Новгорода-Северского со Стародубом (т. е. опять с той же Сновской тысячью) служит р. Мена»³⁵. Различные суждения о западных рубежах Новгород-Северской земли высказали М. С. Грушевский и А. К. Зайцев. Первый проводил их по р. Убеди, крайним черниговским городом считал Сосницу³⁶. Второй исследователь прочерчивает границу западнее, по правому берегу р. Снови и далее на север по р. Бабли. При этом Сновск, Ропеск, Стародуб и Синин мост оказываются на новгород-северской территории³⁷.

Теперь рассмотрим вопрос об устройстве Новгород-Северской земли. Подобно другим древнерусским государствам, она состояла из старшей и младшей общин. Одним из пригородов здесь был Путивль.

Территория, на которой формировался «летописный» Путивль, была заселена еще в VIII–X вв. Укрепленные поселения отдельных родовых коллективов находились в урочищах Городок, Никольская Горка, Подмонастырская Слобода и Коптева Гора. В конце X в. в жизни местного населения произошли важные изменения: «жители роменских поселений на Никольской Горке и Коптевой Горе оставили их, забрав все сколько-нибудь ценное имущество, и переселились в более

род-северский князь «оу Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича Прохорова вноука с Кооуи Черниговскими» (Там же. С. 638). Можно лишь гадать, насколько подробно он оповестил Ярослава Всеволодовича Черниговского о целях и масштабе подготовленной им военной операции.

³⁴ Там же. Стб. 745.

³⁵ Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города. С. 133.

³⁶ Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. II. С. 328.

³⁷ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 81.

безопасное место» — в цитадель, находившуюся в урочище Городок (на правом берегу Сейма, при впадении в него небольшой речушки, впоследствии названной Путивлькой). Вскоре крепость реконструировали, прежде всего, укрепили оборонительные сооружения, и обновленный центр округа начал развиваться в «детинец» древнерусского Путивля, а на заброшенных поселках появились могильники. Интересно, что при этом археологи не обнаруживают следов насильственного прекращения жизни на опустевших поселениях³⁸. Полагаем, что причиной переселения путивлян было естественное развитие местного общества, переживавшего стадию разложения родоплеменных отношений и становления новых социальных связей. Центром зарождавшейся территориальной общины стала крепость в урочище Городок.

На страницы летописей Путивль попадает только в XII в. В это время он предстает значительным городом с сильным ополчением, способным выдерживать даже натиск киевских ратей³⁹. Путивльская община имела собственного князя. В 1146 г. им был Игорь Ольгович, в 1159 г. — Олег Святославич, в 80-е гг. того же столетия — Владимир Игоревич, по предположению В. А. Богусевича, правивший здесь и в 1203 г. В 1223 г. «поутивлице» «придоша коньми» на Калку тоже со своим князем⁴⁰. О богатстве и влиянии местных общинников свидетельствует факт возведения ими храма Вознесения, руины которого были обнаружены на «детинце» «летописного» центра⁴¹.

Уже в середине XII в. Путивль настолько усилился, что стал принимать участие в межобщинной борьбе крупных городов Южной Руси. Так, в 1146 г. Изяслав Мстиславич Киевский целовал крест путивлянам, вероятно, обещая не разорять их город. Этот факт И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко расценили как признание «старейшим» князем

---

³⁸ Сухобоков О. В. К возникновению и ранней истории Путивля // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 120–123.

³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 333.

⁴⁰ Там же. Стб. 329, 638, 742; ПСРЛ. Т. VII. С. 71, 73, 130; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956 С. 346; Богусевич В. А. Розкопки в Путивльському кремлі // Археологія. 1963. Т. XV. С. 174; Рапов О. М. Княжескіе владенія на Русі. С. 106, 108, 221.

⁴¹ Иловайский Д. И. История России. Т. I. С. 284; Богусевич В. А. Розкопки в Путивльському кремлі. С. 172.

«цельного и полноправного сообщества» местных жителей⁴². «Приведение» князя к «кресту» состоялось при следующих обстоятельствах.

В 1146 г. путивляне оказались вовлеченными в межволостную борьбу Новгорода-Северского и Чернигова. Пока хватало сил, они поддерживали Новгород-Северский, но, исчерпав все ресурсы, сдались киевскому правителю Изяславу Мстиславичу⁴³. П. В. Голубовский полагал: в этом случае «путивльцы рассчитали, что выгоднее признать власть князя, находящегося далеко, чем подчиниться централизации, причем они ставили преграду Давыдовичам»⁴⁴. Трудно согласиться с историком в том, что в XII в. шел процесс объединения Чернигово-Северских земель. Напротив, в то время крупные земли-государства разлагались на более мелкие, и движущей силой этого процесса выступали пригороды, стремившиеся к обособлению от старших общин. В событиях 1146 г. Путивль предстает еще верным Новгороду-Северскому пригородом, действующим в русле его политики. Цель этой политики, как верно подметили И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, — нанести «завуалированный удар по Чернигову», «пусть даже с опорой на Киев»⁴⁵.

Но киевский князь, на поддержку которого рассчитывали путивляне, не оправдал их надежд. Когда черниговский князь с союзниками «пристоупиша къ граду и не вдашася имъ Поутивлечи дондоже приде Изяславъ съ силою Киевскою, онем же крепко бьющимся съ града, поехаста Давыдовича и рекоста имъ не беитеся целоумы на то святую Богородицю оже не дати вас на полонь они же не дашас имъ, и приде Изяславъ Мьстиславичъ с полкы своими к нимъ они же выслашас къ Изяславоу Мьстиславичю и поклонишас емоу и тако рекоша есмы ждали княже а челоуи к намъ хреть». Тогда «Изяславъ же целова к нимъ хреть и посадника ихъ выведе а своего оу нихъ посади». Затем, вопреки ожиданиям местных жителей, киевляне начали грабить и разорять Путивль. Прежде всего они опустошили находившийся здесь «двор» новгород-северского князя Святослава Ольговича: «и скотьнице бретьянице и товаръ иже бе немочно двиг-

---

⁴² Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 96.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 333.

⁴⁴ Голубовский П. История Северной земли. С. 127.

⁴⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 96.

ноути и въ погребех было 500 берковьсковь медоу а вина 80 корчагъ». С ужасом смотрели путивляне, как киевские ратники «церковь святого Възнесения всю облоупиша съсуды серебряныя и индитьбе и платы слоужебныя, а все шито золотом и каделниче две и кащи и еоувангелие ковано и книги и колоколы и не оставише ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 соть и приде Святославоу весть оже Изяславъ Мъстиславичъ пришелъ и городъ его взялъ и вся яже в немъ»⁴⁶. К тому же после ухода киевского ополчения в Путивле остался «посадник» старейшего князя.

Между тем формировалась Путивльская волость. Упоминание о ней находим в летописи под 1152 г.⁴⁷ Вполне возможно, что во второй половине XII в. путивляне предпринимали попытки разорвать узы зависимости от Новгорода-Северского, однако сведения источников на этот счет очень противоречивы. Так, под 1159–1160 гг. в разных летописях помещен рассказ о трехдневной безуспешной осаде Путивля. Согласно Ипатьевскому своду, в 1160 г. во время княжения в Киеве Изяслава Давыдовича «воева Гюргии Ярославичъ ис Турова къ Путивлю»⁴⁸. По Воскресенской летописи, в 1159 г. город осаждал правивший в Выре Изяслав Давыдович⁴⁹. По сведениям В. Н. Татищева, поход к Путивлю и его осаду возглавил «Изяслав Давыдович, князь великий», то есть правивший уже в Киеве, который «по малой вражде о владениях со Святославом Ольговичем (Новгород-Северским. — И. М.) умыслил на него воевать»⁵⁰. Если верить известиям первых двух источников, то речь идет о междоусобной борьбе небольших пригородов, действовавших независимо от старших городов. У В. Н. Татищева Путивль, напротив, — еще тесно привязанный к Новгороду-Северскому центр, принявший на себя главный удар киевских ратей, воевавших по всей земле Святослава Ольговича. Под теми же датами в указанных источниках зафиксирован еще один факт, который, если судить по данным Ипатьевской и Воскре-

---

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 333–334.

⁴⁷ Там же. Стб. 458. Примеч. 63. — См. также: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 42.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 505.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 71.

⁵⁰ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 69.

сенской летописей, свидетельствует о возросшей самостоятельности Путивля — если принять версию В. Н. Татищева — указывает на тесную взаимосвязь старшей и младшей общин. Имеется в виду известие об избиении Олегом Святославичем Путивльским половцев⁵¹. В первых двух источниках нет сведений о том, что он согласовывал свои действия с новгород-северским князем, согласно же В. Н. Татищеву, «Святослав же Ольгович *послал* сына Ольга с войски, которой, дошед, половцов побил и князя их Сантуза убили» (выделено мной. — *И. М.*)⁵². Попытки противостоять старшему городу были лишь первыми шагами на пути борьбы за независимость.

В домонгольский период формирование Новгород-Северского государства не завершилось, из него в суверенную волость не выделялась Путивльская земля. Так, в 1183 г. новгород-северский князь Игорь Святославич привечал в Путивле шурина — бежавшего из Галича Владимира Ярославича⁵³. В 1185 г. путивляне под руководством своего правителя Владимира Игоревича приняли участие в организованном Игорем Святославичем походе в Степь⁵⁴. Здесь же ждала известий об Игоре и Владимире Евфросинья Ярославна⁵⁵. За военную операцию, организованную новгород-северским князем, расплачивались путивляне: «Идоша по онои стороне к Поутивлю Кза оу силахъ тяжкихъ и повоевавши волости и села ихъ пожгоша же и острогъ оу Поутивля и возвратишася во свояси»⁵⁶.

Крупными новгород-северскими пригородами были также Трубеч и Рыльск⁵⁷. Первое летописное упоминание о Рыльске относится к 1152 г., когда здесь состоялись переговоры Святослава Ольговича Нов-

---

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 505; ПСРЛ. Т. VII. С. 71; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 69.

⁵² *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 69.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 634.

⁵⁴ Там же. Стб. 638; Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы / Под ред. В. И. Стеллецкого. М., 1965. С. 43.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. С. 57.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 648–649.

⁵⁷ Не можем согласиться с В. А. Кучкиным, считающим Рыльск и Трубеч удельными городами Черниговского княжества. — См.: *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII вв. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 76.

город-Северского и его союзника Юрия Долгорукого⁵⁸. В 1185 г. ополчения этих городов, возглавлявшиеся местными князьями, принимали участие в печально известном походе на половцев⁵⁹. Под руководством своего князя трубчане участвовали и в битве на реке Калке⁶⁰. Укрепленное поселение, отождествляемое с древнерусским Трубечем, находится в юго-восточной части современного города Трубчевска Брянской области, на правом берегу Десны. Оно состоит из «детинца» (0,2 га) и окольного города (3,6 га), в домонгольское время защищенного валами и рвом. Этот памятник неоднократно изучался археологами. Здесь были обнаружены разновременные жилища и хозяйственные ямы, а на территории окольного города — фундамент каменной церкви второй половины XII — начала XIII в. и майоликовые плитки, украшавшие пол богатого красивого храма⁶¹.

Возможно, княжеский стол существовал еще в одном пригороде Новгорода-Северского — в Глухове. В 1169 г. бежавший в Рязань опальный заговорщик Владимир Мстиславич «жену остави с дитятама в Глухове оу Всеволозии»⁶². Присутствие в северском городке княгини «Всеволозии» предполагает наличие здесь княжеского стола, который, в свою очередь, можно рассматривать как показатель определенной зрелости местной общины⁶³.

Новгород-Северский, формировавший новую землю-государство, стремился к расширению ее территории. На западе он вел борьбу с Черниговом за Сновск и Стародуб, на юге — с Переяславлем Южным за Вырскую область.

Сновск (Седнев) — один из древнейших городов Днепровского Левобережья. Б. А. Рыбаков и С. С. Ширинский датировали его воз-

---

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 459

⁵⁹ Там же. Стб. 637–638.

⁶⁰ Там же. Стб. 742.

⁶¹ Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 81–82.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

⁶³ Некоторые исследователи расценивали появление княжеских столов в Путивле, Рыльске и Трубече как показатель превращения этих городов в столицы «удельных феодальных княжеств» (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 346; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 90; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 119, 130, 134, 221; Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 77). По нашему мнению, учреждение в древнерусском городе княжеского стола свидетельствует о зрелости местной территориальной общины.

никновение VIII — началом IX в.⁶⁴ Вопрос о статусе Сновска вызывает разногласия ученых. Так, Д. Я. Самоквасов и М. Ф. Владимирский-Буданов считали его в течение всего домонгольского периода общинным центром⁶⁵, Б. А. Рыбаков — «протогородом», средоточием нескольких славянских укрепленных поселений, эволюционировавшим в феодальный город⁶⁶. По мнению П. П. Толочко, это был феодальный город, один из «центров древнерусской государственности»⁶⁷. Е. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина полагают, что Сновск был «погостом» — поселением киевских дружинников, которое было основано с целью сломить сопротивление местной племенной знати⁶⁸. Из их рассуждений следует, что выполнив свои функции, «погост» прекратил существование. Однако Сновск упоминается в летописях и в более позднее время — в статьях под 1068 и 1149 гг. На вопрос о том, каким был статус города в то время, исследователи не дают ответа.

В летописной статье под 1149 г. упоминается термин «Сновская тысяча», также неоднозначно трактуемый учеными⁶⁹. Согласно Д. Я. Самоквасову и М. Ф. Владимирскому-Буданову, это «сновская волость» в составе Черниговской земли⁷⁰, по Б. А. Рыбакову, — «гнездо» укрепленных поселений, форпост борьбы с кочевниками. Его общественное устройство историк представлял как «далекий прообраз казацких полков XVI—XVII вв.»⁷¹ По мнению А. К. Зайцева, летописный термин обозначал административно-территориальную единицу в феодальном государстве⁷².

---

⁶⁴ Рыбаков Б. А. Политическое и военное значение южной «Русской земли»... С. 76; Ширинский С. С. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (по материалам курганов IX—X вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 320–321.

⁶⁵ Самоквасов Д. Я. 1) Исследования по истории русского права. Вып. I. С. 56; 2) Северянская земля и Северяне... С. 35, 38; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 79.

⁶⁶ Рыбаков Б. А. Политическое и военное значение... С. 76.

⁶⁷ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 71, 76.

⁶⁸ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города. С. 106–110.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

⁷⁰ Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне... С. 38; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 79.

⁷¹ Рыбаков Б. А. Политическое и военное значение... С. 76.

⁷² Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 88.

Дореволюционные исследователи локализовали «Сновскую тысячу» в районе нижнего течения реки Снови и на правом берегу Десны до устья реки Мены⁷³. А. Н. Насонов «расширил» территорию этой области, включив в ее состав Стародуб и Новгород-Северский. Историк предположил, что «Сновская тысяча как организованная территория — более древнее образование, чем Новгород-Северское княжество, иначе тысяча называлась бы не Сновской, а Новгород-Северской»⁷⁴. А. К. Зайцев согласился с мнением А. Н. Насонова о принадлежности в середине XII в. «Сновской тысяче» Стародуба, однако поставил под сомнение вопрос о вхождении в нее в то время Новгорода-Северского. Исследователь считает, что «раннефеодальная территориальная единица» с центром в Сновске (Седневе) возникла в X в. в результате «государственного освоения» Черниговской земли. Тогда в ее состав мог входить и Новгород-Северский. В 1097 г. Олег Святославич переместил центр «тысячи» в Новгород-Северский. По мнению исследователя, это было сделано для того, чтобы сломить сопротивление усиливавшейся княжеской власти со стороны «сложившейся феодальной знати» Седнева и Стародуба. Тогда же Сновское территориальное образование вошло в состав Новгород-Северского «княжества». В середине XII в. «Сновская тысяча» выделилась «в целом или своей составной частью — Стародубом» в самостоятельную волость⁷⁵.

В свете археологических исследований, интенсивно проводившихся в Сновске (Седневе) в 80-е гг. XX в.⁷⁶, эволюция этого древнерусского города представляется нам следующим образом. В VIII в. на территории современного села Седнев Черниговского района одноименной области существовало несколько родовых поселков, сосредоточенных вокруг племенного центра — городка в урочище Орешня. Укрепленное поселение в Орешне координировало жизнь местной округи до середины X в. Тогда же, в VIII — середине X в., по нашему мнению,

---

⁷³ Обзор мнений дореволюционных историков по этому вопросу см.: Там же. С. 81.

⁷⁴ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 58–59.

⁷⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 81–88.

⁷⁶ Коваленко В. П. 1) Исследования летописного Сновска. С. 271–272; 2) Новые исследования летописных городов Чернигово-Северской земли // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 53.

сложилась «Сновская тысяча» — административно-территориальный племенной округ, в военное время выставивший ополчение всех проживавших здесь взрослых мужчин. В середине X в. соплеменники пережили какую-то трагедию, в результате которой городок в Орешне опустел. Вскоре на территории «Сновской тысячи» появилось укрепленное поселение в урочище Коронный замок, которое стало ее новым социальным центром. Впоследствии городок «Коронный замок» превратился в «детинец» древнерусского Сновска, возглавившего уже не племя, а формировавшуюся соседскую обину. В XII в. местная община значительно разрослась, и на заброшенном поселении в урочище Орешня возобновилась жизнь.

Во второй половине XI в. Сновск подчинился Чернигову. Так, в 1068 г. «половцемъ воюющимъ около Чернигова. Святославъ же собравъ дружину и неколико ихъ изыде на ня ко Сновьску», где и разбил кочевников⁷⁷. Связь этих двух городских общин подтверждает также археологический материал X—XI вв. из седневского могильника⁷⁸. Следующий раз Сновск упоминается в летописи под 1149 г. Согласно Ипатьевской летописи, «Святославъ Ольговичъ (Новгород-Северский. — *И. М.*) поча емоу (Владимиру Давыдовичу Черниговскому. — *И. М.*) молвити держиши отчину мою и тогда взя <...> Сновскоую тысячу оу Ислава (Изяслава Давыдовича, брата черниговского правителя — *И. М.*)»⁷⁹. П. В. Голубовский полагал, что эта запись отразила переход Сновска в состав Новгород-Северской земли⁸⁰. Мы не можем согласиться с этим мнением, потому что в 1149 г. Святослав Ольгович считал местную общину уже своей отчиной. А. Н. Насонов верно подметил тесную взаимосвязь трех городов — Седнева (Сновска), Стародуба и Новгорода-Северского — в более ранних событиях. Он обратил внимание на летописную статью 1147 г., сообщающую о том, что жители всех этих городов поддерживали князей Ольговичей, замышлявших «лестью оубити» Изяслава Мстиславича Киевского. Однако историк сделал ошибочный вывод о принадлежности указанных общин одному территориально-политическому образованию —

---

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 172; Т. II. Стб. 161.

⁷⁸ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 88.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

⁸⁰ *Голубовский П. В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города. С. 131.

«Сновской тысяче»⁸¹. В 1149 г. Святослав Ольгович считал Сновск своей отчиной, которая лежала за пределами его владений, значит, в свою очередь, его стольный город Новгород-Северский находился вне территории «тысячи». Нет достаточных оснований и для того, чтобы включать в нее Стародуб. По нашему мнению, «Сновская тысяча» в летописной статье 1149 г. — это устаревший к XII в. термин, некогда обозначавший племенную территорию. Теперь он применялся для обозначения соседской общины Седнева или, возможно, небольшого округа, «тянувшего» к нему. В целом, указанная запись отражает один из эпизодов борьбы черниговской и новгород-северской общин за Сновск (Седнев).

Как уже говорилось, Новгород-Северская земля-государство вела борьбу с Черниговом также за Стародуб. Археологические материалы свидетельствуют о существовании этого города с конца X в.⁸², однако в летописях он впервые упоминается только в конце XI в. В «Поучении детям» Владимира Мономаха Стародуб предстает черниговским пригородом. Во время правления Владимира Всеволодовича в Чернигове этот малый город разорили половцы, и тогда он, князь старшей общины, немедленно собрал ополчение и повел его на выручку стародубцам⁸³. В 1096 г. община Стародуба предоставила убежище Олегу Святославичу, которого черниговцы считали «своим» князем, но не смогли защитить, когда на него ополчились киевляне и переяславцы. Местные общинники не только укрывали князя-изгоя, но и «крепко» сражались за него с киево-переяславскими полками. Они понесли большие потери, но знатного беглеца не выдали, и только когда стали «изнемогать» в осаде, «выиде Олегъ из города хотя мира»⁸⁴. Как верно заметили И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, в данном случае жители Стародуба действовали «в унисон с главным городом» — Черниговом⁸⁵.

Сведений о Стародубе первой половины XII в. не сохранилось, когда же этот город вновь попал в поле зрения летописцев (40-е гг.

---

⁸¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории ... С. 58.

⁸² Григорьев А. В. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1988. С. 74.

⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 248.

⁸⁴ Там же. Стб. 230; ПСРЛ. Т. II. Стб. 220–221; Татищев В. Н. История Российская. Т 2. С. 104.

⁸⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 89.

того же столетия), он уже «тянул» к Новгороду-Северскому. Так, в 1141 г. находившийся здесь Святослав Ольгович вел переговоры с киевским князем о «волостях». Не удовлетворенный их результатом, он поехал в Новгород-Северский, где и остался править⁸⁶. Связь двух городов прослеживается также в событиях 1147 г. Тогда Давыдовичи вокняжились в крупных центрах Чернигово-Северской земли. Владимир Давыдович стал князем черниговским, а общины Стародуба и Новгорода-Северского признали своим лидером Изяслава Давыдовича⁸⁷. Оба центра опять предстают вместе в 1154 г. На этот раз Святослав Ольгович Новгород-Северский хлопотал за Святослава Всеволодовича Стародубского перед Юрием Долгоруким, после чего все три союзника выступили в поход на Чернигов⁸⁸. Летописная статья под 1154 г. интересна также тем, что содержит первые сведения о самостоятельном княжеском столе в Стародубе. В русле античерниговской политики Новгорода-Северского действовали стародубцы и в 1156 г., когда поддержали Святослава Владимировича, захватившего у дяди Изяслава Давыдовича Черниговского «все города Подеснеския»⁸⁹.

В 60-е гг. XII в., в период обострения взаимоотношений Новгорода-Северского и Чернигова, старший город попытался вернуть стародубскую общину в состав своих владений. Вероятно, ему удалось это сделать, потому что в 1167 г. она непосредственно подчинялась распоряжениям черниговского князя. В том году Святослав Всеволодович передал Стародуб своему брату Ярославу⁹⁰. Возвращение под власть Чернигова местную общину не устраивало: «Стародубци бо прислалися бяху ко (новгород-северскому князю. — *И. М.*) Олгови», однако в ожидании подхода его войска не сумели устоять перед полками Ярослава Всеволодовича, которые заняли город. Летописец пояснил: «...оупереди помочь Ярославля в городъ и горожаномъ нелзе бе мысли своя створити». Разгневанный «неверностью» союзников,

---

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 309.

⁸⁷ Там же. Стб. 342; Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 172.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 344; Т. II. Стб. 477; Т. VII. СПб., 1856. С. 63.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 484; Т. VII. С. 64–65; Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 56.

⁹⁰ В летописной статье под 1159 г. Ярослав Всеволодович упоминается как князь Ропеска — ближайшего к Стародубу черниговского пригорода (ПСРЛ. Т. II. Стб. 502; Т. VII. С. 70; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 112).

Олег Святославич повернул против них оружие и «много (стародубцев. — *И. М.*) взя в полонь». Вслед за этим местное ополчение под руководством князя Ярослава Всеволодовича ходило на Новгород-Северский⁹¹. В 1175 г. Олег Святославич предпринял попытку вернуть Стародуб, однако успеха не добился⁹². Больше о древнерусском Стародубе летописцы не упоминали.

На перекрестке оживленных торговых магистралей из Посулья в Курское Посеймье, в чрезвычайно важном в стратегическом отношении регионе⁹³ сформировалась Вырская область-пригород — типичное для Южной Руси социально-территориальное образование, состоявшее из старшей и младших соседских общин с «тянувшими» к последним городками-спутниками. Старшему городу Вырю здесь подчинялись Зартый, Вяхань (был основан в конце XI в.), окруженный четырьмя селами Попаш (возник в середине XII в.), «Юрьево городище на усть Курицы», рядом с которым размещались два обширных неукрепленных поселения, безымянный городок на правом берегу р. Терн. В середине XII в. было построено Бабаковское городище. Проводивший здесь раскопки Ю. Ю. Моргунов охарактеризовал его как «пригород» Вяханя. В конце того же столетия рядом с Бабаковским городищем в урочище Боярское была возведена крепость-убежище для окрестного населения⁹⁴.

В конце XI — первой половине XII в. вырские городки зависели от Переяславля Южного. Поэтому княживший в Переяславле Владимир Мономах и Святополк Изяславич Киевский защищали их от половцев. Владимир Всеволодович Мономах писал, что они ходили «к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ хотеша (это поселение. — *И. М.*) взять»⁹⁵. В 1128 г. в городках Вырской области правили посадники Ярополка Владимировича Переяславского⁹⁶. В 1147 г. Святослав Все-

---

⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 525–526; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. С. 81.

⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 599–600.

⁹³ Здесь пролегал «степной коридор», разделявший густые лесные массивы верховьев Сулы и левого берега Сейма, — прямой и кратчайший путь из половецкой Степи на Киев.

⁹⁴ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 96; *Моргунов Ю. Ю.* 1) Летописный город Вяхань // СА. 1982. № 2. С. 237–245; 2) Летописный город Попаш // СА. 1985. № 1. С. 241–248.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 250.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 291.

володович и Глеб Юрьевич «послашася к Выревцемъ рекоуче оже ны ся не придасте дамы вы Половцемъ на полонь. Они же рекоша имъ князь оу нас Изяславъ (Мстиславич, признанный лидер киевлян. — *И. М.*) и не дашас имъ и оттоуду идоша къ Вяханю и томуу не оуспеша ничтоже а оттоуда идоша к Попашю. Тоу приде к ним Изяславъ Давыдовичъ и бишася и взяша Попашь»⁹⁷. Из приведенной записи хорошо видно, что в 1147 г. пригороды Выря последовали примеру старшего города, а он сохранял приверженность Переяславлю, в то время подчинявшемуся киевскому князю. По наблюдениям А. Н. Насонова, В. В. Мавродина, И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, Переяславль Южный вплоть до монголо-татарского нашествия «не обрел окончательной политической самостоятельности» и оставался «аванпостом Киева в борьбе со степью»⁹⁸.

Однако, как заметил еще Д. И. Багaley, «владеть» Вырской областью стремились не только переяславцы, но и община Новгорода-Северского⁹⁹. Некоторые летописные данные позволяют сделать вывод о переходе в 1160 г. этой группы пограничных городков под его власть. Здесь представляет интерес статья под 1160 г., содержащаяся в Ипатьевской и Воскресенской летописях, Московском летописном своде конца XV в. и в тех письменных источниках, которыми пользовался В. Н. Татищев. Согласно Ипатьевской летописи, тогда «воева Георгии Ярославичъ ис Турова къ Путивлю. Выревци же затворишася от него и не пустиша его к собе. Онъ же оттуда възвратився иде в Зартыи и ту перебивъ иде опять възвратився оу Вырь»¹⁰⁰. У В. Н. Татищева инициатором этого похода выступает киевский князь Изяслав Давыдович. Взяв Вырь, он двинулся к Путивлю. Святослав Ольгович Черниговский уговаривал противника, «чтоб перестал области его и сыновца его воевать»¹⁰¹. При разночтениях в указанных источниках улавливается общая направленность сообщения летописца — речь здесь идет о борь-

---

⁹⁷ Там же. Стб. 356.

⁹⁸ *Мавродин В. В.* Очерки по истории Левобережной Украины... С. 157; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории... С. 67; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 102.

⁹⁹ *Багaley Д.* История северской земли до половины XIV столетия // Сборник сочинений студентов Университета Св. Владимира. Киев, 1882. Вып. 4. С. 187.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 505.

¹⁰¹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 69.

бе новгород-северских пригородов, одним из которых была Вырская область (представленная старшей общиной и городом Зартым), с ополчениями, пришедшими из Киевской земли.

Иначе переданы события 1160 г. в Воскресенской летописи и Московском летописном своде конца XV в. Здесь в поход на Олега Святославича Путивльского выступил Изяслав Давыдович Вырский. Взять Путивль ему не удалось. По возвращении из похода разочарованные выревцы «не пустиша» Изяслава Давыдовича в свой город. Князь-изгой уступил им, но из области-пригорода не уехал: «перебывъ» в Зартом, он через некоторое время вернулся в Вырь¹⁰². В этих летописных сводах Изяслав Давыдович изображен еще вырским, а не киевским правителем. Он возглавлял малые городские общины, упорно сопротивлявшиеся полкам Новгорода-Северского и его пригорода Путивля, которые пытались включить Вырскую область в состав своих земель.

Возникает вопрос: в каких источниках сохранилась более достоверная информация? По нашему мнению, в Московском летописном своде конца XV в. и Воскресенской летописи, о чем косвенно свидетельствует и составитель Ипатьевского свода, который в статье под 1160 г. указывает, что Изяслав Давыдович тогда был еще вырским, а не киевским князем. Однако в Ипатьевской летописи сообщается о действиях князя уже как служебника новгород-северской общины. В том же году он водил полки на Чернигов. Этот поход следует рассматривать в русле античерниговской политики Новгорода-Северского. Отметим также, что статья Ипатьевского летописного свода о событиях 1160 г. — убедительное свидетельство общинного строя в Древней Руси: не князь (потерпев поражение от черниговцев, Изяслав Давыдович бежал к кочевникам), а города, выставившие ополчения для участия в неудачном походе, расплачивались с торжествовавшими победителями. Святослав Ольгович Черниговский «пришедь ко Выреви и пожже острогъ около города <...> и шедше к Зарытому и ту пожгоше и много зла створивше»¹⁰³.

По мнению А. К. Зайцева, связь Вырской и Новгород-Северской земель явственно прослеживается и в событиях 1185 г. Исследователь полагает: «Территория Выря оказалась в результате гибели Игоревых

---

¹⁰² ПСРЛ. Т. VII. С. 71; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 67.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 506–508.

дружин незащищенной, что свидетельствует в пользу того, что она тянула к Новгороду...»¹⁰⁴. Одновременно с переходом вырских городков в состав Новгород-Северской земли наблюдается усиление этого небольшого пограничного района-пригорода. Так, в 1160 г. его возглавлял самостоятельный князь — Изяслав Давыдович, а после бегства последнего к кочевникам здесь попытался удержаться Иван Ростиславич Берладник¹⁰⁵.

В то время, когда на западных и южных рубежах Новгород-Северской земли разгорелась борьба за освоенные и плотно заселенные территории, на северо-восточной ее окраине шел процесс колонизации малолюдного «лесного края». В XII в. район междуречья Десны и верховьев Оки с городами Корачевом, возможно, Домагощем, Мценском, Спашем и Кромом считался подвластным Новгороду-Северскому. В 1146 г. в Корачеве пытался найти прибежище новгород-северский правитель Святослав Ольгович, которого преследовал вокняжившийся в Киеве Изяслав Мстиславич. Святослав Ольгович мобилизовал все ресурсы «лесного» пригорода «и воеваша оу Корачева много» с киевским князем и его союзниками. Когда же силы иссякли, он бежал за пределы Новгород-Северской земли: «за лесъ оу Вятиче»¹⁰⁶.

Итак, в середине XII в. сформировалась городская община Новгорода-Северского. Дальнейшее ее развитие следует рассматривать в рамках незавершившегося к середине XIII в. процесса становления Новгород-Северского государственного образования, сопровождавшегося ожесточенной борьбой за независимость от старшего города Чернигово-Северской земли — Чернигова. В то же время Новгород-Северский стремился расширить территорию «тянувшей» к нему земли за счет черниговских городских центров Сновска и Стародуба, переяславской Вырской области, слабо заселенного «лесного края». Борьба за эти земли шла с переменным успехом. Наиболее значительным новгород-северским пригородом была городская община Путивля, ранний этап становления которой реконструирован нами

---

¹⁰⁴ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 97.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 505–506. — Правда, следует заметить, что маленькая пограничная область считалась невыгодным кормлением. Так, Изяслав Давыдович жаловался: «Оу Выри не могу голодомъ мерети» (Там же. Стб. 517).

¹⁰⁶ Там же. Стб. 335–336; Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 101.

на основе исследования археологического материала. Княжеские столы — свидетельство определенной зрелости местных общин — существовали также в Трубече, Рьльске и Глухове.

Немногочисленные и лапидарные заметки летописцев о других черниговских пригородах в совокупности с археологическими материалами позволяют высказать только отдельные замечания об общественном устройстве этих поселений и об их участии в общественной жизни Днепровского Левобережья¹⁰⁷. В междуречье Днепра и Десны выявлено 24 городища и около 120 селищ, размещавшихся «кустами». На большинстве из этих памятников прослеживается культурный слой древнерусского времени. Центрами «кустов» поселений, располагавшихся западнее Чернигова, были Любеч, Листвен и Оргоц¹⁰⁸.

Дореволюционные ученые считали Любеч крупным торговым городом¹⁰⁹, историки и археологи XX в. вслед за Б. А. Рыбаковым¹¹⁰ характеризовали его как феодальный замок¹¹¹. При этом остается неясным, каким образом один из самых влиятельных восточнославянских городов X в., вместе с другими крупнейшими центрами «Русской земли» получавший дань из Константинополя¹¹², превратился в

---

¹⁰⁷ Здесь мы рассматриваем только города, расположенные в пределах обозначенного в настоящей монографии региона.

¹⁰⁸ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 91.

¹⁰⁹ Самоквасов Д. Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 132; Голубовский П. История Северной земли... С. 31; Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 270–271.

¹¹⁰ Рыбаков Б. А. 1) Раскопки в Любече в 1957 году С. 27–34; 2) Любеч — феодальный двор Мономаха... С. 21–23; 3) Первые века русской истории... С. 87–91; 4) Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965). Т. I. М., 1965. С. 36–38; 5) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 423–428.

¹¹¹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. С. 7. Примеч. 15; Ваганова А. Н. Древнерусский феодальный замок XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1985. С. 6; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 91. — Заметим, что предложенные А. Н. Вагановой критерии для определения поселения феодальным замком — небольшие размеры укреплений, слабо развитое ремесло и отсутствие посада (Ваганова А. Н. Древнерусский феодальный замок... С. 4) — неприемлемы для Любеча.

¹¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 31. — О значимости Любеча в X в. см. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 45, 313. Примеч. 12.

заурядный «феодальный замок». Некоторые исследователи писали о Любече как о поселении с «городским характером», но при этом утверждали, что оно было феодальным центром¹¹³. По нашему мнению, в X в. Любеч был племенным средоточием, в XI–XII вв. — ядром городской территориальной общины.

На рубеже X–XI вв. в жизни местной округи произошли важные изменения. Ее центр переместился с горы Лысица, где находилось племенное средоточие, на Мазепину гору. Здесь уже существовало небольшое поселение, которое стало развиваться в «детинец» древнерусского города¹¹⁴, а последний, в свою очередь, возглавил формирующуюся соседскую общину. В конце XI в. консолидированная любечская община играла заметную роль в политической жизни Южной Руси. Об этом свидетельствует тот факт, что именно здесь было решено проводить княжеский съезд 1097 г.¹¹⁵ В середине XII в. князья и бояре стремились получить кормление в Любече, потому что управление этим городом приносило немалые доходы. Современник-летописец указывал: здесь «есть вся жизнь», то есть сосредоточено все богатство черниговских Рюриковичей¹¹⁶. О состоятельности местной общины свидетельствует то, что в центре города, разумеется, на ее средства, был возведен большой дворцовый комплекс. Здесь жил приглашенный для управления общиной князь, заседали его «думцы»-бояре, собирались для решения насущных дел рядовые любечане¹¹⁷.

Однако, несмотря на богатство, на значительную роль в политической жизни Южной Руси, Любеч (расположенный в центре «Русской земли», на границе часто воевавших Киевской и Черниговской «волостей») вплоть до монголо-татарского нашествия оставался пригородом Чернигова, безропотно повиновавшимся старшему городу. Например, в 1135 г., в период обострения взаимоотношений между соседними землями-государствами, Ярополк Владимирович Киевс-

---

¹¹³ Довженко В. И. Феодальный маеток в эпоху... С. 15; Коваленко В. П. До типології літописних міст... С. 2.

¹¹⁴ Богусевич В. А. Походження і характер древньоруських міст Наддніпрянщини... С. 38; Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече... С. 29.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 231.

¹¹⁶ Там же. С. 361.

¹¹⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 426.

кий «пошел к Любечу на области черниговские»¹¹⁸. В 1147 г. сторонник «старейшего» правителя Ростислав Мстиславич «Любець пожегль и много воеваль и зла есмь Олговичемь много створиль»¹¹⁹. В 1148 г. киевское войско опять разорило окрестности этого города¹²⁰. В 1152 г. к Любечу приблизились полки Юрия Долгорукого — союзника воевавшей с черниговцами новгород-северской общины. На этот раз к любечанам подоспела помощь: смоленский князь Ростислав Мстиславич двинулся наперерез противнику «и оупреди перед ним к Любечу перед Гюргемь и якоже бе оугадаль с братом своимь Изяславом (киевским правителем. — И. М.) пойти в Черниговъ в помочь Изяславу Давыдовичю»¹²¹. В 1159 г. Святослав Ольгович Черниговский назвал это поселение среди семи принадлежавших ему городов Днепровского Левобережья¹²². Последнее летописное известие о домонгольском Любече относится к 1180 г., когда Святослав Всеволодович Киевский, стремившийся удержать в своих руках Чернигов, собрал здесь «братью свою» — князей, правивших в городах Днепровского Левобережья, для заключения «ряда» (договора) с ними¹²³.

К юго-востоку от Любеча находился древнерусский Листвен. Этот город, упоминавшийся в летописях (в статье под 1024 г.)¹²⁴, локализуется у села Малый Листвен Репкинского района Черниговской области¹²⁵. Здесь открыт комплекс археологических памятников, включающий в себя два городища и курганный могильник древнерусского времени. Каждое городище (одно функционировало в конце X — начале XI в., другое, на правом берегу р. Белоус, существовало с рубежа XI—XII вв.) окружено неукрепленными поселениями. В 2 км выше по течению реки Белоус обследовано обширное селище в урочище Лесковое (датируется X—XI вв.)¹²⁶.

---

¹¹⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 146.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 357.

¹²⁰ Там же. Стб. 361–362.

¹²¹ Там же. Стб. 456.

¹²² Там же. Стб. 500; ПСРЛ. Т. VII. С. 69.

¹²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 612–613.

¹²⁴ Там же. Стб. 135.

¹²⁵ *Коваленко В. П., Шекун А. В.* Летописный Листвен (К вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4. С. 62–73.

¹²⁶ Там же. С. 67–70.

Проводившие здесь раскопки В. П. Коваленко и А. В. Шекун полагают, что селище в урочище Лесковое появилось в X в. Это было «открытое торгово-ремесленное поселение», которое контролировало путь «из Варяг в Греки» по Днепру на отрезке Любеч — Чернигов. «Лесковое» было центром небольшой округи. В конце X столетия его функции перенял городок Листвен. На рубеже XI—XII вв. на правом берегу р. Белоус был построен «феодальный замок»¹²⁷.

Нам представляется, что две местные общины: одна, проживавшая на территории современного села Малый Листвен, и вторая, «тянувшая» к домонгольскому Любечу, — развивались одинаково. В округе, освоенном лиственцами, как и у соседних любечан, тоже наблюдается передвижка центра с территории главного племенного поселения «Лесковое» на новое место. Здесь вокруг возведенного в конце X в. городка начала формироваться соседская община. На рубеже XI—XII вв. у Листвена появился пригород — укрепленное поселение на правом берегу реки Белоус.

На правом берегу Десны, юго-западнее Чернигова, в древнерусское время существовали города Лутава и Моровийск. П. П. Толочко считает их киевскими поселениями¹²⁸. Однако есть прямые указания на то, что это были городские центры Черниговской земли. Так, в 1159 г. Святослав Ольгович называл Моровийск и расположенный к северу от него Оргощ среди семи центров, подчинявшихся Чернигову¹²⁹. В 1175 г. князя Киевской земли сожгли Лутаву и Моровийск, потому что они находились на территории соседнего, Черниговского государства¹³⁰. Неоднократно упоминавшиеся летописцами как важные стратегические пункты и места встречи князей, эти три города (Лутава, Моровийск и Оргощ), разумеется, являлись значительными территориальными общинами¹³¹.

Власть Чернигова распространялась также на «задесненские» города — располагавшуюся вдоль левых берегов Десны и Сейма, в вер-

---

¹²⁷ Там же. С. 73.

¹²⁸ Толочко П. П. Киевская земля... С. 8.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 500.

¹³⁰ Там же. Стб. 599.

¹³¹ Сведения о летописных упоминаниях Лутавы и Моровийска собраны П. П. Толочко. (Толочко П. П. Киевская земля... С. 8), об Оргоще см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 500; Куза А. В. Малые города Древней Руси. С. 81.

ховьях рек Остра и Сулы группу укрепленных поселений. В нее входили «летописные» Уненеж, Всеволож, Белая Вежа, Бахмач, Глебль, укрепленное поселение, существовавшее на месте современного районного центра Борзна Черниговской области¹³². В 1147 г. претендент на киевский великокняжеский стол Изяслав Мстиславич «взяша Всеволожь градъ на щить и ина в немъ бяста два города вошла. Слышавше инии гради Оуненежь, Белавежа, Бохмачъ оже Всеволожь взять и побегоша Черниговоу и инии гради мнози бежаша». Не всем «задесненским» общинникам удалось добраться до Чернигова. Изяслав Мстиславич перехватил «ты три города, а инии (более мелкие общины. — И. М.) оудоша» и спаслись за крепкими стенами столицы. Разгневанный князь приказал сжечь городки беглецов. Узнав о случившемся, жители Глебля оказали ему упорное сопротивление. Когда полки Изяслава и его брата и союзника Ростислава Мстиславича Смоленского «поидоша къ градуу», глебльцы «начаша битися ись града крепко бьющимся и бишас наченъше съ заоутра и до вечера». Мужественные защитники Глебля отстояли свой город¹³³.

Эта яркая иллюстрация из жизни «задесненских» поселений интересна не только тем, что свидетельствует о демократизме социально-политической организации местного общества, но также тем, что подтверждает факт существования в середине XII в. целостного черниговского района-пригорода с центром во Всеволоже. Именно сюда, в главный город района, «вошли» жители двух «задесненских» поселений. Остальные общины, получив известие о том, что Всеволож взят, а следовательно, ни организованной обороны, ни военной помощи не последует, приняли решение уходить в старший город земли — Чернигов. В 1159 г. Святослав Ольгович Черниговский, перечисляя пригороды стольного «града» на Десне, назвал среди них и Всеволож. Вероятно, князь имел ввиду не отдельный город, а всю Задесненскую область во главе с упомянутой им общиной¹³⁴.

---

¹³² Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА АН СССР. 1983. Вып. 175. С. 73; Куза А. В. Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 30–31. Табл. 1. □ 425, 426, 466, 467, 468, 1100.

¹³³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 358–359.

¹³⁴ Там же. Стб. 500.

Из черниговских общин, размещавшихся к востоку от главного города, определенной степени консолидации достигли березыйская и ропеская. Так, под 1156 г. в источниках упоминается лидер первой из них — князь Святослав Владимирович¹³⁵, под 1159 г. — правитель Ропеска Ярослав Всеволодович¹³⁶. Данные об остальных малых городах (Блистовите, Хороборе, Соснице) единичны, они не позволяют высказать даже отдельных замечаний по поводу их устройства и особенностей развития.

В XI — первой трети XIII в. на территории Днепровского Левобережья также шел процесс формирования Переяславской земли-государства¹³⁷. Аналогично Киевской и Черниговской землям она состояла из старшей общины и ее пригородов. Последние, в свою очередь, подразделялись на центры, непосредственно «тянувшие» к главному поселению, и городки, объединявшиеся в социально-территориальные общности. Непосредственно Переяславлю Южному подчинялись Городец-Остерский, Баруч, возможно, Устье и некоторые поселения, редко упоминавшиеся в летописях. Все эти центры находились в непосредственной близости от старшего города. В плотно заселенном, отдаленном от Переяславля районе, охватывавшем бассейн рек Сулы, Ромена и правый берег Удая в нижнем его течении, складывалась пограничная область — пригород.

Согласно Ипатьевской летописи, Городец-Остерский был основан в 1098 г. Владимиром Мономахом¹³⁸. Однако В. Н. Татищев утверждал, что Владимир Всеволодович не построил новую цитадель, а восстановил укрепления на ранее существовавшем поселении, некогда сожженном кочевниками¹³⁹. Существование Городца-Остерского до первого упоминания его в летописной статье 1098 г. допускают дореволюционный историк В. Г. Ляскоронский и археолог М. П. Кучера¹⁴⁰.

---

¹³⁵ Там же. Стб. 484–485; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 104.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 502; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 112.

¹³⁷ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 100–102.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 248.

¹³⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 121.

¹⁴⁰ Там же. С. 121; *Ляскоронский В.* История Переяславльской земли. С. 172; *Кучера М. П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескворный. М., 1975. С. 139.

В конце XI в. это поселение было переяславским центром. Поэтому Владимир Мономах, тогда княживший в Переяславле, и руководил работами по возведению здесь оборонительных сооружений. Связь Городца-Остерского с родным городом Владимира Всеволодовича прослеживается и в событиях 1135 г. Тогда этот малый город был взят Ольговичами, наступавшими в направлении Переяславля¹⁴¹. В последующие годы в Городце-Остерском прочно утвердились Юрий Долгорукий и его сыновья, что некоторые исследователи рассматривают как превращение переяславского пригорода в «самостоятельное удельное владение»¹⁴². Нам представляется, что социальное положение этого поселения в XII в. было иным.

Городец-Остерский возглавлял территориальную общину, отношения которой с Юрьевичами строились на основе договора, «ряда», а не владельческого права князей на этот округ. Юрий Долгорукий закрепился здесь не ранее 30-х гг. XII в. — в период ожесточенной борьбы, которую вели черниговская¹⁴³ и, возможно, переяславская общины с Киевом¹⁴⁴. Городец-Остерский размещался на перекрестке дорог, связывавших столицы противоборствовавших государств, поэтому был поставлен перед необходимостью перехода в состав одного из них. Судя по размерам (к «детинцу» площадью 0,75 га примыкали два укрепленных сектора в 4,8 га и около 25 га) и наличию небольшой церкви¹⁴⁵, в то время городская община была значительным центром, способным самостоятельно решить вопрос о своей дальнейшей судьбе. Связанная с Переяславлем, она сохранила приверженность этому городу.

Как показывают события 40-х гг. XII в., вопросы внутренней политики и взаимоотношений с Рюриковичами, правившими в Киеве, в

---

¹⁴¹ *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 2. Стб. 146.

¹⁴² *Мавродин В. В.* Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 10; *Кучера М. П.* Переяславское княжество... С. 139; *Коринный Н. Н.* Переяславская земля в X – первой половине XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. С. 14; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. С. 74.

¹⁴³ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 93–98.

¹⁴⁴ К этому времени переяславская община уже сформировалась (Там же. С. 100).

¹⁴⁵ *Богусевич В. А.* Остерский городок // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 37–42; *Кучера М. П.* Переяславское княжество... С. 139; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. С. 77.

Переяславле решались неоднозначно. Часть местных горожан добивалась замены популярных в Киеве Мстиславичей своими ставленниками — Юрием Долгоруким и его потомками. Фрондирующая вечевая группировка, вероятно, начала складываться еще в 30-е гг. XII в., когда Юрий Долгорукий вступил в борьбу за переяславский княжеский стол. Неприятие ею Мстиславичей — показатель усиливавшихся противоречий между Киевом и формировавшейся Переяславской землей. В этих условиях общинники Городца-Остерского отказались от союза и с популярными в Киеве Мстиславичами, и с признанными лидерами Чернигова — Ольговичами. Они сделали ставку на стремившегося утвердиться в Переяславской земле Юрия Долгорукого¹⁴⁶.

В 1135 г. Юрий Владимирович не сумел удержаться на переяславском столе, который занял его брат Андрей. Однако община Городца-Остерского, вероятно, продолжала признавать его своим князем, потому что в 1141 г. Всеволод Ольгович Киевский именно у Юрия «заял» этот город¹⁴⁷. Ольговичи правили в Городце-Остерском до 1146 г. Сначала местная община была включена в состав «владений» киевского князя, но в 1142 г. Всеволод Ольгович передал ее в кормление брату Игорю¹⁴⁸. Последний в 1146 г. был изгнан из этого города Изяславом Мстиславичем, вскоре вокняжившимся в Киеве. Однако городчане недолго ему подчинялись, поскольку в 1147 г. «еха Гюргевичъ Глебъ и зая Городокъ отень оу Изяслава»¹⁴⁹. Складывается впечатление, что Глеб Юрьевич относительно легко отвоевал «отчинный» городок у сильного противника — киевского князя. Разумеется, успех его военного предприятия в значительной степени был обусловлен поддержкой местных жителей, которые сохраняли приверженность роду Юрия Долгорукого.

В конце 40-х — 50-е гг. XII в. городецкая община, возглавлявшаяся сыновьями Юрия Долгорукого, приняла активное участие в борьбе Переяславля с Киевом. В 1147 г. местный князь Глеб Юрьевич дал обещание «старейшему» правителю Изяславу Мстиславичу приехать в

---

¹⁴⁶ О борьбе Юрия Долгорукого за Переяславль см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 295–297.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 308.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 312.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 359.

Киев. Во время этой встречи князя, вероятно, предполагали обсудить вопрос о статусе Городца-Остерского и управлении им. Однако Глеб Юрьевич своего слова не сдержал. Вместо обещанного визита он «послушавъ же (боярина. — *И. М.*) Жирослава рекоуша емоу поиди Переяславлю хотять тебе Переяславци»¹⁵⁰. Возможно, совет Жирослава не был голословным: боярин довел до сведения князя мнение вечевой группировки «перемышлян», ориентированной на Юрьевичей. Однако сторонники Глеба Городецкого оказались в меньшинстве, и его надежды вокняжиться в Переяславле не оправдались. Когда войско Глеба Юрьевича подошло к старшему городу, возле его стен уже стояло ополчение во главе с Мстиславом Изяславичем Переяславским — ставленником киевской общины. Сын Юрия Долгорукого потерпел поражение и вернулся в Городец-Остерский. Вскоре к этому переяславскому пригороду подошли киевские полки, которые привел Изяслав Мстиславич. Местные общинники три дня выдерживали осаду, но силы были неравны: «Гюргевичъ же оубоявъся и выеха из Городка и поклонися Изяславоу и оумирися с ним. Изяславъ же оузвратися Киевоу»¹⁵¹. Примечательно, что, изгнав сына Юрия Долгорукого из Городца-Остерского, «старейший» князь не стал мстить местным общинникам и не подверг их поселение разорению. По-видимому, он считал его переяславским пригородом в составе киевских «владений».

Если в 1147 г. городчане не только признали Глеба Юрьевича своим лидером, но и встали на его защиту, то в следующем году, разочарованные его военными поражениями, они вынудили князя покинуть их город. Вскоре после заключения договора с Изяславом Мстиславичем, воспользовавшись борьбой киевского и чернигово-северских князей, Глеб Юрьевич вернулся в Городец-Остерский.

В 1148 г. он предпринял еще одну попытку овладеть Переяславлем, причем и на этот раз опирался на вечевую группировку, выступавшую против киевского подручника Мстислава Изяславича, правившего в городе на Трубеже. Но и эта попытка обернулась неудачей.

---

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 139; Т. II. Стб. 360; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 179.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 319; Т. II. Стб. 359–360; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 179.

Летописи свидетельствуют: «Свещався Гюргевиичъ Глебъ с Переяславци и еха к нимъ из Городца». Изяславич же выступил против него с преданными ему переяславцами. Последних оказалось больше, чем сторонников Глеба. Городецкий князь решил, что переяславцы его предали и, не вступив в сражение, побегал. Соратники Мстислава «постигающе дружиноу его изоимаша; а другья избиша». Сын Юрия Долгорукого бежал в Городец-Остерский. Однако местные жители, возмущенные недальновидной политикой князя, потерявшие много воинов около Переяславля, отказались подчиняться Глебу Юрьевичу. По словам летописца, князь Глеб «не стерпя в нем (Городец-Остерском. — И. М.) быти бежа к Черниговоу к Володимироу Давыдовичю»¹⁵².

Следующие летописные сообщения о Городце-Остерском отражают события 1150 и 1151 гг. Они, как и предыдущие, свидетельствуют о том, что население переяславского пригорода продолжало поддерживать Юрьевичей и было тесно связано с той группой вечников в старшем городе на Трубеже, которая противостояла киевской общине и их лидерам — Мстиславичам. В 1150 г. правивший в Киеве Юрий Долгорукий «оубоявся Киянь зане имеютъ переветь ко Изяславу и брату его и еха ис Киева и иде в Городок». Здесь Юрий Владимирович собрал ополчение и отправил его на «помощь» своему сыну — переяславскому князю Ростиславу, который в то время готовился оборонять город на Трубеже от приближавшихся войск Мстиславичей¹⁵³. Между тем Юрьевичи стянули в Городец-Остерский полки чернигово-северских городов для похода на Киев¹⁵⁴. Этот поход завершился разгромом коалиции. Юрий Владимирович с сыновьями «еха <...> в Переяславль», а его союзники Святослав Ольгович и племянник последнего Святослав Всеволодович «бежаста въ Городецъ». Узнав, что Чернигов занят сподвижниками киевского князя, дядя с племянником не стали задерживаться в небольшом переяславском пригороде и отправились дальше на восток — в Новгород-Северский.

Летом 1151 г. Юрий Долгорукий потерпел поражение под Переяславлем. Победитель Изяслав Мстиславич потребовал, чтобы он вер-

---

¹⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 363–364.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 330; Т. II. Стб. 398.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 416–417, 423.

нулся в Суздальскую землю, однако Юрий Владимирович, надеясь продолжить борьбу за Киев, не торопился уезжать из Переяславля или, по крайней мере, просил разрешить ему остаться в Городце-Остерском. Он дал Изяславу Мстиславичу обещание, что в ближайшее время покинет город на Трубеже, но «принежень же неволею, Дюргии целова крестъ к нимъ и с детми своими». Однако «приспе бо праздник святую мученику Бориса и Глеба (отмечавшийся 24 июля, а Юрьевичи еще жили в Переяславле. — И. М.) и рекоста ему Вячьславъ Изяславъ поиди въ свои Суждаль хрестъ еси целоваль. Дюрги же посла к нима и реч иду в Городокъ а ту перебывъ иду в Суждаль». Победители разрешили сопернику вернуться в Ростово-Суздальскую землю через переяславский пригород, но предписали оставаться в нем не дольше месяца. В противном случае они угрожали: «Поиди же въ свои Суждаль не поидеш ли а мы тако же пришедше своими полкы станемъ около Городка якоже и сде стоимы». Вторично совершив обряд целования креста, Юрий Долгорукий «остави оу Переяславли сына своего Глеба, а самъ иде в Городокъ».

Однако этим конфликт не разрешился, и киевский князь, «отрядивъ полкы своя, самъ поиде к Городку на Гюргя». В эти трудные дни городчане «много днии» защищали Юрия Владимировича и его детей, мужественно отбивая атаки окружившего их город киевского ополчения. Однако силы были не равны, и победу одержал Изяслав Мстиславич. Юрий Долгорукий, оставив сына Глеба в Городце-Остерском, уехал в Суздаль. Но приверженная ему община, вероятно, не смирившаяся с поражением, не давала покоя «старейшему» князю. На следующий год Изяслав Мстиславич «сдумавше» с черниговскими правителями, и они все вместе «разведоша Городокъ Гюргевъ и пожго и (и божницу) же святого Михаила верхъ бяше нарубленъ деревом и то сгоре»¹⁵⁵.

Последний раз домонгольский Городец-Остерский упоминается в летописной статье под 1194 г. Тогда сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо «созда градъ Городецъ на Востри, обнови отчину свою». Таким образом влиятельный князь Северо-Восточной Руси

---

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 336; Т. II. Стб. 440, 442–446; Т. XV. Стб. 219. — О празднике светлых мучеников Бориса и Глеба см.: Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 92.

отблагодарил городчан за их долгую неизменную приверженность его отцу и старшим братьям¹⁵⁶.

Итак, Городец-Остерский не был домениальным владением Юрия Долгорукого и его потомков. Он представлял собой малый город — центр самоуправлявшейся территориальной общины. В структуре южнорусских земель он развивался как переяславский пригород, который с 1141 по 1146 гг. непосредственно подчинялся Киеву, но затем опять перешел под власть города на Трубеже. В условиях ожесточенной межобщинной борьбы второй четверти — середины XII в. городчане ориентировались на одну из вечевых группировок Переяславля — ту, которая поддерживала Юрьевичей и выступала против признанных киевских лидеров — Мстиславичей.

Другим значительным пригородом Переяславля Южного был Баруч. В 1125 г. «бе же весть Ярополку (о набеге кочевников. — *И. М.*) и повеле гнати люди и Торкы в Баручь и въ прочая грады». Обеспечив безопасность местных жителей, Ярополк Владимирович выступил «с Переяславци своими» навстречу половцам «и победи поганых»¹⁵⁷. Анализ летописной статьи позволяет сделать несколько выводов. 1) Если «люди и торки» проживали вне города, значит, Баруч был окружен селами земледельцев-русских и вежами служилых кочевников; 2) поскольку обитателями округа являлись как «люди», так и «торки», укрепленное поселение представляло собой центр полиэтничной территориальной общины; 3) переяславцы немедленно пришли на помощь баручанам как населению зависимого пригорода.

Баручская община предстает переяславским пригородом также в летописных статьях под 1135 и 1174 гг. В 1135 г. Ольговичи, враждовавшие с «державшими» Переяславль Владимировичами, «взяша Городокъ и Нежатинъ и села пожгоша и Баручь пожгоша и людье оудиоша и многъ полонъ взяша скоты и коне»¹⁵⁸. В 1174 г. половцы опустошили окрестности Баруча, после чего двинулись к Переяславлю. Тогда пригород принял на себя основной удар кочевых орд, намеревавшихся обрушиться на старший город земли. Их замысел не удался. Игорь Святославич Новгород-Северский «перееха Върсколь оу

---

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 102; Т. XV. М., 1965. Стб. 281.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 295–296; Т. II. Стб. 289–290.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 303; Т. VII. С. 30.

Лтавы къ Пяяславлю» и вступил в сражение с половцами. «И бе рать мала и темь не оутерпеша стати противу Игореву и тако побегоша весь полонъ свои пометавыше бяхуть бо воевали оу Серебряного и оу Баруча»¹⁵⁹. Освобожденные баручане вернулись в родной город.

В период своего расцвета баручская община была оживленным торговым центром, хорошо известным иноземным купцам и путешественникам. Так, писавший в середине XII в. в Палермо арабский географ ал-Идриси охарактеризовал его следующим образом: «Этот город невелик, в нем есть рынки и совершается купля-продажа»¹⁶⁰.

Дважды упоминается в летописях город Устье. Археологи отождествляют его с большим поселением в низовьях Трубежа, у брода через Днепр¹⁶¹. Два раза местную общину разоряли кочевники, приходившие к старшему городу земли — Переяславлю¹⁶².

С 30-х гг. XII в. в летописях появляются сведения о Посулье и посульцах¹⁶³. По нашему мнению, они отражают высокую степень консолидации размещавшихся в бассейне реки Сулы и вдоль правого берега Удая поселений в единое социально-территориальное образование. Ю. Ю. Моргунов охарактеризовал это образование как «одну из крупнейших волостей Переяславской земли»¹⁶⁴. Только в бассейне Сулы археологи выявили 40 укрепленных поселений¹⁶⁵. В Посульскую область-пригород входили неоднократно упоминавшиеся в летописях Воинь, Желни, Малютин¹⁶⁶, Римов¹⁶⁷, Лукомль,

---

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 568–569.

¹⁶⁰ Цит. по: *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 214. — См. также: Там же. С. 213. Прим. 36.

¹⁶¹ *Кучера М. П.* До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж // Археологія. 1968. Т. XXI. С. 244–248.

¹⁶² ПСРЛ. Т. I. Стб. 231, 303; Т. II. Стб. 221.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.

¹⁶⁴ *Моргунов Ю. Ю.* О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 года: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 285.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Некоторые археологи отождествляют древнерусский Малютин с укрепленным поселением около хутора Миклашевского Гридижского района Полтавской области. — См.: *Куза А. В.* Древнерусские поселения... С. 30–31. Табл. 1. № 1004.

¹⁶⁷ Вопрос о локализации Римова вызывает разногласия ученых. Археологи, за исключением М. Т. Сокола, считают, что этот город находился на левом берегу Днепр-

Горошин, Снепород, Лубен, Полкостень, Песочен (Посечен), Переволока, Прилук¹⁶⁸, Кснятин, Синеч, Глинеск, Ромен.

Как показывают исследования археологов, эти малые города формировались как центры территориальных общин. Например, в Жовнинском могильнике («летописный» Желни) обнаружены украшения радимичских и кривичских женщин, а также характерные для балтов погребения, в которых останки умерших лежат «валетом»¹⁶⁹. Значит, население этого города было разноплеменным, и прошло немало времени, чтобы соседи-мигранты объединились в сплоченную общину.

Некоторые посульские города были значительными центрами, стягивавшими вокруг себя не только обширные сельские округа, но и небольшие укрепленные поселения. Например, окруженный большими селами Снепород был «старшим» городом для соседней крепости, обнаруженной в современном поселке Александровка¹⁷⁰. К Синечу (укрепленному поселению в урочище Замок у села Сенча Лохвицкого района Полтавской области) «тянули» городки, находившиеся в урочищах Никольская горка и Сампсониев остров, которые, в свою очередь, были окружены полями и скоплениями жилищ земледельцев¹⁷¹.

Летописная статья под 1185 г. и изыскания археологов подтверждают тезис об общинном характере Римова. В Ипатьевской летописи

ра, но отождествляют его с разными поселениями. — Обзор мнений исследователей по этому вопросу см.: *Сокол М. Т.* Римов — давньоруське місто-застава // *Археологія*. 1977. Вип. 21. С. 72–76. — *М. П. Кучера* и *Ю. Ю. Моргунов* вслед за дореволюционным историком *В. Г. Ляскоронским* утверждают, что этот город находился на территории села Великая Буримка, которое размещается на правом берегу Сулы в нижнем ее течении. (*Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // *Труды XI Археологического съезда*. М., 1901. Т. I. С. 446; *Кучера М. П.* Переяславское княжество... С. 123, 124; *Моргунов Ю. Ю.* К изучению летописного города Римова. С. 210).

¹⁶⁸ В 1092 г. половцы взяли три города: Песочен (Посечен), Переволоку, Прилук, — «и многа села повоеваша», разумеется, в их окрестностях. — См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 206; ПВЛ. СПб., 1999. С. 91.

¹⁶⁹ *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья. С. 121–122.

¹⁷⁰ *Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Супруненко А. Б.* Работы в Лубенском районе Полтавской области // АО 1984 года. М., 1986. С. 274–275.

¹⁷¹ *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 155. С. 87–93; *Моргунов Ю. Ю.* Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. 1988. № 2. С. 201.

сохранилось описание трагедии, разыгравшейся в Посулье в 1185 г. Половцы хана Кончака «пристуупиша к Римови». Римовичи же закрыли ворота и заняли оборону на крепостных стенах города, намереваясь оказать упорное сопротивление кочевникам. Но в разгар сражения «две городници с людьми» обрушились и полетели в сторону противника. В крепости началась паника. Часть жителей выбралась из нее и, отбиваясь от преследовавших их половцев, «по Римьскому болотоу» ушла в безопасное место. Им удалось спастись. Все прочие, оставшиеся в осажденном «детинце», были взяты в плен¹⁷². Сюжет об этом горестном событии был включен в «Слово о полку Игореве». Сказители XII в. напоминали слушателям: «Се у Римь кричать подь саблями половецкими»¹⁷³.

В селе Великая Буримка, которое находится на правом берегу Сулы в нижнем ее течении, выявлены три городища древнерусского времени. Археологи М. П. Кучера и Ю. Ю. Моргунов отождествляют их с домонгольским Римовом. На двух поселениях исследователи обнаружили следы пожара, третье — «Місто» — не было сожжено. Здесь, как полагает Ю. Ю. Моргунов, укрылись те защитники города, которые выбрались из окружения через заболоченную пойму реки — «римское болото»¹⁷⁴. Стало быть, в сражении с половцами участвовало население всей округи; всех местных жителей, а не только обитателей укрепленного центра, летописец называл «римовичами», «людьми», «гражданами». Участники трагедии 1185 г., и спасшиеся, и сложившие голову за родной город, в совокупности представляли собой территориальную общину.

Вышесказанное позволяет утверждать, что структурно Посулье не отличалось от других южнорусских областей-пригородов. Впрочем, следует заметить, что соседство с половецкой Степью обусловило особенность этого региона, заключавшуюся в том, что на территории Посулья размещались не только городские общины, но и крепости-убежища с практически отсутствующим культурным слоем¹⁷⁵. По

---

¹⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 647–648.

¹⁷³ Слово о полку Игореве... С. 52.

¹⁷⁴ Моргунов Ю. Ю. К изучению летописного города Римова... С. 215–216.

¹⁷⁵ Моргунов Ю. Ю. 1) Три древнерусских городища Верхнего Посулья // КСИА АН СССР. 1977. Вып. 150. С. 74–79; 2) Работы Посульской разведочной группы //

нашему мнению, поскольку ни одна из этих крепостей не отождествляется с центрами, упомянутыми в летописях, их тем более следует отличать от городов.

В течение XII в. Посульский район-пригород надежно прикрывал Переяславль он набегов кочевников, а также принимал на себя удары чернигово-северских ополчений¹⁷⁶. Со своей стороны, община старшего города, стоявшего на Трубеже, и княжившие здесь Рюриковичи делали все от них зависящее, чтобы предотвратить эти удары или прийти на помощь посульским городкам в трудную для них минуту. Так, Всеволод Ярославич Переяславский воевал с торками у Воиня (1054)¹⁷⁷; Владимир Мономах, вспоминая о периоде княжения в «отчем» городе, писал об организованных им походах на половцев, которые разорили Горошин, и о сражениях со степняками около Прилука, Лубна, Ромена¹⁷⁸.

Итак, есть все основания говорить об общинном характере малых городов Переяславской земли. Они развивались аналогично городским центрам в Киевском и Черниговском государствах: наиболее крупные поселения — в непосредственной зависимости от старшей общины; остальные объединялись в целостные социально-территориальные районы. Особенностью Переяславской земли была невыраженность борьбы пригородов со старшим городом. Это объясняется ее геополитическим положением. Развивавшаяся в условиях напряженной борьбы с кочевой Степью, она постоянно мобилизовывала все ресурсы для отражения ударов противника, что было бы невозможно в разобщенных, конфликтовавших друг с другом городских общинах. Поэтому местное население на протяжении всего домонгольского периода русской истории сохраняло единство и приверженность старшему городу. Этим же обуславливается замедленность темпов становле-

---

АО 1980 года. М., 1981. С. 286–287. — Подобные же крепости выявлены около Переяславля (*Кучера М. П.* Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // *Археологія*. 1978. Вип. 25. С. 21–30).

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 215, 305, 312, 342, 357–359; Т. II. Стб. 206, 301, 555, 613; Т. VII. С. 6; Т. XXX. М., 1965. С. 50, 62.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.

¹⁷⁸ Там же. Стб. 248, 250. — О походе 1106 г. к Лубну см. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 258.

ния местных территориальных общин: ни одна из них не имела княжеского стола — вплоть до Батыева нашествия не был определен центр Посулья.

В XI – начале XIII в. северо-восточным форпостом Днепровского Левобережья был компактный пограничный район — глубоко вдававшееся в половецкие степи Курское Посеймье. Его рубежи пролегали на западе между Рьльском (новгород-северским городом) и Ольговом¹⁷⁹, на севере — по верхним притокам реки Оки, на востоке — от верховьев Сейма к истокам Северского Донца, на юге — в верхнем течении Псла¹⁸⁰. Археологами этот район исследован еще довольно слабо. Раскопки проводились на городищах у поселений Захарово, Тагино, Поздеево, Крапивна, Переверзево, Мешково, Сапогово, Шуклинка, Курск, Липно, Сугрово I и Сугрово II, Льгов, Маслово, Титово, Городище¹⁸¹. Центром региона в древнерусское время являлся Курск.

В письменных источниках Курск впервые упоминается в 30–40-е гг. XI в. Тогда это была формирующаяся городская община, являвшаяся центром небольшой волости. О наличии вокруг города неукрепленных поселений свидетельствует тот факт, что проживавший здесь отрок, будущий игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий, ходил из Курска работать «на село»¹⁸². Город окружали не только поля, ого-

---

¹⁷⁹ А. А. Узянов проводит западную границу Курского Посеймья между Путивлем и Рьльском и тем самым относит последний город к «владениям» «курян» (Узянов А. А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в.: Некоторые новые данные о хронологии и топографии роменских поселений // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 313). Между тем, летописные данные свидетельствуют о принадлежности Рьльска к Новгород-Северской земле (См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 459, 637–638), поэтому мы считаем крайним западным городом Курского Посеймья Ольгов.

¹⁸⁰ Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 24–33; Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 95–96; Узянов А. А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в. С. 313.

¹⁸¹ Куза А. В. Древнерусские поселения... С. 30–31. Табл. 1. № 548, 549, 568, 598, 1005–1015; Узянов А. А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в... С. 314.

¹⁸² Ученые предполагают, что Феодосий Печерский родился около 1036 г. Место его рождения — киевский пригород Василев, но вскоре родители Феодосия по распоряжению князя переселились в Курск, где прошло детство основателя Киево-Печерского монастыря. Отец юного подвижника умер, когда последнему было 13 лет (См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина

роды, избы и полуземлянки сельских жителей, но и небольшие укрепленные поселения. Так, юный подвижник переселился к пресвитеру «в инь градъ, не далече суши отголе». Когда Феодосий бежал в Киев, его мать, не желавшая, чтобы сын становился монахом, искала его «въ граде своемъ и окрестныхъ градахъ» и объявила «по всей стране той», что отблагодарит добродетеля, который поможет найти юношу и вернуть его домой¹⁸³. Социально-экономическая и политическая жизнь всего пограничного района фокусировалась в Курске.

В первой половине XI в. курская община достигла уже высокой стадии консолидации. Свидетельство этому — наличие городской церкви¹⁸⁴, разумеется, построенной на средства всех горожан, и почтительное отношение к местной знати приезжавшего из Киева «посадника»: гостеприимный «властелинь» Курска собирал в свой дом на трапезы «всехъ бо града того вельможъ»¹⁸⁵.

Во второй половине XI в. «старшая» община Курского Посеймья еще больше сплотилась и усилилась. В 1068 г. курчане, не побоявшись гнева киевлян, укрыли за стенами своего города переяславского князя Всеволода Ярославича, который бежал сюда из охваченной восстанием «Русской столицы»¹⁸⁶.

По нашему мнению, процесс становления местной городской общины завершился к 1095 г., когда ее возглавил уже не киевский ставленник-«посадник», а курский князь, действовавший в интересах жителей этого региона, — Изяслав Владимирович¹⁸⁷. Во второй четверти XII в. спаянные воедино, закаленные в боях с кочевниками курчане

XIV века) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., Вып. 1. 1987. С. 457). Между тем в «Житии Феодосия Печерского» сказано, что отрок трудился в «селе» вместе с его отцом. Значит, первые сведения о Курске и его окрестностях относятся к 1036/37–1049 гг.

¹⁸³ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 17, 19, 21.

¹⁸⁴ Там же. С. 16.

¹⁸⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря... С. 19. — О «властелине града того» как киевском посаднике см.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. СПб., 1912. С. 21; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 347; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 70.

¹⁸⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 695. Примеч. 50; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 145; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 90; *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 137.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229; Т. II. Стб. 220; Т. XV. Стб. 183.

активно включились в политическую жизнь Южной Руси. В 1127 г. их «полк» успешно воевал на территории «кривичей» и добился капитуляции Логожска¹⁸⁸, в 1137 г. ходил к Пскову, чтобы выбить из этого города Всеволода Мстиславича¹⁸⁹, в 1139 г. сражался около Переяславля с войсками Андрея Владимировича¹⁹⁰. Впоследствии курское ополчение участвовало в походе на половцев 1185 г., организованном новгород-северским князем Игорем Святославичем¹⁹¹, в 1223 г. билось на реке Калке¹⁹², в 1228 г. воевало в Погорынье под Каменцом¹⁹³.

Начиная с 1127 г. Курск, как правило, упоминается в источниках вместе «с Посемьем»¹⁹⁴. Очевидно, что к этому времени город возвысился над всеми общинами пограничного региона и подчинил их своей власти.

Ученые единодушно признают, что до середины XI в. Курское Посемье находилось в сфере влияния Киева¹⁹⁵. Однако вопрос о территориальной принадлежности этого региона в последующие годы решается по разному. Например, С. М. Соловьев считал, что в 1054 г., согласно «завещанию» Ярослава Мудрого, он вошел в состав Черниговской земли¹⁹⁶. По мнению И. М. Ивакина, Курск был переяславским центром, несколько раз на непродолжительное время переходившим в состав Черниговской земли¹⁹⁷. Согласно Д. И. Иловайскому, А. Н. Насонову и А. К. Зайцеву, Курское Посемье то включалось в сферу влияния Переяславля, то попадало под власть Чернигова¹⁹⁸.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 298.

¹⁸⁹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 25; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 2. С. 149.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 308; Т. II. Стб. 305; Т. VII. С. 32.

¹⁹¹ Слово о полку Игореве. С. 43–44; *Татищев В. Н.* История Российская... Т. 3. С. 134.

¹⁹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 741–742.

¹⁹³ Там же. Стб. 753.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 296; Т. II. Стб. 332, 356, 384; Т. VII. С. 27, 43; Т. XV. Стб. 210; Т. XXV. С. 30.

¹⁹⁵ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях. Кн. I. С. 21; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 347; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 90; *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половины XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 10.

¹⁹⁶ *Соловьев С. М.* История России... Кн. I. С. 342.

¹⁹⁷ *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах... Ч. I. С. 145.

¹⁹⁸ *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. С. 284; *Насонов А. Н.* «Русская земля»... С. 60; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 90–94.

В. А. Шинаков полагает, что до середины XII в. это была переяславская область, которую затем присоединили к своим «владениям» новгород-северские князья¹⁹⁹. Нам представляется, что Курское Посеймье занимало особое место в системе южных земель Древней Руси.

Очевидно, что до середины XI в. этот регион входил в грандиозное соединение племенных союзов, возглавлявшееся Киевом, однако принадлежность его к «Русской земле», то есть ядру этого политического образования²⁰⁰, сомнительна. Так, А. Н. Насонов, с одной стороны, указал на отсутствие данных, позволяющих рассматривать Курское Посеймье в составе «Русской земли», с другой стороны, заметил: «Судя по тому, что Глухов лежал на пути “в Русь” или на рубеже, нельзя быть вполне уверенным, что северянская территория по верхнему посестью не входила в состав “Русской земли”». Сомневаясь в правильности ответа, исследователь ушел от него, ограничившись замечанием о том, что «вопрос этот приходится оставить открытым»²⁰¹. По нашему мнению, лежавшая за пределами «Русской земли», обладавшая мощным военным потенциалом, пограничная область с центром в Курске в XI в. оказалась вне сферы влияния Чернигова и Переяславля, выделившихся из центральной части огромного образования племенных союзов, известного под названием «Киевская Русь». Во второй половине XI – первой трети XIII в. население Курского Посеймья вело непрерывную борьбу с Черниговом, Новгород-Северским и Переяславлем, пытавшимися включить этот суверенный район в состав своих «владений».

О. М. Рапов заметил, что с 1068 до 1095 гг. в Курске непрерывно правили представители младшей ветви рода Ярослава Мудрого²⁰², однако с этим утверждением нельзя согласиться. В этот период летописцы упоминали о Курске дважды, в статьях под 1068 и 1095 гг. Анализ соответствующих записей не позволяет сделать вывод о том, что потомки Ярослава Мудрого — его сын Всеволод и внук Владимир Мономах — княжили здесь непрерывно. Более того, поскольку Всеволод Ярославич и Владимир Всеволодович неоднократно принимали и сла-

---

¹⁹⁹ Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы. С. 12.

²⁰⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 84.

²⁰¹ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 29.

²⁰² Рапов О. М. Княжеские владения... С. 137, 140.

гали с себя полномочия в разных центрах Южной Руси, представляется необходимым выяснить, какой столице Днепровского Левобережья — Чернигову или Переяславлю — в то время подчинялся главный город на Сейме. В 1068 г. курчане укрыли беглого переяславского князя Всеволода Ярославича, который отказался воевать с половцами, и, следовательно, оставил свою землю на разграбление кочевникам, бросил вверенное его заботам население, обрек его на уничтожение и плен. Действия курчан, разумеется, не одобрялись переяславцами. Значит, в то время Курск не был послушным пригородом Переяславля.

Однако, как подметил А. К. Зайцев, жители главного поселения Посеймья действовали обособленно и от Чернигова, «активно выступающего против половцев»²⁰³. В летописной статье под 1095 г. указано: «Приде Изяславъ сын Володимеръ ис Курска к Мурому и приша и Муромци»²⁰⁴. Изяслав Владимирович оказался в Курске «проездом». Он направлялся из Смоленска, где благополучно правил до тех пор, пока не был изгнан князем Давыдом Святославичем, в Муром. Точно не известно, приехал ли сын Владимира Мономаха в Курск впервые, или, как полагает О. М. Рапов, он княжил здесь еще в 1094 г., до отъезда в землю «кривичей», а через год вернулся в город на Сейме²⁰⁵. Ясно одно — сведений о княжении в Курске Владимира Мономаха (ни в черниговский, ни в переяславский периоды его правления) или о пребывании здесь его наместников в источниках нет. В 1095 г. юный сын переяславского князя Изяслав закрепиться в главном городе Посеймья не сумел и уехал в Муром.

Таким образом, в конце XI в. курская община не зависела ни от Чернигова, ни от Переяславля, уже предпринимавшего попытки включить ее в сферу своего влияния.

Следующее упоминание о Курске относится к 1127 г. Этим годом датировано летописное известие об участии в походе «на Кривиче», организованном киевским правителем, черниговского ополчения и князя Изяслава «ис Курьска с своим полком»²⁰⁶. По мнению А. К. Зайцева, эта запись свидетельствует о том, что черниговский правитель передал принадлежавшую ему пограничную область Посеймье влас-

---

²⁰³ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 90.

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229; Т. II. Стб. 220; Т. XV. Стб. 183.

²⁰⁵ *Рапов О. М.* Княжеские владения... С. 140.

тителю Киева²⁰⁷. Однако сообщение о походе «на Кривиче» предваряет следующая запись «...Ярополчи (переяславского князя. — И. М.) бо бяхуть посадници по всей Семи и Мстиславича Изяслава посадить Курьске»²⁰⁸. Значит, в 1127 г. в Посеймье правил не черниговский, а переяславский князь. Правда, сведения летописцев о главе курской общины разнятся.

Так, согласно Воскресенской летописи и Московскому летописному своду конца XV в., в Курске тогда пребывали «посадники» Мстислава Киевского; по Владимирскому летописцу — стольный город Посеймья возглавлял Изяслав Ярополчич, сын переяславского князя²⁰⁹. В любом случае связь Посеймья с Киево-Переяславской землей очевидна. Отсюда становятся понятными причины участия курчан в организованном киевлянами «полоцком» походе. Курская община зависела от Переяслава, последний, в свою очередь, подчинялся киевскому князю. Когда «старейший» Рюрикович возглавил поход в Полоцкую землю «на Кривиче», «куряни, сведоми къмети» встали под его стяги. Таким образом, в первой четверти XII в. переяславская община подчинила города Курского Посеймья, направила сюда своих управителей и обязала местных ратников участвовать в походе, проводившемся в интересах Киева.

Успехи переяславцев вызвали немедленную реакцию в Чернигове. В Посеймье устремились Ольговичи. Уже в 1136 г. Курск «держал» Глеб Ольгович²¹⁰. В 1139 г. вокняжившийся в Киеве Всеволод Ольгович «передал» этот город, оставшийся без правителя после смерти Глеба Ольговича²¹¹, своему брату Святославу²¹². Чернигово-северские

---

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 297–298.

²⁰⁷ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 90.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 296.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. VII. Стб. 27; Т. XXV. С. 30; Т. XXX. С. 59.

²¹⁰ НПЛ. С. 25; Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 149.

²¹¹ Татищев В. Н. История Российская Т. 2. С. 151.

²¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 307. — Правда, у Всеволода и Святослава Ольговичей были более честолюбивые замыслы. Вокняжившись в 1139 г. в Киеве, Всеволод Ольгович «иде къ Переяславлю на Анѣдрия (Владимировича. — И. М.) и съ братом Святославомъ надея бо ся силе своеи самъ хотяше землю всю держати <...> пришедъ же Всеволодъ къ Переяславлю хоте выгнати Андрея, а брата своего посадити. Андрееви рекоуче Коурьскоу изволи ити, и Андреи тако реч съдоумавъ и съ дружиною на своеи

князя удерживали пограничную область до 1146 г. В этот период посеймские городки оказались вовлеченными в межволостную борьбу Новгорода-Северского с Черниговом и последнего — с Киевом.

Так, в 1141 г. Святослав Ольгович «не оуладися <...> о волостех» с братом Всеволодом, князем Киевским, в прошлом — Черниговским. Обидевшись на брата, он направился в Курск. При этом Святослав «бе бо и Нове седя Северьске», то есть вокняжился в Новгороде-Северском²¹³. Значит, Курское Посеймье временно перешло под власть новгород-северского князя. Поскольку курчане были опытными и мужественными воинами, в 1146 г. Святослав Ольгович Новгород-Северский очередной раз приехал сюда «оуставливать людии», то есть собирать местное ополчение против киевлян и черниговцев²¹⁴.

Между тем, курчане выжидали удобного момента, чтобы освободиться из-под власти новгород-северской городской общины. Они стремились сделать это таким образом, чтобы не допустить установления здесь господства Переяславля. В 1146 г. Ольговичи были изгнаны из Киева, и курская община немедленно воспользовалась этим. Святослав Ольгович, по-прежнему правивший в Новгороде-Северском, пытался заручиться поддержкой ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого. Последний отправил на помощь союзнику рать во главе с сыном Иваном Юрьевичем. «Иванкови же Дюргевичу пришедшу в Новъгородъ Святославоу и да емоу рекъ (Курск. — И. М.) и с Посемьемъ»²¹⁵. Должно быть, именно тогда у курчан заро-

---

отчине и на дедине взяти нежели Коурьской княженъи. Отець мои Коурьске не сдель но въ Переяславли хочю на своєї отчине смерть прияти. Оже ти брат не досити волости всю Роускоюу държачи а хощеси сея волости а оубивъ мене а тебе волость, а живъ не идоу изъ своєї волости, обаче не дивно нашему родоу, тако же и переже было». Следует обратить внимание на отказ переяславского князя ехать в Курск на основании того, что его отец Владимир Мономах и дед Всеволод Ярославич никогда не княжили в этом городе. Свидетельство Андрея Владимировича еще раз подтверждает наше мнение о суверенности Курского Посеймья в XI — первой четверти XII в. В сражении с полками Ольговичей Андрей Владимирович одержал победу и остался править в городе на Трубеже (ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 304–305; Т. VII. С. 32).

²¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 309.

²¹⁴ Там же. Стб. 328; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 165.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 332.

дидась мысль опереться в борьбе с Черниговом и Переяславлем на княжеский род Юрьевичей, правивших в Северо-Восточной Руси.

В 1147 г., после смерти Ивана Юрьевича²¹⁶, в городе на Сейме вокняжился Мстислав Изяславич, однако удержаться здесь не смог. В. Н. Татищев писал, что он, «не надеясь на курчан, с честью простясь с ними, якобы на время отъехал к отцу в Киев»²¹⁷. Вскоре после этого у стен Курска встретились три претендента на местный княжеский стол — Святослав Ольгович, Мстислав Изяславич и Глеб Юрьевич. Решающее слово осталось за курчанами: отказав Мстиславу Изяславичу Переяславскому²¹⁸ и Святославу Ольговичу Новгород-Северскому, они приняли наместника Глеба Юрьевича²¹⁹. А. К. Зайцев полагает, что курчане тем самым выразили приверженность Переяславлю, потому что Глеб Юрьевич в 1147 г. стремился вокняжиться именно в этом городе²²⁰. Однако это мнение неубедительно, потому что не дает ответа на вопрос: почему в таком случае жители Курска не признали князем уже правившего в городе на Трубеже Мстислава Изяславича? Выбор местных общинников, вероятно, был обусловлен другой причиной. Они начали претворять в жизнь последовательный политический курс, нацеленный на сотрудничество с представителями младшей ветви Мономашичей — Юрьевичами.

Однако вскоре Посеймье опять оказалось в руках чернигово-северских правителей: в 1149 г. Святослав Ольгович «взя Курескъ и с Посемьемъ <...> оу Ислава (Изяслава Давыдовича. — *И. М.*)»²²¹. Сами же местные жители по-прежнему ориентировались на Юрьевичей. Вероятно зная об этом, Вячеслав Владимирович Киевский советовал брату Юрию Долгорукому «...поеди же оу свои Переяславль и в Коурескъ и съ своими сыны»²²². А. К. Зайцев, обративший внимание на упоминание двух южно-русских городов вместе, считает, что эта за-

---

²¹⁶ Там же. Стб. 339.

²¹⁷ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 172.

²¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 330; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. С. 172.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 356; Т. VII. С. 43.

²²⁰ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество... С. 93.

²²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

²²² Там же. Стб. 431. — Эти слова были сказаны Вячеславом Владимировичем Киевским в 1151 г.

пись свидетельствует о зависимости Курска от Переяславля²²³. По нашему мнению, более вероятно то, что слова киевского князя, зафиксированные летописцем, отражают общественное настроение в двух городских общинах, признававших Юрия Долгорукого и его сыновей «своими» правителями. Однако в действительности ни киевляне, ни переяславцы в то время не «владели» Курском.

Если в Чернигове курскую общину считали подвластным пригородом, то сами местные жители своих действий со «старшим» князем не согласовывали и тем самым демонстрировали непокорность подеснинской столице. В 1161 г. сын черниговского князя Олег Святославич, будучи в Киеве, узнал, что «старейший» правитель задумал его схватить и бросить в темницу. Олег срочно уехал в Чернигов, где «нача ся просити оу отца Курьску. Святославу же не ведущю всего того пусти от себе Олга Курьску». В стольном городе Посеймья Олег Святославич «безь огня света» вступил в союз с князем Изяславом Давыдовичем Вырским и Всеволодовичами. Добиваясь вокняжения Изяслава Давыдовича в Киеве, союзники организовали два похода на «Русскую столицу», в последнем из которых претендент на «старейший» стол был убит²²⁴. Как заметил А. К. Зайцев, слова летописца о праве черниговского князя решать судьбу Курска указывают на связь двух городов²²⁵. Однако при этом обращает на себя внимание стремление курчан действовать независимо от старшей общины, вопреки проводимой ею в то время политике, направленной на примирение с Киевом²²⁶.

Чернигов был расположен дальше от Курска, чем Новгород-Северский, поэтому здесь, выдавая желаемое за действительное, «закрывая глаза» на демарши свободолюбивых посеймских «кметей», продолжали считать пограничный район зависимым пригородом. В Новгороде-Северском ситуацию оценивали более трезво. Здесь Курск признавали центром суверенной области. Так, в 1164 г. Святослав Всеволодович Новгород-Северский и Олег Святославич Курский «начаста слати межи собою ладячяся о волостех»¹²⁷, то есть всту-

---

²²³ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 93.

²²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 512–516; Т. VII. С. 74; Т. XV. Стб. 230–233.

²²⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 93.

²²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 513.

²²⁷ Там же. Стб. 523; Т. VII. С. 77.

пили в дипломатические переговоры, в Древней Руси не возможные между старшим и младшим городами или пригородами, входившими в состав одного государственного образования. Здесь показательны также действия курчан, принимавших участие в походе на половцев 1185 г. Б. А. Рыбаков заметил, что Буй-Тур Всеволод Святославич правил в то время в Курске «на вассальных правах, подчиняясь старшему Игорю, главе всех Северских князей»²²⁸. При этом исследователь упустил одну, на наш взгляд, важную деталь летописного рассказа. В отличие от ополчений из новгород-северских пригородов — Трубеча, Рыльска, Путивля, собиравшихся под стяги князя Игоря в старшем городе земли, курский полк «шелъ (в Степь. — *И. М.*) инемъ поутем»²²⁹. Этот факт служит дополнительным аргументом в пользу тезиса о суверенности Посеймья в конце XII в.

Власть Чернигова над городками пограничного региона оказалась временной и непрочной. Последний раз домонгольский Курск упоминается в летописной статье под 1226 г. Тогда князя Северо-Восточной Руси «ходи в помочь Михаилу Всеволодичю (Черниговскому. — *И. М.*) на Олга Курьскаго и створь мирь межи ими»²³⁰. Противоборство Курска с Черниговом продолжалось.

Подытожим наши изыскания о малых городах Днепровского Левобережья в XI — середине XIII вв. Здесь шел процесс формирования Черниговского, Переяславского и Новгород-Северского государственных образований. До Батыева нашествия он завершился только в Черниговской земле, которая приобрела статус суверенного региона. Структурно государства Днепровского Левобережья не отличались от Киевской земли. Они состояли из старших и младших территориальных общин, каждая из которых представляла собой сельскую округу, стянутую к полифункциональному укрепленному поселению — древнерусскому городу. И в Черниговской, и в Переяславской землях младшие общины либо непосредственно подчинялись старшим городам, либо объединялись в компактные районы-пригороды. Пути развития этих центров различны. Переяславские и западные черниговс-

---

²²⁸ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве»... С. 89.

²²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 638.

²³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 448; Т. VII. С. 133; Т. XV. Стб. 346.

кие общины сохраняли тесную связь со старшими городами, что было обусловлено комплексом факторов. Например, малые переяславские поселения постоянно подвергались набегам кочевников, а западные черниговские общины разоряли ежегодно приходившие из-за Днепра киевские рати, поэтому эти города нуждались в военной и экономической помощи старших центров. К тому же черниговские Рюриковичи, Давыдовичи и Ольговичи, были заинтересованы в любечском, лиственском, оргощском кормлениях, приносивших им значительные доходы, поэтому эти князья жестко контролировали местные общины. Между тем городские центры Среднего Подесенья сплачивались в Новгород-Северскую землю, которая в 40-е гг. XII в. вступила в борьбу со стольным городом Черниговом, стремясь освободиться из-под его власти.

Особенность развития Новгород-Северского государственного образования заключалась в том, что оно формировалось в условиях усиления Чернигова, роста его «самостоятельности и суверенности» в Южной Руси²³¹. Вследствие этого процесс становления Новгород-Северского государства затянулся. В домонгольский период русской истории оно окончательно не сложилось и не выделилось из состава Черниговской земли. Особое место среди общинных «федераций» Днепровского Левобережья занимало Курское Посеймье. В XI в. этот регион размещался за пределами территорий формировавшихся южнорусских государств, а потому сохранял суверенность. Во второй половине XI – середине XIII вв. он превратился в объект притязаний усилившихся Чернигова и Переяславля, однако, опираясь на поддержку князей Юрьевичей, местное население пыталось отстоять независимость Курского Посеймья, пресечь попытки соседних государств утвердить здесь свое господство.

---

²³¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 93–99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная жизнь восточных славян, затем населения Древней Руси, сосредоточивалась в городах. Полифункциональные укрепленные центры племен, впоследствии территориальных общин, плотно покрывали территорию Южной Руси. Они неоднократно исследовались в отечественной историографии. Историки XVIII – первой половины XIX в. считали их княжескими крепостями, населенными профессиональными воинами-дружинниками. В историографии второй половины XIX – начала XX в. сложилось представление о том, что малые города Южной Руси были многофункциональными средоточиями народной жизни, общинными центрами. Перспективная, на наш взгляд, идея об общинном характере древнерусских городов была отвергнута отечественными исследователями 30–70-х гг. XX в. Оригинальная концепция, разработанная учеными исторического факультета Ленинградского–Санкт-Петербургского университета, открыла перспективу для нетрадиционного изучения малых городских центров домонгольской Руси. Появилась возможность не только синтезировать мозаичный материал письменных и археологических источников, но и сформировать целостное, всестороннее представление об их становлении и развитии в VIII – середине XIII в.

Первые города у восточных славян, обосновавшихся в Поднепровье, появились в VIII в. Это были полифункциональные средоточия «малых племен», составлявших племенные союзы древлян, полян и северян. В городах соплеменники укрывались от врага, формировали отряды ополчения, собирались на вече, обменивались товарами. Здесь пребывали и осуществляли свои функции их князья и старейшины. В городах и непосредственной близости от них размещались племенные святыни. Рядом возвышались курганные могильники. Словом, в

восточнославянских городах «сосредоточивалась жизнь народа в самых многообразных проявлениях»¹.

По нашим подсчетам, на территории Южной Руси в VIII–X вв. существовало не менее 130 племенных средоточий древлян, полян и северян. Одним из них, центром малого полянского племени, проживавшего на правом берегу Днепра, был «град Кия». С VIII до конца X в. «кияне» добились значительных успехов в межплеменной борьбе восточных славян. Сначала они подчинили всех полян, затем возглавили «Русскую землю» — союз поднепровских племен, боровшихся против хазарского владычества, наконец, заняли господствующее положение в грандиозном межплеменном образовании «Киевская Русь».

На рубеже X–XI вв. Южная Русь вступила в новую стадию развития. На смену разлагавшимся родо-племенным отношениям пришла территориальная община. Старые племенные средоточия как поселения, утратившие свою жизнеспособность, прекратили существование или были реорганизованы соответственно нуждам изменившегося общества. Появилось множество новых укрепленных поселений, координировавших и направлявших жизнь территориальных общин.

В XI – начале XIII в. шел процесс становления Киевского, Черниговского и Переяславского государств. Каждое из них представляло собой совокупность территориальных общин, состоявших из города и неразрывно связанной с ним сельской округи. В зависимости от уровня развития и военно-экономического потенциала городские территориальные общины по отношению друг к другу занимали главенствующее или подчиненное положение. Наиболее сильные из них возглавлялись старшими городами, доминировавшими над прочими, подчиненными центрами — пригородами. Рассматриваемые в настоящей монографии малые города Южной Руси были пригородами, зависевшими от Киева, Чернигова и Переяславля. Некоторые из них непосредственно «тянули» к столицам, другие объединялись в компактные районы во главе с наиболее влиятельными малыми городскими общинами.

Самыми влиятельными общинами Киевской земли были вышгородская и белгородская. Несмотря на различия в развитии и отноше-

---

¹ Хвойко В. В. Городища Среднего Приднепровья. С. 103.

ниях с Киевом, они обе эволюционировали в одном направлении. Когда завершился процесс консолидации местного населения, эти общины вступили в борьбу со «старейшим» городом, стремясь обособиться от него и сформировать небольшие суверенные государства, однако этой цели не достигли. В состав Киевской земли также входили несколько районов-пригородов — Погорынье, Поросье, Поднепровская область. Скопления городищ выявлены в бассейнах рек Ужа, Тетерева, Ирпеня, Стугны. Однако состояние источников не позволяет локализовать на этой территории целостные области-пригороды. Особенность исторического развития Погорынья заключается в том, что местные территориальные общины вели ожесточенную борьбу друг с другом, поэтому район в целом довольно поздно встал на путь обособления от Киева. Борьба погорыньских общин со старшим городом земли продолжалась недолго: в 1171 г. разгромленные Мстиславом Изяславичем, разобщенные и обескровленные в результате упорного сопротивления войскам Юго-Западной Руси, они в первой половине XIII в. были покорены Галичем и Владимиром Южным. Иначе развивались Поросский и Поднепровский районы. Местные общины не стремились отделиться от Киева, напротив, проявляли неизменную приверженность к старшему городу. Главной причиной их «привязанности» к Киеву было соседство с враждебной кочевой Степью. На территории Днепровского Левобережья сложилось Черниговское и формировались Переяславское и Новгород-Северское государства. Здесь только черниговский пригород — Новгород-Северский — энергично боролся со старшей общиной. Однако становление Новгород-Северской земли происходило в условиях усиливавшейся самостоятельности Чернигова, его возраставшего влияния в Южной Руси, что, по нашему мнению, тормозило процесс формирования суверенного региона и стало причиной его незавершенности в домонгольский период истории. Остальные малые общины Днепровского Левобережья вплоть до Батыева нашествия сохраняли приверженность «стольным» городам — Чернигову и Переяславлю.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
ВИ — Вопросы истории
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической республики
КСИИМК АН СССР — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ПВЛ — Повесть временных лет. СПб., 1999
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

Список источников и литературы

Источники

Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878.

Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. СПб., 1894; Т. 2. СПб., 1896; Т. 3. СПб., 1900.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 1. М., 1909; Т. 2. М., 1910.

Повесть временных лет. СПб., 1999.

Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Густынская летопись. СПб., 1843.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ. Т. III. Новгородская Третья летопись. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. IV. Новгородская Четвертая летопись. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. V. Софийская Первая летопись. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.

ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. М., 1965.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

ПСРЛ. Т. XXVII. Сокращенный летописный свод 1493 года. М.; Л., 1962.

ПСРЛ. Т. XXX. Владимирская летопись. М., 1965.

Правда Русская. Т. I. Тексты / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в XI–XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978.

Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860.

Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы / Под ред. В. И. Стеллецкого. М., 1965.

Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963; Т. 3. М.; Л., 1964.

Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950.

Литература

Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории (далее — ВИ). 1980. № 12. С. 24–42.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Андреев Н. Н. Прошлое русского народа: Культурно-бытовые очерки из истории России. Кн. I. Л.; М., 1924.

Андріяшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.

Антонович В. Б. О местоположении летописных городов Шумска и Пересопницы // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. I. М., 1901. С. 148–154.

Аристов Н. Я. О земле половецкой (историко-географический очерк). Киев, 1877.

Ауліх В. В. До питання про місцезнаходження літописної Пересопниці // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. 1. С. 168–176.

Ауліх В. В. Дослідження Галича і Дорогобужа // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV. С. 294–298.

Багалея Д. История Северской земли до половины XIV столетия // Сборник сочинений студентов Университета Св. Владимира. Киев, 1882. Вып. 4. С. 1–130.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873.

Бахрушин С. В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 88–98.

Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. М., 1937. Кн. 3 (61). С. 165–175.

Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 208–228.

Беликова Т. В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

Беляев И. Города на Руси до монголов // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее — ЖМНП). 1848. Ч. LVII. Январь. С. 157–190.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888.

Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. I. М., 1865.

Беляшевский Н. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. Киев, 1892.

Беляшевский Н. Раскопки на Княжей горе в 1892 г. Киев, 1893.

- Бережков М.* Святой Владимир — строитель городов // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1888. Кн. 2. С. 69–91.
- Березовец Д. Т.* Северяне (перед образованием Киевской Руси): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872.
- Блажевич Н. В.* Древнерусское городище у с. Сахновки // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 2. Киев, 1976. С. 18–19.
- Блажевич Н. В.* Житла давньоруського Чучина // Археологія. 1984. Вип. 44. С. 91–105.
- Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1955. Т. V. С. 5–11.
- Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 141–154.
- Богусевич В. А.* Остерский городок // Краткие сообщения Института археологии АН УССР (далее — КСИА АН УССР). 1962. Вып. 12. С. 37–42.
- Богусевич В. А.* Походження і характер давньоруських міст Наддніпрянщини // Археологія. 1951. Т. V. С. 34–48.
- Богусевич В. А.* Розкопки в Путивльському кремлі // Археологія. 1963. Т. XV. С. 165–174.
- Болтин И.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным. Т. I. СПб., 1788.
- Бондар М. М.* Минуле Канева та його околиць. Київ, 1971.
- Бондар М. М.* Пам'ятки стародавнього минулого Канівського Придніпров'я. Київ, 1959.
- Брайчевский М. Ю.* К происхождению древнерусских городов. (Города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII–IX вв. н. э. по полевым данным последних лет) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (далее — КСИИМК АН СССР). 1951. Т. 41. С. 32–33.
- Брайчевський М. Ю.* Коли і як виник Київ. Київ, 1963.
- Брайчевский М. Ю., Трохимец П. А.* Новые археологические материалы по истории Белой Церкви // Советская археология (далее — СА). 1961. № 4. С. 218–226.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.
- Ваганова А. Н.* Древнерусский феодальный замок XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1985.
- Ващенко Э. Д.* «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб., 2006.

Вермейчик Е. М., Казаков А. Л., Коваленко В. П. и др. Работы Чернигово-Северской экспедиции // Археологические открытия (далее — АО) 1986 года. М., 1988. С. 261–266.

Верзилів А. Найдавніший побут Чернігівської околиці // Записки українського наукового товариства в Києві. Київ, 1928. Т. XXIII. Чернігів і північне лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали / Под ред. М. Грушевського. С. 62–79.

Визьжев Р. І. Будівлі «Малого городища» X–XIII ст. в с. Городську // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Т. XII. С. 131–154.

Виноградський Ю. Археологічні розшуки на Сосниччині р. 1927 // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3. Київ, 1931. С. 33–44.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // КСИИМК АН СССР. 1949. Вып. 24. С. 67–77.

Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С. Дослідження літописного Блистовита // Археологія. 1984. Вип. 48. С. 19–34.

Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935.

Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК АН СССР. 1951. Вып. 41. С. 5–29.

Воронин Н. Н. Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси / Под ред. Н. Н. Воронина. Т. I. М.; Л., 1948. С. 439–470.

Воронин Н. Н., Раннопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города // КСИИМК АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 3–17.

Выезжев Р. И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // КСИИМК АН УССР. 1960. Вып. 10. С. 124–135.

Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар, 1988. С. 84–100.

Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. I. СПб., 1877.

Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968. С. 25–33.

Голубовская Н. П. Географические данные в Русской Правде. Киев, 1913.

Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Заргый, Оргошь, Сновск, Уненеж, Хороборь? // ЖМНП. 1903. Май. С. 111–135.

Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле. 1905 г. Т. II. М., 1908. С. 1–50.

Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV века // Сборник сочинений студентов Университета Св. Владимира. Киев, 1881. Вып. 3. С. 1–202.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Гончаров В. К. Древньоруське городище Иван-гора // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 126–130.

Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950.

Горский А. А. Древнерусская дружина: К истории генезиса классового общества и государства на Руси. М., 1989.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Григорьев А. В. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1988. С. 65–74.

Григорьев А. В. Поселение у села Горбово // КСИА АН СССР. 1983. № 175. С. 67–73.

Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. I. Львів, 1904.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. II. Львів, 1905.

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. III. Львів, 1905.

Данилевич В. Археологічна минувшина Київщини. Київ, 1925.

Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XI вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 43–60.

Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. 2. Киев, 1878. С. 69–129.

Дашкевич Н. Новейшие домыслы о Болохове и Болоховцах // Университетские известия. Киев, 1884. № 6. С. 155–186.

Дворниченко А. Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX – XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 10. Проблемы идеологии и культуры / Под ред. И. Я. Фроянова. Л., 1987. С. 20–30.

Довженок В. И. Городища и селища по Роси и Россаве (По материалам разведки 1954 г.) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 52–54.

Довженок В. И. Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС) // СА. 1967. № 4. С. 260–273.

Довженок В. Й. Древній Вишгород // Вісник Академії наук УРСР. 1949. № 8. С. 40–48.

Довженок В. Й. Древньоруські городища-замки // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 95–104.

Довженок В. Й. Летописний Чучин // Археологія. 1964. Т. XVI. С. 119–125.

Довженко В. И. Об историческом содержании городищ Киевской Руси // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине (август 1970 г.). М., 1970. С. 20–22.

Довженко В. И. Про дофеодальний період в історії Русі // Археологія. 1962. Т. VI. С. 9–31.

Довженко В. И. Про типи городищ Київської Русі // Археологія. 1975. Т. XVI. С. 3–14.

Довженко В. И. Раскопки древнерусских памятников на Руси в 1956 году // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8. С. 146–155.

Довженко В. И. Раскопки Чучина // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг.: Информационные сообщения. Киев, 1967. С. 20–24.

Довженко В. И. сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1968. С. 37–45.

Довженко В. И. Феодальный масток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних // Археологія. 1953. Т. VIII. С. 10–26.

Довженко В. И. Чучин — древнерусский город-крепость на Днепре // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965). М., 1965. С. 43–45.

Довженко В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 8. С. 60–77.

Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.

Довженко В. И., Зоценко В. И. Вышгород // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. 303–310.

Довженко В. И., Приходник О. М., Блажевич Н. В. Исследование славянских памятников в Поросье // АО 1973 года. М., 1974. С. 271–272.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1984.

Дубов И. В. Города, величеством сияющие. Л., 1985.

Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Историко-археологические очерки). Л., 1982.

Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Т. I. Юрьев, 1907.

Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. I. СПб., 1787.

Житецкий И. Смена народностей в южной Руси (историко-этнографические заметки) // Киевская старина. 1883. Год. 2. Т. VI. Июль. С. 399–452.

Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1908.

Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Казань, 1899.

Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X – XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 57–117.

Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874.

Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.

Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска // СА. 1990. № 1. С. 42–55.

Звіздецький Б. А. Про кордони Древлянської землі // Археологія. 1989. № 4. С. 47–58.

Звіздецький Б. А., Серов О. В. Пам'ятки давньоруського часу поблизу с. Миколаївка на Росі // Археологія. 1988. Вип. 61. С. 67–76.

Зиборов В. К. О перспективах изучения письменных источников XI в. (В связи с изданием книги М. Б. Свердлова «От закона Русского к Русской Правде». М., 1988) // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер. 2. Вып. 4. С. 8–19.

Зубрицкий Д. И. История Древнего Галичско-Русского княжества. Ч. III. Львов, 1855.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901.

Иванченко Л. I., Орлов Р. С. Про локалізацію літописного Юр'єва // Археологія. 1986. Вип. 53. С. 1–14.

Иловайский Д. И. История России. Т. I. М., 1906.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957.

История Европы: В 8 т. Т. I / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1988.

История крестьянства в Европе: В 3 т. Т. I / Под ред. З. В. Удальцовой, Ю. Д. Бессмертного, Ю. В. Бромлея. М., 1985.

История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. Т. I / Под ред. С. А. Плетневой, Б. А. Рыбакова. М., 1966.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. I. СПб., 1842.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. I. Т. II. СПб., 1842.

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1968.

Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л., 1958.

Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (Проблемы градообразования) / Под ред. В. Л. Янина. М., 1980. Вып. 3. С. 66–84.

Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса) // Русский город (Историко-методологический сборник) / Под ред. В. Л. Янина. М., 1976. С. 32–69.

Кілієвич С. Р. Археологічні розкопки біля с. Жовнин // Археологія. 1965. Т. XIX. С. 189–194.

Киреевский П. В. О древней русской истории // Москвитянин. 1845. Ч. II. № 3. С. 11–46.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси IX–XV вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975.

Кирпичников А. Н. К истории древнего Белгорода в X–XI вв. // КСИИМК АН СССР. 1959. Вып. 73. С. 21–32.

Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1937.

Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1956.

Коваленко В. П. До типології літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Археологія. 1988. Вып. 61. С. 1–10.

Коваленко В. П. Исследование летописных городов на Черниговщине // АО 1981 года. М., 1982. С. 268–269.

Коваленко В. П. Исследование летописного Сновска // АО 1982 года. М., 1984. С. 271–272.

Коваленко В. П. Новые исследования летописных городов Чернигово-Северской земли // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 50–54.

Коваленко В. П. Основні етапи розвитку літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Український історичний журнал. 1983. № 8. С. 120–125.

Коваленко В. П. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1988. С. 22–33.

Коваленко В. П. Основные этапы развития летописных городов Чернигово-Северской земли // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. I. Вып. 2 а. Киев, 1987. С. 122–128.

Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1980 года. М., 1981. С. 259.

Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 года. М., 1980. С. 280–281.

Коваленко В. П., Моця А. П. Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1985 года. М., 1987. С. 341–342.

- Коваленко В. П., Орлов Р. С.* Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1979 года. М., 1980. С. 282–283.
- Коваленко В. П., Шекун А. В.* Летописный Листвен (К вопросу о локализации) // СА. 1984. № 4. С. 62–73.
- Колчин Б. А.* Ремесло // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 243–297.
- Колчин Б. А., Куза А. В.* Археологические источники и методика исследования // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 29–38.
- Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Коринный Н. Н.* Переяславская земля в X – первой половине XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984.
- Корнеев А. П.* Домашние и дикие животные из раскопок древнего города Родни на Княжьей Горе // Вестник зоологии. Киев, 1969. № 1. С. 32–38.
- Корф С. А.* История русской государственности. Т. I. СПб., 1908.
- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872.
- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872.
- Костомаров Н. И.* Предания первоначальной русской летописи // Вестник Европы. 1873. Т. I. С. 5–34.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. СПб., 1912.
- Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
- Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.
- Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
- Котляр М. Ф.* Чи Святополк убив Бориса і Гліба? // Український історичний журнал. 1989. № 12. С. 110–122.
- Котышев Д. М.* Князья и община в Киевской земле в XI–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.
- Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948.
- Куза А. В.* Археологическое изучение древнерусских городов в 1962–1976 гг. // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 155. С. 10–19.
- Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1981. С. 6–39.
- Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // КСИА АН СССР. 1984. Вып. 179. С. 3–11.
- Куза А. В.* Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 39–135.

- Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Куза А. В. О происхождении древнерусских городов (История изучения) // КСИА АН СССР. 1982. Вып. 171. С. 9–15.
- Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город: Исследования и материалы / Под ред. В. Л. Янина. М., 1983. Вып. 6. С. 4–36.
- Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1988. С. 56–65.
- Кучера М. П. Вивчення пам'яток давньоруського часу на території УРСР // Археологія. 1978. Вип. 26. С. 77–83.
- Кучера М. П. Городища // Археологія Української ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 372–396.
- Кучера М. П. Давньоруське городище біля с.Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 217–225.
- Кучера М. П. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія. 1978. Вип. 25. С. 21–30.
- Кучера М. П. До питання про давньоруське місто Устя на р. Трубіж // Археологія. 1968. Т. XXI. С. 244–248.
- Кучера М. П. Древньоруське городище в х. Миклашевському // Археологія. 1962. Т. XIV. С. 89–108.
- Кучера М. П. Змиєві вали Среднього Подніпров'я. Киев, 1987.
- Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72–81.
- Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 118–143.
- Кучера М. П. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. 1969. Т. XXII. С. 180–195.
- Кучера М. П. Размеры древнерусского города по данным городищ на территории Украинской ССР // Древнерусский город. (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 69–72.
- Кучера М. П. Ходорівське давньоруське городище // Археологія. 1966. Т. XX. С. 202–210.
- Кучера М. П., Іванченко Л. І. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 67–79.
- Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3.
- Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.
- Лесючевский В. И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. 1946. Т. VIII. С. 225–247.

Линева Е. А. Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского // Древнерусский город (Материалы всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев, 1984. С. 72–74.

Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881.

Линьова С. А., Мезенцева Г. Г. Гончарне виробництво на посаді Белгорода Київського // Вісник Київського університету. 1980. Сер. Історичні науки. Вип. 22. С. 80–91.

Липко С. А. Археологічна розвідка давньоруського міста Болохова // Археологія. 1973. Вип. 12. С. 95–98.

Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952.

Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 379–548.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952.

Лосева О. В. Русские Месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения киевского государства // Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА СССР). М.; Л., 1958. № 74.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА СССР. М.; Л., 1961. № 104.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки // МИА СССР. Л., 1968. № 152.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. I. М., 1901. С. 404–457.

Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.

Ляскоронский В. Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1956.

Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927.

Мавродин В. В. Возникновение феодальных отношений у восточных славян. Древнерусское государство — Киевская Русь. М., 1957.

Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961.

Мавродин В. В. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 145–147.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

- Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XVI века). Л., 1940.
- Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. 1970. Вып. 4. № 20. С. 7–15.
- Мавродина Р. М.* Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историографический очерк. Л., 1983.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. О.* Городище Монастирьок VIII–XIII ст. на Средньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33. С. 3–20.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Раскопки поселения Монастырек // АО 1980 года. М., 1981. С. 276–277.
- Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.
- Малеєв Ю. Н.* Исследования детинца летописного Василева // АО 1983 года. М., 1985.
- Малеєв Ю. Н.* Исследования на городище летописного Василева // АО 1978 года. М., 1979. С. 362–363.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. Т. 21. М., 1961.
- Мезенцев В. І.* До питання про генезис давнього Чернігова // Український Історичний журнал. 1980. № 1. С. 107–112.
- Мезенцев В. І.* Древний Чернигов: Генезис и историческая топография города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981.
- Мезенцева Г. Г.* Белгород // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 314–319.
- Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ, 1968.
- Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян. Київ, 1965.
- Мезенцева Г. Г.* Новые исследования древнего Белгорода Киевского // АО 1968 года. М., 1969. С. 329–330.
- Мезенцева Г. Г.* О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л., 1974. С. 38–40.
- Мезенцева Г. Г.* Про топографію стародавнього Білгорода // Український історичний журнал. 1968. № 8. С. 114–117.
- Мезенцева Г. Г.* Раскопки Белгорода Киевского // АО 1974 года. М., 1975. С. 321–322.
- Мезенцева Г. Г.* Родень // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 319–322.
- Мезенцева Г. Г.* Розкопки Белгорода в 1969 році // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4. С. 291–292.
- Мезенцева Г. Г., Гопак В. Д.* Залізні вироби з стародавнього Белгорода // Археологія. 1974. Вип. 14. С. 73–81.

Мезенцева Г. Г., Прилипко Я. П. Давньоруський могильник Белгорода Київського (Дослідження 1974–1976 рр.) // Археологія. 1980. Вип. 35. С. 98–109.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985. М., 1986. С. 99–108.

Михайлова И. Б. Древняя Русь и Степь // Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. СПб., 2006. С. 7–128.

Мовчан И. И. Исследования древнего Китаева // АО 1973 года. М., 1974. С. 310.

Мовчан И. И. Китаевский комплекс в Киеве // АО 1985 года. М., 1987. С. 373–374.

Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. 1988. № 2. С. 194–204.

Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА АН СССР. 1983. Вып. 175. С. 73–82.

Моргунов Ю. Ю. К изучению летописного города Римова // СА. 1989. № 1. С. 206–216.

Моргунов Ю. Ю. Летописный город Вяхань // СА. 1982. № 2. С. 237–245.

Моргунов Ю. Ю. Летописный город Попаш // СА. 1985. № 1. С. 241–249.

Моргунов Ю. Ю. О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 285–289.

Моргунов Ю. Ю. Работы Посульской разведочной группы // АО 1980 года. М., 1981. С. 286–287.

Моргунов Ю. Ю. Три древнерусских городища Верхнего Посулья // КСИА АН СССР. 1977. Вып. 150. С. 74–79.

Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Супруненко А. Б. Работы в Лубенском районе Полтавской области // АО 1984 года. М., 1986. С. 274–275.

Моця А. П. К проблеме градообразования на Левобережье Днестра в XI–XII вв. // Труды V Международного конгресса Славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. I. Вып. 2а. М., 1987. С. 164–169.

Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987.

Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990.

Моця О. П. Населения Поросся давньоруського часу за даними некрополів // Археологія. 1979. Вип. 30. С. 27–37.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Недошивина Н. Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Под ред. С. М. Орешникова. М., 1971. С. 182–196.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф. Работы Ровенского краеведческого музея // АО 1972 года. М., 1973. С. 318–319.

Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф., Олифер О. М. Раскопки в Ровенской области // АО 1973 года. М., 1974. С. 320–322.

Никольченко Ю. М., Пономарева Т. А., Зимица Л. М. и др. Раскопки городища Дорогобуж // АО 1975 года. М., 1976. С. 371–373.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Орлов Р. С. Работы Белоцерковской экспедиции // АО 1981 года. М., 1983. С. 299.

Орлов Р. С. Юрьев // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 334–339.

Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 30–62.

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР: III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958.

Падалка Л. В. Древние земляные сооружения в пределах Полтавской губернии. Ч. I. О древних городках, городищах и насыпных валах // Труды Полтавской Ученой архивной комиссии. Полтава, 1905. С. 155–214.

Падин В. А. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска // КСИИМК АН СССР. 1948. Т. XXIII. С. 86–92.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924.

Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1941. Серия историч. наук. Вып. 8. С. 202–214.

Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России / Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1966. С. 93–98.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пеняк П. С. Социальная организация древнерусского ремесла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985.

Пескова А. А. Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (По материалам городища у с. Городище близ Шепетовки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Пескова А. А. Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА АН СССР. 1978. Вып. 155. С. 87–93.

Пескова А. А. Древний Изяславль // КСИА АН СССР. 1981. Вып. 164. С. 66–73.

Петрашенко В. А. Городище Монастырек VIII–X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1985. С. 71–84.

Петрашенко В. А. Лесостепное Правобережное Поднепровье в VIII–X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // Свод археологических источников (далее — САИ). М., 1973. Вып. Е1-19.

Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 24–33.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1851.

Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1871.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. М., 1846.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. V. М., 1857.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VI. М., 1855.

Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 кн. Кн. I. М., 1966.

Поляков А. Н. В граде Игореве. Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков. СПб., 2001.

Попко О. О. Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. 1. С. 129–140.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X – XII столетий. СПб., 1909.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938.

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. СПб., 1913.

Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Пороссі // Археологія. 1979. Вип. 31. С. 83–96.

Прищепя Б. А. Давньоруський літописний Дорогобуж // Матеріали до зводу пам'яток історії та культури народів СРСР по Українській РСР. Київ, 1984. Вип. I. С. 57–58.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: Генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

Пузанов В. В. К вопросу о верховной собственности на землю в Древней Руси в дореволюционной историографии // Вестник Ленинградского университета. 1988. Сер. 2. Вып. 4. С. 7–14.

Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995.

Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография (далее — СЭ). 1983. № 3. С. 19–24.

Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

Равдина Т. В. Погребения с древнерусскими сребрениками // СА. 1979. № 3. С. 91–102.

Рапов О. М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Проблемы историографии / Отв. ред. В. А. Ежов, И. Я. Фроянов. Л., 1983. С. 51–69.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Раппопорт П. А. Археологические и архитектурные заметки (Из работ отряда по изучению крепостей 1959–1961 гг.) // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 96. С. 32–36.

Раппопорт П. А. Города Болоховской земли // КСИИМК АН СССР. 1955. Вып. 57. С. 52–59.

Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965.

Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 110. С. 3–9.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X – XIII вв. // МИА СССР. М.; Л., 1956. № 52.

Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. I. СПб., 1903.

Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. I. Пг.; М., 1923.

Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 2. М., 1922.

Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян // СА. 1958. № 4. С. 33–46.

Русанова И. П. Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. ЕИ-24. М., 1966.

Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днпром и Западным Бугом // САИ. Вып. ЕИ-25. М., 1973.

Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура Древней Руси / Отв. ред. А. Л. Монгайт. М., 1966. С. 233–237.

- Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Рыбаков Б. А.* Владимировы крепости на Стугне // КСИА АН СССР. 1965. Вып. 100. С. 126–129.
- Рыбаков Б. А.* Город Кия // ВИ. 1980. № 5. С. 31–47.
- Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА СССР. М., 1949. № 11. С. 7–102.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б. А.* Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь, 1965). Т. I. М., 1965. С. 33–38.
- Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 21–23.
- Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964.
- Рыбаков Б. А.* Политическое и военное значение южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве» // Историческая география России / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1970. С. 69–82.
- Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // СЭ. 1947. Вып. VI–VII. С. 81–105.
- Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 года. М., 1969. С. 330–332.
- Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 году // КСИИМК АН СССР. 1960. Вып. 79. С. 27–34.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б. А.* Торческ — город Черных Клобуков // АО 1966 года. М., 1967. С. 243–245.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
- Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.). Киев, 1988.
- Самойловський І. М.* Стародавній Коростень // Археологія. 1970. Т. XXIII. С. 190–200.
- Самоквасов Д. Я.* Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
- Самоквасов Д. Я.* Исследования по истории русского права. Вып. I. М., 1896.
- Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908.
- Сахаров А. Н.* Кий: Легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10. С. 133–141.

- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седов В. В.* Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 51–54.
- Сербина К. Н.* Устюжский летописный свод // Исторические записки. 1946. Т. 20. С. 239–270.
- Сергеевич В. И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.
- Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. 2. СПб., 1900.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV века) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 1. Л., 1987.
- Смиленко А. Т.* К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII–X вв. // Древние славяне и Киевская Русь / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1989. С. 108. Табл. 1.
- Смиленко А. Т.* Славянская культура VIII–IX вв. правобережья Днестра (памятники типа Лука-Райковецкая) // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 174–191.
- Смолічев П.* Чернігів та його околиці за часів великокнязівських // Записки українського наукового товариства в Києві. Київ, 1928. Т. XXIII. Чернігів і північне лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали / Под ред. М. Грушевського. С. 118–146.
- Сокол М. Т.* Римов — давньоруське місто-застава // Археологія. 1977. Вип. 21. С. 72–76.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1960.
- Соловьева Г. Ф.* Славянские племенные союзы по археологическим данным (вятичи, радимичи, северяне): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
- Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (Вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. Т. 25. С. 138–170.
- Строев П.* Краткая российская история. М., 1819.
- Сухобоков О. В.* К возникновению и ранней истории Путивля // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию Киева). Киев, 1984. С. 120–123.
- Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.
- Сухобоков О. В.* Славянские древности последней четверти I тыс. н. э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры) // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 191–212.

Сухобоков О. В., Иченская О. В., Орлов Р. С. Раскопки у с. Каменное // АО 1977 года. М., 1978. С. 387–388.

Сухобоков О. В., Орлов Р. С., Иченская О. В. и др. Работы Левобережной славяно-русской экспедиции // АО 1978 года. М., 1979. С. 407–408.

Татищев В. Н. Лексикон Российский исторический, географический, политический, гражданский. Ч. 1. СПб., 1793.

Тимофеев Е. И. Могильники Юго-Западной Руси X–XIII вв. (К вопросу о расселении племен Днепровского Правобережья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.

Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990.

Тимошук Б. А. Княжеские (государственные) крепости IX–XI вв. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. Кишинев. 5–7 апреля 1989 г. Т. I. М., 1988. С. 115–121.

Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 1946. Вып. 99.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980.

Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1975. С. 5–56.

Толочко П. П. Основні досягнення та перспективи розвитку давньоруської археології України // Археологія. 1987. Вип. 57. С. 51–56.

Толочко П. П., Блажевич Н. В. Раскопки Иван-города // АО 1982 года. М., 1984. С. 335–336.

Третьяков П. Н. Древлянские «грады» // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия / Редкол. В. И. Волгин и др. М., 1952. С. 64–68.

Третьяков П. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла // Археологія. 1947. Т. I. С. 123–139.

Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 3–17.

Узянов А. А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в. (Некоторые новые данные о хронологии и топографии роменских поселений) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 313–316.

Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. 1–2. Харьков, 1811.

Устрялов П. Русская история. Ч. I. СПб., 1837.

Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990.

Фроянов И. Я. Вечевые собрания 1146–1147 гг. в Киеве // Вестник Ленинградского университета. 1977. № 8. Сер. История. Язык. Литература. С. 28–36.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. СПб., 1992.

Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001.

Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 190–332.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Хвойко В. В. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. Т. I. М., 1905. С. 93–109.

Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.

Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.

Холостенко Н. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. 1965. Т. XIX. С. 68–84.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.

Шараневич И. И. История Галицко-Володимерской Руси з найдавніших времен до року 1453. Львов, 1863.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шекера І. М. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967.

Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половины XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

Ширинский С. С. Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (по материалам курганов IX–X вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г.: В 4 т. Т. 2. Секция 3, 4. Киев, 1988. С. 319–322.

Штриттер И.-Г. История Российского государства. Ч. 1. СПб., 1800.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770.

Етнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1985.

Юра Р. А. Древний Колодяжин: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1955.

Юра Р. А., Кучера М. П. Воинь // Археология Украинской ССР: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986. С. 328–334.

Юра Р. О. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина // Археологія. 1961. Т. XII. С. 92–100.

Юра Р. О. Найдавніші традиції у плануванні східнослав'янського народного житла // Археологія. 1971. № 1. С. 78–85.

Юшко А. А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

Именной указатель*

- Абрамович Д. И.* — 91–96, 108
Авдусин Д. А. — 29
Аепа, половецкий хан — 194
Александр Всеволодович, князь Тихомльский, Белзский, Владимиро-Волынский (первая половина XIII в.) — 165, 170, 171
Александр Попович, киевский воевода — 116
Алексеев Л. В. — 29
Ал-Идриси, арабский географ — 210
Андреев Н. Н. — 22
Андрей Владимирович, князь Владимиро-Волынский, Переяславский (первая половина XII в.) — 163, 205, 216, 219, 220
Андрей Юрьевич Боголюбский, князь Вышгородский, Владимиро-Суздальский (XII в.) — 101, 103, 106, 120, 162
Андрияшев А. М. — 49, 154, 155–157
Анна, княгиня, жена Романа Мстиславича Владимиро-Волынского и Галицкого, мать Даниила Романовича Галицкого — 171
Антонович В. Б. — 49, 155, 156
Аристов Н. Я. — 12
Аскольд, «боярин» Рюрика, киевский правитель (IX в.) — 53, 68, 72
Аулих (Аулих) В. В. — 48, 156, 160, 161
Багaley Д. И. — 16, 195
Б а р а н В. Д. — 25, 37, 43, 44, 54, 65, 78, 79, 83, 91, 145, 149
Барсов Е. В., коллекционер рукописей — 71
Барсов Н. П. — 12, 49, 148, 155, 156
Батый, монголо-татарский хан — 25, 78, 90, 113, 124, 132, 214, 223, 227
Бахрушин С. В. — 22, 23
Бейлис В. М. — 210
Беликова Т. В. — 170
Белкатгин, половецкий хан — 178
Беляев И. Д. — 12, 13, 89
Беляшевский Н. — 137, 138
Бережков М. — 12
Березовец Д. Т. — 43, 67
Б е с к р о в н ы й Л. Г. — 7, 30, 175, 203

---

* В указателе курсивом даны фамилии авторов исследований, разрядкой – фамилии редакторов и книгоиздателей

Бессмертный Ю. Д. — 81
Бестужев-Рюмин К. Н. — 12
Блажевич Н. В. — 79, 134, 137, 147
Блифельд (Бліфельд) Д. И. — 58, 68
Богусевич В. А. — 24, 25, 54, 55, 58, 77, 78, 89, 111, 145, 184, 199, 204
Болтин И. Н. — 136, 137, 148
Большаков О. Г. — 36
Бондар Н. Н. — 25, 136, 137, 145
Боняк, половецкий хан — 194
Борис, князь Межибожский (первая половина XIII в.) — 165
Борис Владимирович, князь Ростовский (конец X – начало XI в.) — 91–96, 177, 178, 207, 208
Борис Романович, княжич, сын Романа Ростиславича Киевского (последняя треть XII в.) — 107
Борис Святославич, князь Вышгородский (вторая половина XI в.) — 97
Брайчевский (Брайчевський) М. Ю. — 25, 52, 144, 145
Брачев В. С. — 23
Бромлей Ю. В. — 81
Булкин Вас. А. — 52, 58, 75, 111
Буслаев Ф. И., литературовед, коллекционер рукописей — 71
Ваганова А. Н. — 198
Василий (Василько) Юрьевич, князь Поросский — 146, 147
Василь Волкович, вышгородский «муж» — 104
Василь Настасьич, вышгородский «муж» — 104, 128
Василько Романович, князь Пересопницкий (вторая четверть XIII в.) — 165, 169, 171
Василько Ростиславич, князь Тербовольский (конец XI в.) — 116, 153, 167
Василько Ярополчич, князь Михайловский (вторая половина XII в.) — 154
Ващенко Э. Д. — 76
Веремейчик Е. М. — 58
Верзилов (Верзилів) А. — 21
Верняев И. И. — 9
Верхуслава, княгиня, дочь Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, жена Ростислава Рюриковича Белгородского и Киевского — 122
Виноградский (Виноградський) Ю. — 23
Владимир Красное Солнышко, князь, былинный герой — 74, 75
Владимир Андреевич, князь Пересопницкий, Дорогобужский, Киевский (XII в.) — 105, 120, 129, 146, 163–166, 168
Владимир (Владимирко) Володаревич, князь Галицкий (середина XII в.) — 146, 151, 152, 162, 168

Владимир Всеволодович Мономах, князь Переяславский, Черниговский, Киевский (вторая половина XI – первая четверть XII в.) — 55, 98, 99, 116, 117, 167, 178, 192, 194, 198, 203, 204, 213, 215, 217, 218, 220

Владимир Давыдович, князь Черниговский, Вышгородский (XII в.) — 108, 191, 193, 207

Владимир Игоревич, князь Путивльский (последняя четверть XII – начало XIII в.) — 184, 187

Владимир Мстиславич, князь Дорогобужский, Трепольский, Киевский (вторая половина XII в.) — 104, 106, 118, 127–129, 131, 132, 140, 163–165, 168

Владимир Святославич Святой, князь Киевский (последняя четверть X – начало XI в.) — 12, 16, 17, 22, 23, 28, 72, 73, 76, 92, 94, 95, 112–115, 153, 177, 195

Владимир Ярославич, князь Галицкий (последняя четверть XII – начало XIII в.) — 140, 187

Владимировичи–Мономашичи, княжеская династия, потомки Владимира Всеволодовича Мономаха — 119, 125, 129, 131, 162, 209, 221

Владимирский-Буданов М. Ф. — 19, 20, 189

Воеводский М. В. — 59, 177

Вознесенская (Вознесенська) Г. О. — 81

В о л г и н В. И. — 43

Володислав, галицкий боярин — 171

Воронин Н. Н. — 22, 23, 25, 26, 111

Всеволод Мстиславич, князь Вышгородский, Новгородский, Псковский (первая половина XII в.) — 98, 216

Всеволод Ольгович, князь Черниговский, Киевский (первая половина XII в.) — 98–100, 180, 205, 219, 220

Всеволод Святославич Буй-Тур, князь Курский (последняя четверть XII в.) — 223

Всеволод Святославич Чермный, князь Черниговский, Киевский (последняя четверть XII – начало XIII в.) — 109, 110, 124, 131, 141, 143

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, князь Киевский, Владимиро-Суздальский (последняя треть XII – начало XIII в.) — 106, 120, 122, 131, 140, 143, 208

Всеволод Ярославич, князь Переяславский, Киевский (вторая половина XI в.) — 97, 167, 213, 215, 217, 218, 220

Всеслав Брючиславич, князь Полоцкий, Киевский (третья четверть XI в.) — 116
Выезжев (Виезжев) Р. И. — 24, 79, 82, 84, 85

Вышка, боярин — 140

Вячеслав Владимирович, князь Пересопницкий, Вышгородский, Киевский (первая половина XII в.) — 99, 101, 102, 119, 121, 127, 159, 161, 162, 208, 221

Гадло А. В. — 72

Гильфердинг А. Ф., этнограф, собиратель былин — 74, 75
Гиляров Ф. — 71
Глеб Владимирович, князь Муромский (конец X – начало XI в.) — 91–94, 96, 207, 208
Глеб Зеремиевич, галицкий воевода, болоховский «князь» — 170
Глеб Ольгович, князь Курский (вторая треть XII в.) — 219
Глеб Святославич, князь Белгородский (конец XII – начало XIII в.) — 122, 124
Глеб Юрьевич, князь Каневский, Погорынский, Переяславский, Киевский (XII в.) — 106, 146, 154, 162, 195, 205–208, 221
Голицын Н. С. — 12
Голубева Л. А. — 91
Голубовская Н. П. — 161
Голубовский П. В. — 16, 17, 136, 147, 175, 182, 183, 185, 191, 198
Г о л у б ц о в а Е. С. — 85
Гончаров В. К. — 24, 79, 80, 82, 84, 132, 134, 135, 156, 159
Гонак В. Д. — 85, 117
Горский А. А. — 13
Греков Б. Д. — 24, 26, 29, 37, 41, 43, 70, 89, 90, 96, 111
Григорьев А. В. — 59, 192
Грушевский (Грушевский) М. С. — 18, 21, 49, 67, 70, 86, 89, 93, 98, 100, 111, 112, 136, 137, 144, 147, 148, 154–158, 170, 175, 182, 183
Давыд Борынич, вышгородский «муж» — 104
Давыд Игоревич, князь Дорогобужский, Владимиро-Волынский (последняя треть XI в.) — 97, 116, 161, 166, 167
Давыд Ростиславич, князь Вышгородский, Смоленский (вторая половина XII в.) — 103–109, 120, 121, 129, 140, 169
Давыд Святославич, князь Смоленский (конец XI в.) — 218
Давыдовичи, княжеская династия, потомки Давыда Святославича — 99, 180, 185, 193, 224
Даниил Романович, князь Галицкий (XIII в.) — 144, 169–171
Данилевич В. — 22
Даркевич В. П. — 6, 39, 40
Дашкевич Н. П. — 157, 158, 170
Дворниченко А. Ю. — 6, 8, 23, 41, 42, 66, 73, 76, 88, 90, 93, 94, 97, 100, 102, 112, 118, 119, 121, 166, 170, 184, 185, 192, 195, 203, 204, 217, 224
Деонисий Павлович, галицкий воевода — 171
Дир, «боярин» Рюрика, киевский правитель (IX в.) — 53, 68, 72
Длугош Я., польский хронист XV в. — 71
Довженок В. И. — 24, 25, 52, 78–85, 89, 91, 92, 132, 134–138, 199

Драгоманов М. — 73
Дубов И. В. — 29, 52, 58, 75, 111
Дьяконов М. А. — 19, 20
Дюк Степанович, былинный герой — 74
Евфросинья Ярославна, княгиня, дочь Ярослава Владимировича Осмомысла, жена Игоря Святославича Новгород-Северского — 187
Е ж о в В. А. — 6
Екатерина II — 10, 11, 88
Елович, житель Вышгорода — 93
Жирослав, переяславский боярин — 206
Житецкий И. — 12
Забелин И. Е. — 19, 70, 71
Завид, трепольский «муж» — 128
Загоскин Н. П. — 19, 20
Зайцев А. К. — 175, 179, 182, 183, 189–191, 194, 196, 197, 214–216, 218, 219, 221, 222
Затыркевич М. Д. — 13, 14
Звиздецкий (Звіздецький) Б. А. — 7, 43–45, 48, 76, 77, 81, 82, 84, 138, 149, 150, 159
Зиборов В. К. — 53
Зимица Л. М. — 161
Зоценко В. И. — 79, 81, 84, 91, 92
Зубрицкий Д. И. — 158
Ивакин И. М. — 215, 216
Иван Ростиславич Берладник, князь Звенигородский и «Берладский» (вторая половина XII в.) — 152, 197
Иван Юрьевич, князь Курский (вторая четверть XII в.) — 220, 221
Иванова Н. И. — 6
Иванова О. И. — 6
Иванченко (Іванченко) Л. И. — 76, 81, 83, 137–139, 144, 145, 148
Игорь Ольгович, князь Путивльский, Киевский (XII в.) — 99, 100, 152, 184, 205
Игорь Рюрикович, князь Киевский (первая половина X в.) — 72
Игорь Святославич, князь Новгород-Северский (последняя четверть XII в.) — 28, 59, 67, 122, 179, 182, 187, 209, 210, 212, 216, 223
Изяслав Владимирович, князь Смоленский, Курский, Муромский (конец XI в.) — 215, 218
Изяслав Давыдович, князь Стародубский, Новгород-Северский, Вырский, Черниговский, Киевский (вторая половина XII в.) — 102, 103, 119, 152, 181, 186, 191, 193, 195–197, 200, 221, 222

Изяслав Мстиславич, князь Владимиро-Волынский, Киевский (вторая треть XII в.) — 101, 102, 118, 119, 121, 127, 135, 146, 150–153, 159, 160, 162, 163, 168, 181, 184–186, 191, 195, 197, 200, 202, 205–208, 219

Изяслав Ярополчич, князь Курский (вторая четверть XIII в.) — 218, 219

Изяслав Ярославич, князь Киевский (вторая половина XI в.) — 97, 116, 161, 167

Изяславичи, княжеская династия, потомки Изяслава Мстиславича — 125

Иловайский Д. И. — 12, 89, 95, 111, 182, 184, 216

Ильин Н. Н. — 95

Илья Муромец, былинный богатырь — 74, 75

Иморыж, трепольский «дьячок» — 128

Ингвар, князь дорогобужский — 164

Иченская О. В. — 61, 79, 80

Казаков А. Л. — 58

Карамзин Н. М. — 10, 11, 88, 95

Каргалов В. В. — 22

Каргер М. К. — 52, 68, 84

Карлов В. В. — 6, 29, 30, 37

Кза (Гзак), половецкий хан — 187

Кий, мифологический основатель Киева — 28, 52, 53, 68, 70, 71, 226

Кишевич (Кілієвич) С. Р. — 79, 82, 84

Киреевский П. В. — 15

К и р е й Н. И. — 72

Киртичников А. Н. — 68, 85, 110–112

Киян Э. Ф. — 160, 161

Клеванов А. — 10

Ключевский В. О. — 13–15, 70, 71, 136, 137

Коваленко В. П. — 7, 37–39, 55, 58, 59, 77, 81, 85, 175, 177–179, 182, 190, 199–201

Колчин Б. А. — 7, 83, 126

Кондувдый, черноглобуцкий «князь» — 122, 123, 141

Константин Багрянородный, византийский император — 54, 90, 198

Кончак, половецкий хан — 212

Корзухина Г. Ф. — 68, 138

Коринный Н. Н. — 204

Корнеев А. П. — 83

Корф С. А. — 19

Костомаров Н. И. — 15, 16, 70, 100, 215, 216

К о т к о в С. И. — 91

Котляр Н. Ф. — 40, 93, 95, 111, 126, 155–157, 177

Котышев Д. М. — 124
Кривошеев Ю. В. — 76
Крупнов Е. И. — 25, 91
Кудряшов К. В. — 22
Куза А. В. — 7, 29, 35–37, 52–54, 58, 59, 61, 72, 77, 80–83, 85, 90–92, 111, 126, 132, 133, 139, 153, 156, 159, 161, 177–179, 182, 188, 201, 202, 204, 210, 214
Курбатов Г. Л. — 73, 94
Кучера М. П. — 37, 38, 44, 45, 76, 78–81, 83, 115, 132, 134–139, 148, 149, 203, 204, 210–213
Кучкин В. А. — 40, 87, 187
Лебедев Г. С. — 52, 58, 75, 111
Лев Даниилович, князь Владимиро-Волынский (XIII в.) — 171
Лерберг А. Х. — 10
Лесючевский В. И. — 93, 95
Линева (Линьова) Е. А. — 111, 117
Линиченко И. А. — 15, 98, 100, 118, 119, 150
Липко С. А. — 169
Литаврин Г. Г. — 54
Лихачев Д. С. — 70, 71, 126, 215
Ломоносов М. В. — 10
Лосева О. В. — 208
Ляпушкин И. И. — 43, 44, 59–63, 68, 69
Ляскоронский В. Г. — 17, 18, 89, 94, 198, 203, 211
Ляшко, житель Вышгорода — 93
Ляценко П. И. — 22, 111
Мавродин В. В. — 26, 37, 66, 89, 90, 94, 112, 116, 136, 170, 178, 179, 195, 204
Мавродина Р. М. — 14
Максимов Е. В. — 54, 68, 132–134
Мал, князь древлян — 72
Малеев Ю. Н. — 49, 115
Марков М. Е., краевед — 69
Маркс К. — 23, 66
Мезенцев В. И. — 58, 69
Мезенцева Г. Г. — 24, 53, 54, 67–69, 79, 82–85, 111, 112, 115–118, 137, 138
Мельникова Е. А. — 33
Михаил Всеволодович, князь Черниговский (первая половина XIII в.) — 223
Михайлова И. Б. — 76, 136
Михалко Юрьевич, князь Торческий, Владимиро-Суздальский (вторая половина XII в.) — 140, 141

Михаль, трепольский «муж» — 128
Мовчан И. И. — 53
Монгайт А. Л. — 69
Моргунов Ю. Ю. — 82, 194, 202, 210–212
Моця А. П. — 8, 33, 44, 45, 49, 52, 53, 55, 58–64, 76, 82, 114, 133, 137–139, 144, 177, 179, 182, 211
Мстислав, князь Пересопницкий (начало XIII в.) — 164, 171
Мстислав Владимирович, сын Владимира Святославича Святого, князь Тьмутороканский, Черниговский (первая половина XI в.) — 72
Мстислав Владимирович Великий, сын Владимира Всеволодовича Мономаха, князь Новгородский, Вышгородский или Белгородский, Киевский (последняя четверть XI – первая треть XII в.) — 98, 117, 129
Мстислав Владимирович, внук Мстислава Владимировича Великого, князь Трепольский (последняя четверть XII в.) — 129–131
Мстислав Давыдович, князь Вышгородский (конец XII в.) — 108
Мстислав Изяславич, князь Владимиро-Волынский, Переяславский, Курский, Дорогобужский, Торчешский, Киевский (вторая половина XII в.) — 103–106, 119, 127, 128, 140, 146, 154, 163, 166, 168, 172, 206, 207, 219, 221, 227
Мстислав Мстиславич Удалой, князь Торчешский, Новгородский, Галицкий (первая треть XIII в.) — 110, 129, 141, 143
Мстислав Романович, князь Белгородский, Смоленский, Киевский (первая четверть XIII в.) — 110, 124
Мстислав Ростиславич, внук Мстислава Владимировича Великого, князь Белгородский (вторая половина XII в.) — 107, 119, 120, 152
Мстислав Ростиславич, внук Юрия Владимировича Долгорукого, князь Трепольский (последняя четверть XII в.) — 129
Мстислав Святополчич, князь Владимиро-Волынский, Вышгородский (конец XI в.) — 97
Мстислав Юрьевич, князь Пересопницкий (середина XII в.) — 162
Мстиславичи, княжеская династия, потомки Мстислава Владимировича Великого — 108, 118–120, 124, 125, 129, 130, 132, 140, 168, 173, 205, 207, 209
Мюрим, юрьевский епископ — 133
Насонов А. Н. — 8, 49, 73, 75, 89, 96, 156, 175, 190–192, 195, 216, 217
Недошивина Н. Г. — 64
Неприна В. И. — 211
Нерознак В. П. — 136
Нестор, летописец — 12, 92, 94
Нестор Жирославич, киевский боярин — 105
Никола (Микула) – Ждан, управитель в Вышгороде — 96

Никольченко Ю. М. — 160, 161
Новосельцев А. П. — 49, 54
Носов Е. Н. — 29
Олег, князь или воевода (последняя четверть IX – начало X в.) — 16, 68
Олег Святославич, сын Святослава Ярославича Черниговского, князь Новгород-Северский, Черниговский (вторая половина XI в.) — 110, 116, 179, 192
Олег Святославич, сын Святослава Ольговича Черниговского, князь Путивльский, Курский, Новгород-Северский (вторая половина XII в.) — 180–182, 184, 187, 193, 194, 196, 222
Олег Святославич, сын Святослава Игоревича Новгород-Северского, Перемышльского, князь Курский (первая треть XIII в.) — 223
Олифер О. М. — 161
Ольга, киевская княгиня (X в.) — 33, 45, 68, 72, 89, 91
Ольга Юрьевна, княгиня, дочь Юрия Владимировича Долгорукого, жена Ярослава Владимировича Осмомысла — 140
Ольговичи, княжеская династия, потомки Олега Святославича Черниговского — 39, 55, 99–101, 110, 123–125, 127, 129, 131, 147, 152, 153, 173, 179, 180, 191, 200, 204, 205, 209, 219, 220, 224
Ольстин Олексич Прохоров внук, черниговский военачальник — 183
О р е ш н и к о в С. М. — 64
Орлов Р. С. — 59, 61, 79–82, 85, 144, 145, 177, 178
Падалка Л. В. — 20, 21
Падин В. А. — 59
Пархоменко В. А. — 23, 11, 158
Пащуто В. Т. — 26, 27, 89, 90, 157
Пеняк П. С. — 83
Пескова А. А. — 79, 80, 82, 83, 157, 211
Петр Борисович, киевский боярин — 105
Петрашенко В. А. — 43, 54, 68, 132–134
Петрухин В. Я. — 33, 189
Плетнева С. А. — 27, 136, 137, 147, 148, 214
Плошинский Л. О. — 11
Погодин М. П. — 11, 88, 89, 93, 95, 110, 136, 137, 141
Покас П. М. — 82, 144
Покровский М. Н. — 21, 22
Поляков А. Н. — 59, 176–179
Пономарева Т. А. — 161
Попко О. О. — 55, 58
Пресняков А. Е. — 19, 20, 86, 87, 111

Прилипко Я. П. — 54
Приселков М. Д. — 94
Приходник (Приходнюк) О. М. — 137, 147
Прищепя Б. А. — 161
Прокопий, белгородский тысяцкий — 117
Пузанов В. В. — 10, 76
Путша, житель Вышгорода — 92, 93
Пушкина Т. А. — 33, 189
Рабинович М. Г. — 35
Равдина Т. В. — 68
Рагуил Добрынич, трепольский боярин — 128
Радила, вышгородский тысяцкий — 104
Рапов О. М. — 6, 27, 29, 87, 90, 97, 107, 109, 112, 119, 124, 128–130, 136, 141, 147, 184, 188, 193, 203, 215, 217, 218
Раппопорт П. А. — 25, 26, 48, 80, 111, 112, 115, 158, 159, 161, 170, 198
Ратша, киевский тиун — 99
Редедя, «князь» Касожский (первая четверть XI в.) — 72
Род, бог восточных славян — 68, 69
Рожков Н. А. — 22
Роман Мстиславич, князь Торческий (последняя четверть XII в.) — 141
Роман Мстиславич, сын Мстислава Изяславича, князь Владимиро-Волынский, Галицкий (последняя треть XII – начало XIII в.) — 169
Роман Ростиславич, князь Киевский (вторая половина XII в.) — 103, 106, 107, 120, 124, 129, 130
Роман Рюрикович, князь Торческий (рубеж XII–XIII в.) — 122
Роман Святославич, князь Тумацкий (XII в.) — 153
Ростислав Владимирович, князь Дорогобужский (конец XII в.) — 142
Ростислав Мстиславич, князь Смоленский, Киевский (вторая половина XII в.) — 102, 103, 110, 119, 121, 127, 140, 200, 202, 207
Ростислав Рюрикович, князь Торческий, Вышгородский, Белгородский, Киевский (конец XII – начало XIII в.) — 108, 122, 123, 131, 141–143, 147, 148, 169
Ростислав Юрьевич, князь Переяславский, Божеский (вторая треть XII в.) — 160
Ростислав Ярославич, князь Вышгородский (начало XIII в.) — 110
Ростиславичи, княжеская династия, потомки Ростислава Мстиславича Киевского — 103, 106, 107–110, 120, 123–125, 129, 130, 132, 140, 141, 143, 166, 169, 173
Русанова И. П. — 43–45, 48, 49, 53, 55, 58, 64, 69

Рыбаков Б. А. — 27–29, 31, 32, 35, 38, 43, 49, 55, 58, 64–69, 72, 77, 83, 90, 101, 102, 111, 114, 115, 137, 139, 148, 188, 189, 198, 199, 223

Рыбников П. Н., этнограф, собиратель былин — 74, 75

Рыдзевская Е. А. — 92

Рычка В. М. — 34, 87, 90, 111, 112, 126, 132, 136, 147–150, 155–157, 159

Рюрик Ростиславич, князь Овручский, Торческий, Белгородский, Киевский (вторая половина XII – начало XIII в.) — 104, 105, 107, 109, 120–124, 130, 140, 142, 143, 146, 149, 150, 169

Рюриковичи, княжеская династия — 11–17, 19, 22, 23, 34, 40, 68, 96, 125, 132, 180, 199, 204, 213, 219, 224

Самойловский (Самойловський) И. М. — 45

Самоквасов Д. Я. — 19, 20, 49, 189, 198

Сантуз, половецкий хан — 187

Сахаров А. Н. — 70, 71

Свердлов М. Б. — 53, 90

Святополк Владимирович Окаянный, князь Туровский, Киевский (начало XI в.) — 92–95

Святополк Изяславич, князь Киевский (конец XI – первая четверть XII в.) — 91, 127, 133, 161, 167, 194

Святослав, князь Шумский (начало XIII в.) — 165

Святослав Владимирович, князь «Подеснинский» (вторая половина XII в.) — 193, 203

Святослав Всеволодович, князь Владимиро-Волынский, Черниговский, Киевский (XII в.) — 101, 107–109, 120–123, 129–131, 142, 159, 167, 181, 182, 193–195, 200, 207, 222

Святослав Ольгович, князь Белгородский, Курский, Новгород-Северский, Черниговский (XII в.) — 99, 117, 152, 179–181, 186, 187, 191–193, 195–197, 200–202, 207, 219–221

Святослав Ростиславич, князь Каневский (первая четверть XIII в.) — 147

Святослав Ярославич, князь Черниговский, Киевский (вторая половина XI в.) — 96, 191

Седов В. В. — 29, 43, 49, 61, 64, 69

Сербина К. Н. — 53

Сергеевич В. И. — 15, 19, 68, 100, 118

Середонин С. М. — 49

Серов О. В. — 76, 138

Слободянюк И. Г. — 9

Смиленко А. Т. — 43, 65

Смоличев (Смолічев) П. — 21

Сокол М. Т. — 210, 211

Соловей Разбойник, былинный персонаж — 74
Соловьев С. М. — 13–15, 70, 88, 89, 93, 136, 144, 147, 167
Соловьева Г. Ф. — 43, 64, 65
С т е л л е ц к и й В. И. — 187
Строев П. — 10
Стрыйковский М., польский хронист XVI в. — 71
Супруненко А. Б. — 211
Сухобоков О. В. — 43, 44, 61, 67, 77, 79, 80, 184
Талец, житель Вышгорода — 93
Татищев В. Н. — 10, 11, 78, 88, 91, 93, 94, 96–99, 101, 103, 105–109, 116, 117, 119–123, 128, 129, 139, 141, 143, 147, 150, 162, 163, 166–168, 180, 181, 186, 187, 192–195, 200, 203, 204, 206, 216, 219–221
Тимофеев Е. И. — 43
Тимощук Б. А. — 34, 69
Тимченко Н. Г. — 82, 83, 137
Тихомиров М. Н. — 24–26, 37, 41, 72, 86, 89, 96, 111, 126, 156, 182, 184, 188, 215, 216
Толочко П. П. — 7, 29–32, 52, 65, 68, 70, 82, 83, 87, 90, 91, 111, 116, 117, 119, 126, 127, 129, 130, 132–134, 136, 137, 139, 141, 144, 145, 147–149, 152, 153, 155–157, 159, 179, 189, 192, 198, 201
Третьяков П. Н. — 43, 45, 48, 62
Трохимец П. А. — 144, 145
Трубачев О. Н. — 90
Тудор, киевский тиун (вторая четверть XII в.) — 99
У д а л ь ц о в а З. В. — 81
Узянов А. А. — 44, 214
Успенский Г. П. — 11
Устрялов Н. Г. — 11
Феодосий Печерский, христианский монах, основатель Киево-Печерского монастыря — 73, 214, 215
Филист Г. М. — 93, 95
Фролов Э. Д. — 73, 94
Фроянов И. Я. — 6, 8, 13, 23, 26, 27, 37, 41, 42, 66, 71, 73, 75, 76, 83–85, 88, 90, 93, 94, 97, 99, 100, 102, 112, 113, 118, 119, 121, 161, 166, 170, 184, 185, 192, 195, 203, 204, 217, 224
Хвойко В. В. — 12, 113, 115, 116, 136, 139, 226
Хлебников Н. И. — 11, 12, 111
Холостенко Н. В. — 112
Хорив, мифологический основатель Киева — 68, 71
Хорошев А. С. — 92, 95

Чагровичи, берендеи — 128, 129
Черепнин Л. В. — 27, 34
Чурила Пленкович, былинный герой — 74
Чюдин, киевский наместник в Вышгороде — 96
Шараневич И. И. — 158
Шахматов А. А. — 93–96
Шварн Даниилович, сын Даниила Галицкого, воевода (XIII в.) — 171
Шварно, боярин — 135
Шекера И. М. — 22
Шекун А. В. — 55, 200, 201
Шинаков В. А. — 216, 217
Ширинский С. С. — 188, 189
Штриттер И.-Г. — 10, 11, 88
Ш у н к о в В. И. — 27
Щапova Ю. Л. — 85
Щек, мифологический основатель Киева — 68, 71
Щербатов М. М. — 10, 11, 88
Энгельс Ф. — 23, 26, 65, 66
Юра Р. А. — 24, 79, 80, 82–84, 159
Юрий Владимирович Долгорукий, князь Ростово-Суздальский, Киевский (вторая треть XII в.) — 101, 102, 118, 120, 121, 129, 140, 146, 151, 152, 154, 160–163, 168, 180, 188, 193, 200, 204–209, 220–222
Юрий Ярославич, князь Туровский (вторая половина XII в.) — 186, 195
Юрьевичи, княжеская династия, потомки Юрия Владимировича Долгорукого — 106, 129, 133, 140, 147, 162, 204, 206–209, 221, 224
Юшко А. А. — 64
Юшков С. В. — 23, 24, 72, 89, 90, 111, 136
Якобсон В. А. — 36
Ян Усмович, киевский воевода — 116
Я н и н В. Л. — 6, 29
Ярополк Владимирович, князь Переяславский, Киевский (вторая четверть XII в.) — 194, 199, 209
Ярополк Изяславич, князь Вышгородский, Владимирский, Туровский (последняя четверть XI–XII в.) — 96, 97, 128, 166, 167
Ярополк Мстиславич, князь Поросский (вторая четверть XII в.) — 148
Ярополк Романович, князь Трепольский (последняя треть XII в.) — 106, 107, 130
Ярополк Ростиславич, внук Юрия Долгорукого, княжич, впоследствии — князь Владимирский (вторая половина XII в.) — 120
Ярополк Святославич, князь Киевский (последняя четверть X в.) — 177

Ярополк Ярославич, князь Вышгородский (начало XIII в.) — 110
Ярослав Владимирович Мудрый, князь Киевский (первая половина XI в.) — 16, 18, 28, 93, 96, 126, 135, 144, 216, 217
Ярослав Владимирович Осмомысл, князь Галицкий (вторая половина XII в.) — 129, 140
Ярослав Владимирович, князь Трепольский, Вышгородский (начало XIII в.) — 108, 131
Ярослав Всеволодович, князь Ропеский, Стародубский, Черниговский (вторая половина XII в.) — 183, 193, 194, 203
Ярослав Изяславич, князь Луцкий, Киевский (последняя треть XII в.) — 107, 120
Ярослав Святополчич, князь Владимиро-Волынский (первая четверть XII в.) — 167
Ярославичи, княжеский род, потомки Ярослава Мудрого — 96, 97, 167

Указатель географических и этнических названий

- Азак, село в Сумской области, городище северян — 62
- Альта, река — 94, 95
- Андреевская гора — см. *Старокиевская гора*
- Анисово, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55
- св. Апостолов собор в Белгороде — 118
- Бабаковское городище, центр территориальной общины в Вырской волости — 194
- Бабичи, городище, центр территориальной общины в Поросье — 135
- Бабль, река — 183
- балты, племена Восточной Европы — 177
- Бараша, село Емельчинского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44, 77
- Баруч, древнерусский город в Переяславской земле — 203, 209, 210
- баручане, территориальная община — 210
- Бахмач, древнерусский город в Черниговской земле — 202
- Бежов, село в Житомирской области, «град», племенной центр древлян — 48
- Безымянный (Зубрицкий) ручей в Новгороде-Северском — 176, 179
- Белая Вежа, древнерусский город в Черниговской земле — 202
- Белая Церковь, город в Киевской области, комплекс археологических памятников IX–XII вв.; см. также *Юрьев* — 144
- Белгород, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Белгородка* — 22, 25, 31, 32, 34, 35, 42, 52, 54, 68, 76, 77, 79, 82, 84–86, 88, 98, 110–125, 127, 130, 132, 146, 151, 153, 172, 173
- Белгородка, село Киево-Святошинского района Киевской области, комплекс археологических памятников VIII–XIII вв.; см. также *Белгород* — 49, 53
- белгородцы, племенная, с XI в. территориальная община — 85, 114, 116–119, 121, 123, 129, 152, 153, 173
- Белев, населенный пункт в Ровенской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв.; см. также *Пересопница* — 48, 161
- Белобережье, населенная местность в Киевской земле — 159
- Белоус, река — 200, 201
- берендеи, тюркоязычные кочевники — 128, 129, 136, 145, 146, 180

Берестейское Побужье, регион — 8, 87, 165
Берестовец, село Коростельского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 49
Берлин, город — 25
Битица, село в Сумской области, городище северян — 62
Блистовит, древнерусский город в Черниговской земле — 81, 203
Богдановка, село Глуховского района Сумской области, восточнославянский курганный могильник — 60
Богуславль, древнерусский город в Киевской земле — 25, 35, 86, 135, 143
Бодаква, село Лохвицкого района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63
Божеск (Божский, Бужск), древнерусский город в Киевской земле — 86–88, 156–161, 168, 169, 173
Болохов, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Любар* — 157, 159, 169, 171
Болоховская земля, район-пригород в Киевской земле — 157–159, 170, 171
болоховцы, территориальная община, с середины XII в. — население Верхнебужской области-пригорода — 157, 158, 169–172
Борзна, районный центр Черниговской области, древнерусское городище — 202
св. Бориса и Глеба церковь в Вышгороде — 96
Боярское, урочище на берегу реки Терн, древнерусская крепость — 94
Броварки, село Гадячского района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61
Брягин, древнерусский город в Киевской земле — 87, 122
Буняково, село Любарского района Житомирской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени — 159
Бушево, поселок на левом берегу Роси, древнерусское городище — 136
Бякота, древнерусский город в Галицкой земле — 170
Варшава, город — 132, 198
варяги — 15, 19, 133
Василев, племенной центр полян и древнерусский город; см. также *Васильково* — 12, 25, 31, 34, 35, 42, 49, 72, 73, 115, 118, 123, 126, 127, 149, 152, 214
василевцы, племенная, с XI в. территориальная община — 72, 152, 153

Васильково, село в Киевской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв. — 49

Великая Буримка, село в нижнем течении Сулы, комплекс древнерусских городищ; см. также *Римов* — 211, 212

Великая Рыбица, село Миропольского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61

Великие Деревичи, село Любарского района Житомирской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени; см. также *Колодяжин* — 159

Веревка, село Конотопского района Сумской области, курганный могильник северян — 62

Вернев, древнерусский город в Киевской земле — 149

Верхнебужская область, пригород в Киевской земле — 126, 159, 160, 164, 167, 169, 172, 173

Византия — 30, 73, 94

Вилия, река — 154

Витачев, село Обуховского района Киевской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв.; см. также *Витичев* — 49, 54

Витичев (Новгород-Святополч, Святополч-град), племенной центр древлян, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Витачев* — 31, 54, 77, 126, 133, 198

Владимир Южный, город в Юго-Западной Руси — 97, 158, 159, 161, 167, 168, 170, 172, 227

Владими́ро-Во́лынская земля (Во́лынь) — 126, 154–157, 166–169, 173

Владими́ро-Суздальская земля; см. также *Северо-Восточная Русь* — 106, 129, 180, 208

Возвягль, древнерусский город в Киевской земле — 171, 172

Вознесения храм в Путивле — 184, 186

Вои́нь, древнерусский город в Переяславской земле — 24, 31, 34, 79, 80, 82–84, 210, 213

Волжская Болгария — 33, 141

Володарев, древнерусский город в Киевской земле — 135

Волокитино, село Путивльского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Волосковцы, село Менского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Волинцево, село Путивльского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Воргол, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 17

Ворожба, село Конотопского района Сумской области, городище северян — 62

Воронеж, село Шосткинского района Сумской области, курганный могильник северян — 60

Ворскла, река — 47, 57, 62, 65, 209, 216, 217

Восточная Белоруссия — 29

Восточная Европа — 43, 49, 59–64, 69

Восточноевропейская равнина — 70

восточные славяне — 11, 12, 20, 23, 24, 26, 28–30, 33, 34, 37, 40, 41, 43, 48, 49, 54, 62, 64–67, 69, 75–77, 90, 113, 135, 136, 158, 175, 187, 225, 226

Всеволож, древнерусский город в Черниговской земле — 202

Выгошев, древнерусский город в Киевской земле — 155, 168

выревцы, территориальная община — 195

Вырская земля (волость) — 188, 194–197

Вырь, древнерусский город, главная община Вырской области в Переяславской и Новгород-Северской землях — 18, 42, 186, 194–197

Вышгород, населенный пункт в Киевской области; см. также *Вышгород, племенной центр полян и древнерусский город* — 49

Вышгород, племенной центр полян и древнерусский город в Киевской земле; см. также *Вышгород, населенный пункт в Киевской области* — 22, 25, 31–35, 40, 42, 52, 71, 72, 77, 79, 81, 82, 84, 86, 88–92, 96–110, 115, 117, 121, 123–125, 128, 130, 132, 146, 150, 165, 172, 173

вышгородцы, племенная, с XI в. территориальная община — 72, 85, 92, 93, 95, 97–100, 103–105, 107–110, 120, 125, 128, 173

Вьяхан (Вьяхань), древнерусский город в Переяславской, затем Новгород-Северской землях — 18, 42, 194, 195

вятичи, союз восточнославянских племен — 8, 43, 64, 75, 76

Галицкая земля — 140, 143, 149, 155, 157, 158, 165, 166, 168, 171

Галич, город в Юго-Западной Руси — 33, 48, 99, 107, 109, 115, 122, 141, 143, 152, 158, 160, 163, 168–173, 187, 227

галичане, территориальная община — 168

св. Георгия церковь в древнерусском Каневе — 146

Глебль, племенной центр северян и древнерусский город в Черниговской земле; см. также *Красный Колядин* — 17, 62, 202

Глинеск, древнерусский город в Переяславской земле — 211

Глинск, город в Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63

Глухов, город в Сумской области, курганный могильник северян, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 60, 188, 198, 217

Гнилопять, река — 69, 157

Гнойница, древнерусский город в Киевской земле — 155, 168

Головки, село Малинского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Голубовка-Студинка, село в Курской области, курганный могильник северян — 61

Горбово, село Новгород-Северского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Горица, село Менского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Горка, село в Сумской области, городище северян — 62

Горналь, село Суджанского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 31, 33, 61, 77

Городеск, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Городск* — 24, 31, 79, 81, 82, 84, 171

Городец, населенный пункт Овручского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44

Городец-Остерский, древнерусский город в Переяславской земле — 17, 203–209

Городище, поселок в Курской области, племенной центр северян и древнерусский город в Посеймье — 60, 214

Городище, село Малинского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 45

Городище, село около Переяславля-Хмельницкого — 38

Городище, село Чернухинского района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63

Городище, село Шепетовского района Хмельницкой области, древнерусское укрепленное поселение; см. также *Изяславль* — 79, 82, 157

Городно, древнерусский город в Киевской земле — 155

Городок, «болоховское» поселение — 171

Городок, село Коростельского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 49

Городок, урочище в Новгороде-Северском, поселение северян — 176

Городок, урочище в Путивле, укрепленное поселение северян — 183, 184

Городск, село Житомирской области, городище древлян и древнерусского времени; см. также *Городеск* — 48

городчане, территориальная община Городца-Остерского — 208, 209

Горошин, древнерусский город в Переяславской земле — 211, 213

Горынь, река — 44, 46, 50, 154, 155, 164, 167, 168

Гочево, село Обоянского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 31, 33, 60

Грубское, село Житомирской области, «град», племенной центр древлян — 48

Губин, «болоховское» поселение в Киевской земле — 159

Гульск, село Новгород-Волынского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44

Гуцино, село в Черниговской области, курганный могильник северян — 58

Данилов, древнерусский город в Киевской земле — 155

Дверен-на-Роси, древнерусский город в Киевской земле — 122, 123, 135

Демидов, населенный пункт в Чернобыльском районе Киевской области, «град», племенной центр древлян — 48

Дерновой, древнерусский город в Киевской земле — 149, 153

Десна, река — 40, 46, 47, 55–59, 76, 90, 101, 177, 181, 188, 190, 197, 198, 201, 202, 216

Днепр, река — 15, 18, 43, 44, 46, 49, 51–56, 58, 63, 65, 71, 73, 75, 79, 82, 85, 88, 90, 101, 115, 125, 126, 131–134, 142, 153, 175, 180, 181, 198, 201, 210, 211, 217, 224, 226

Днепровское Левобережье, регион — 7, 17, 18, 20, 28, 33, 43, 44, 49, 55, 59–63, 68, 69, 114, 133, 175, 178, 188, 198, 200, 203, 214, 218, 223, 224, 227

Днепровское Правобережье, регион — 43, 54, 90

Домагощ, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 197

Дорогобуж, племенной центр древлян, древнерусский город в Киевской земле; см. также Дорогобуж, село в Ровенской области — 31, 32, 48, 87, 88, 155–158, 160–167, 171–173

Дорогобуж, село Гощанского района Ровенской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв.; см. также *Дорогобуж, древнерусский город* — 48, 160

дорогобужцы («дорогобоудьцы»), территориальная община — 160, 161

древляне, союз восточнославянских племен — 7, 8, 28, 34, 43–45, 48, 50, 64–66, 72, 75, 77, 149, 150, 158, 159, 177, 225, 226

Древняя (домонгольская) Русь — 6–8, 10–16, 18–20, 22, 23, 25–27, 29–31, 33, 34, 36–39, 41, 42, 52, 53, 66, 72, 73, 76, 78, 84, 87–94, 97, 100, 102, 110–112, 116, 118, 119, 121, 126, 136, 138, 166, 167, 170, 176, 185, 188, 192, 195, 201–203, 217, 223, 225

дреговичи, союз восточнославянских племен — 8, 64

Дружба, пригород Новгорода-Волынского, районного центра в Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44

Дубровица, древнерусский город в Киевской земле — 155

Екатеринославль, город — 17

Жедьчевьев, «болоховское» поселение — 171

Жежелев, «болоховское» городище — 159

Желни, древнерусский город в Переяславской земле — 79, 84, 210, 211

Житомир, город, областной центр, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 45, 46, 50, 69

Журавное, село в Сумской области, племенной центр северян — 31

Задесенье Черниговское, Задеснинская волость — 62, 202

Закамень, древнерусский город в Киевской земле — 155, 156

Замковая гора, возвышенность в Киеве — 52

Замковая гора, возвышенность в Новгороде-Северском, «град» северян — 176, 178

Замковая гора, урочище в центре города Белая Церковь, комплекс археологических памятников IX–XIII вв.; см. также *Юрьев* — 144

Замок, урочище у села Сенча Лохвицкого района Полтавской области, древнерусское городище; см. также *Синеч* — 211

Западный Буг, река — 44

Заречек, древнерусский город в Киевской земле — 155

Заречье, населенный пункт в Киевской области, древнерусское городище — 115, 162

Зартый, древнерусский город в Переяславской области, затем Новгород-Северской земле — 17, 194–196

Заруб, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Монастырек* — 126, 133, 135, 153

Захарово, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Звенигород, древнерусский город в Киевской земле — 149, 152, 153

звенигородцы, территориальная община — 171

Звеничев, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Здвиж, река — 46, 50

Здвижень, древнерусский город в Киевской земле — 149

Зеленый Гай, село Лебединского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 33, 61

Змиевы валы, оборонительные сооружения на юге Древней Руси — 38, 115, 136, 149, 211

Иван, древнерусский город в Киевской земле — 35, 79, 81, 82, 126, 132, 134, 135

Иванков, районный центр Киевской области, «град», племенной центр древлян — 31, 45

Ивановка, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Ивля, река — 131, 142

Изяславль, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Городище, село в Хмельницкой области* — 79, 80, 82, 83, 157

Иорданская церковь в Киеве — 52

св. Ирины монастырь около древнерусского Киева — 101

Ирпень, река — 46, 50, 65, 112, 114, 115, 126, 149, 227

Ирша, река — 46, 50

Искоростень, племенной центр древлян и древнерусский город в Киевской земле — 28, 31, 33, 44, 68, 149

Исток, древнерусский город в Киевской земле — 155

Кавказ — 49, 72

Калка, река — 147, 184, 188, 216

Каменец, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Новый Мирополь* — 155, 156, 159, 170, 216

Каменное, село Лебединского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61

Канев, город в Киевской области, комплекс археологических памятников XII–XIII вв.; см. также *Канев, древнерусский город* — 54, 65, 137, 145, 148

Канев, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Канев, город в Киевской области* — 25, 31, 42, 49, 86, 135, 143, 145–147, 174

Капыстичи, село Рыльского района Курской области, городище северян — 60

Картамышево, населенный пункт в Обоянском районе Курской области, «град», племенной центр северян — 60

Киев, восточнославянский и древнерусский город; см. также *Киев, столица Украины* — 11, 12, 18, 20, 30–35, 52, 53, 67, 68, 70–75, 78, 86, 88–91, 93–97, 99, 100, 102–112, 114–116, 118–121, 123–127, 130–135, 139, 140, 143, 145, 148–154, 156–158, 162–166, 168, 170, 172–178, 182, 184–186, 194, 195, 197, 203, 205–209, 214–217, 219–222, 226, 227

Киев, столица Украины — 7, 21, 29, 37, 46, 49, 51, 53, 56, 65, 77, 155, 157, 189, 190

киевляне («кияне»), племенная, с XI в. территориальная община — 71, 72, 75, 91, 93–97, 99–101, 103, 104, 107, 119, 128, 149, 152, 153, 165, 166, 180, 192, 195, 207, 219, 220

Киево-Печерский монастырь — 73, 78, 104, 128, 214, 215

Киевская губерния — 49

Киевская земля (волость, княжество) — 5, 8, 15, 18–20, 28, 30, 31, 34, 42, 78, 85–91, 98, 100–102, 106, 109–111, 115–119, 121–127, 129–137, 139–141, 143, 145, 147–150, 152–153, 155–160, 165, 167, 168, 172, 173, 196, 199, 201, 203, 213, 223, 226, 227

Киевская Русь, межплеменное образование — 7, 8, 15, 76, 217, 226

Киевские горы (на правом берегу Днепра) — 52, 53, 71

Киевский государственный университет — 117

Кизиверское городище — 38

Киселевка, возвышенность в Киеве — 52

Кистунская крепость, «град» северян в Трубчевске Черниговской области — 59

Китаев, пригород Киева, племенной центр полян или уличей, древнерусское городище; см. также *Пересечен* — 49, 53, 115, 126, 132, 133

Киянка, ручей в Киеве — 52

Клеческ, древнерусский город в Киевской земле — 87

Клонов, село Репкинского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Клюква, село в Курской области, курганный могильник северян — 61

Кнышевка, село Гадячского района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61

Княжа гора, возвышенность возле Канева, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» полян; см. также *Родень* — 25, 54, 137, 138

Кобуд, «болоховское» поселение в Киевской земле — 159

ковуи, служилые кочевники — 146, 183

Колодезь, село Обоянского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 60

Колодяжин, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Великие Деревичи* — 38, 79, 80, 82, 156, 159

Колычевка, село Менского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Константинополь, столица Византийской империи — 53, 198

Коптева гора в Путивле, «град» северян — 77, 183

Копырев конец, район в древнерусском Киеве — 99

Корачев, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 197

Коронный замок, урочище в районе Седневского археологического комплекса, городище северян — 58, 191

Корсунь, древнерусский город в Киевской земле — 25, 31, 35, 42, 86, 135, 137, 143

Корчesk, древнерусский город в Киевской земле — 154–156, 163

Котельница, древнерусский город в Киевской земле — 86, 128, 156, 157, 159

Крапивна, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Красен (Красн), древнерусский город в Киевской земле — 127, 149

Красный Колядин, село Талалаевского района Черниговской области, комплекс археологических памятников VIII–XIII вв.; см. также *Глебль* — 62

кривичи, союз восточнославянских племен — 76, 216, 218, 219

Кром, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 197

Княтин, древнерусский город в Переяславской земле — 211

Кульдеюров, укрепленное поселение черных клобуков в Киевской земле — 35, 136

Кунилья, укрепленное поселение черных клобуков в Киевской земле — 35, 136

Курск, древнерусский город в Посеймье — 17, 25, 31, 32, 42, 214–223

Курск, областной центр — 47, 57

Курское Посеймье, регион — 44, 57, 60, 194, 214–224

курчане («куряне»), территориальная община — 85, 214, 215, 218, 220, 221, 223

Кучар, древнерусский город в Киевской земле — 149

Левобережье Днепра; см. *Днепровское Левобережье*

Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена — 170

Ленино, «болоховское» городище — 159

Леньково, село Новгород-Северского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Лепляво, село Каневского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 64, 68

Лесковое, урочище на берегу реки Белоус в Черниговской области, древнерусское селище — 31, 200, 201

Лещиновка, село Глушковского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 62

Либедь, мифический город — 71

Липно, село Прямыцинского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян и древнерусской территориальной общиной — 60, 214

Липовое, село в Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 33, 63

Листвен, древнерусский город в Черниговской земле; см. также *Лесковое, Малый Листвен* — 31, 55, 77, 198, 200, 201

литва, прибалтийские племена — 142

Литвиновичи, село Путивльского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59, 69

Логожск, древнерусский город в Полоцкой земле — 216

Лохвица, районный центр Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян и древнерусской территориальной общиной — 63, 211

Лубен, древнерусский город в Переяславской земле — 211, 213

Лубны, город в Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63

Лукомль, древнерусский город в Переяславской земле — 210

Лутава, древнерусский город в Черниговской земле — 201, 210

Лыбедь, река — 127

Лысая гора, возвышенность в Киеве — 52

Лысица, возвышенность в селе Любеч, восточнославянский «град» — 55, 77, 199

Льгов (Ольгов), древнерусский город в Курском Посеймье — 214

Любар, районный центр Житомирской области, укрепленное поселение XII–XIII вв.; см. также *Болохов* — 169

Любеч, племенной центр северян, древнерусский город; см. также *Любеч, село в Черниговской области* — 25, 31, 34, 53, 71, 77, 198–201

Любеч, село Репкинского района Черниговской области, комплекс археологических памятников периода бронзы – XII в.; см. также *Любеч, племенной центр северян, древнерусский город* — 55, 68, 77, 198

любечане, территориальная община — 199, 200

Мазепина гора, возвышенность в селе Любеч, «детинец» древнерусского города — 199

Малая Глумча, село Емельчицкого района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Малин, «град», племенной центр древлян — 45

Малый Листвен, село Репкинского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55, 200, 201

Малютин, древнерусский город в Переяславской земле; см. также *Миклашевский* — 210

Маренин, село в Житомирской области, «град», племенной центр древлян — 48

Марьяновка, населенный пункт в Курской области, курганный могильник северян — 60

Маслово, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Медвежье, село Роменского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63

Межибожье, древнерусский город в Киевской земле — 86, 156, 157, 159, 165, 169, 171

Мена, река — 47, 55, 56, 58, 59, 183, 190

Мешково, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214
Миклашевский, хутор в Гридижском районе Полтавской области, древнерусское городище; см. также *Малютин* — 38, 79, 210
Микулин, древнерусский город в Киевской земле — 155, 156
Мильск, древнерусский город в Киевской земле — 155, 156
Мирополь, населенный пункт в Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 45
Мирославское, село около Витичева — 133
св. Михаила церковь в Городце-Остерском — 208
Михайлов, древнерусский город в Киевской земле — 86, 154
михайловцы, территориальная община — 154
мичане, территориальная община — 151
Мическ (Мичск), древнерусский город в Киевской земле — 149–151
Мльны, село Лохвицкого района Полтавской области, курганный могильник северян — 63
Мовчанское болото, село Путивльского района Сумской области, курганный могильник северян — 60
Могрица, село Миропольского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61
Мозырь, древнерусский город в Киевской земле — 87
Молдавия — 34
Монастырек, село Каневского района Киевской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» полян и древнерусской территориальной общиной; см. также *Заруб* — 31, 49, 54, 68, 132–134
Монастырище, урочище в городе Ромны, городище северян; см. также *Ромны* — 63
монголо-татары — 17, 124, 136, 170, 171, 183, 195
Моровийск, древнерусский город в Черниговской земле — 201
Моровск, село Козелецкого района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55
Московская земля — 64
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — 24
Мунарев, древнерусский город в Киевской земле — 149, 152
Муром, древнерусский город в Рязанской земле — 218
«муромци», территориальная община — 218

Мутижир, древнерусский город в Киевской земле — 149

Мценск, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 197

Набутов, село на левом берегу Роси, древнерусское городище (Очаковское) — 135

Небль, древнерусский город в Киевской земле — 156

Нежатин, древнерусский город в Переяславской земле — 209

Несолонь, село Новгород-Волынского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44, 77

Неятин, древнерусский город в Киевской земле — 135, 136

Николаевка, село Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, комплекс археологических памятников XI в. — 76, 77, 135, 138

Никольская Горка, урочище в Путивле, «град», племенной центр северян — 77, 183

Никольская Горка, урочище в селе Сенча, древнерусское городище — 211

Никольская церковь в Новгороде-Северском — 176–178

Новая Слобода, населенный пункт Путивльского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Новгород Великий, город в Северо-Западной Руси — 93, 98, 117, 180

Новгород-Волынский, районный центр в Житомирской области — 44

Новгород-Святополч, древнерусский город — см. *Витичев*

Новгород-Северская земля (княжество) — 39, 176, 180–183, 187, 190–192, 197, 214, 223, 224, 227

Новгород-Северский, город, районный центр Черниговской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв.; см. также *Новгород-Северский, племенной центр северян, древнерусский город* — 59, 177, 178

Новгород-Северский, племенной центр северян, древнерусский город; см. также *Новгород-Северский, районный центр Черниговской области* — 25, 32, 40, 42, 52, 53, 59, 85, 176, 178–184, 186, 188, 190–197, 207, 217, 220, 222, 227

Новгородская земля — 93

Новотроицкое, село Лебединского района Сумской области, «град», племенной центр северян — 34, 62, 68

Новый Мирополь, село Любарского района Житомирской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени; см. также *Каменец* — 159

Норинск, село Овручского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Норинцы, село Народицкого района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Овруч (Вручий), древлянский и древнерусский город — 48, 86, 105, 149, 150

Ока, река — 197, 214

Октябрьское, село Путивльского района Сумской области, курганный могильник северян — 62

Олевск, поселок Овручского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44, 77

Ольгов, древнерусский город в Курском Посеймье — 214

Ораное, село на реке Тетерев, древлянский и древнерусский город

Оран — 45

Оргош, древнерусский город в Черниговской земле — 17, 198, 201

Орешня, урочище на территории Седневского археологического комплекса, городище северян — 58, 77, 190, 191

Остер, река — 40, 47, 55, 56, 76, 202

Палермо, город на Сицилии — 210

Переверзево, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Переволока, древнерусский город в Переяславской земле — 211

Пересажа, село в Черниговской области, курганный могильник северян — 58

Пересечен, племенной центр уличей; см. также *Китаев* — 126, 132

Пересопница, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Белев* — 25, 32, 48, 88, 155–158, 160–165, 168, 169, 171, 172

Переяславль Южный, древнерусский город; см. также *Переяслав-Хмельницкий* — 16–18, 20, 33, 52, 68, 101, 124, 141, 146, 152, 153, 176, 188, 194, 195, 203–210, 213, 216–222, 224, 226, 227

Переяславская (Переяславльская) земля (княжество) — 5, 8, 17, 19, 20, 42, 78, 85, 94, 175, 198, 203–205, 210, 211, 213, 223, 226, 227

Переяслав-Хмельницкий, город в Киевской области, комплекс археологических памятников, оставленных восточными славянами и древнерусской территориальной общиной; см. также *Переяславль Южный* — 38, 63, 64

переяславцы, территориальная община — 180, 192, 195, 206, 207, 209, 218

Песочен (Посечен), древнерусский город в Переяславской земле — 211

Петровское, село Тростянецкого района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 62

печенеги, тюркоязычные кочевники — 14, 17, 94, 135, 136, 145–147, 177, 178

Пилиповичи, пригород Новгорода-Волынского, районного центра в Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 44

Пироговское городище, поселение полян — 115

Побужье, регион — 25, 87, 157, 171

Поволховье, регион — 29

Погорынская (Погорынье) область -пригород в Киевской земле — 18, 86, 87, 126, 129, 154–158, 160–173, 216, 227

Погребок, урочище в Картамышево, «град», племенной центр северян — 60

Подесенье, регион — 7, 177, 192, 224

Подмонастырская Слобода, урочище в Путивле, городище северян — 183

Поднепровская область-пригород в Киевской земле — 87, 125–127, 129, 130, 132–135, 137, 173

Поднепровье (Приднепровье), регион — 12, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 25, 27, 43, 71, 75, 76, 225, 227

Поднестровье, регион — 25

Поздеevo, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Полкостень, древнерусский город в Переяславской земле — 211

Половецкий, хутор на левом берегу Роси, древнерусское городище — 135

половцы, тюркоязычные кочевники — 14, 17, 107, 123, 130, 131, 136, 142, 146, 147, 149, 152, 154, 178, 187, 188, 191, 192, 195, 210, 211, 213, 216, 218, 223

Полонный, древнерусский город в Киевской земле — 31, 86, 155–157, 159, 168, 169, 171

Полоцкая земля — 219

Полтавская губерния — 21

Польша — 167

поляки («ляхи») — 136, 138

поляне, союз восточнославянских племен — 8, 16, 28, 34, 43, 44, 49, 51–53, 55, 57, 58, 64–66, 71, 73, 75, 76, 175, 177, 225, 226

Попаш, древнерусский город в Переяславской, затем Новгород-Северской земле — 42, 194, 195

Поросская (Поросье) область-пригород в Киевской земле — 18, 76, 87, 125, 127, 132, 135–143, 145–149, 153, 173, 227

порошане, полиэтничное население Поросья — 142, 147, 153

Посулье, регион — 17, 57, 61, 63, 194, 210, 212–214

Преображения Господня церковь в Василеве — 73

Приильменье, регион — 29

Прилук, древнерусский город в Переяславской земле — 211, 213

Припять, река — 46, 50, 64

Пристромы, село Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 64

Псел, река — 7, 47, 57, 61, 65, 214

Псков, город в Северо-Западной Руси — 216

«путивлицы», территориальная община — 185, 187

Путивль, город, районный центр Сумской области, комплекс археологических памятников VIII–XIII вв.; см. также *Путивль, племенной центр северян, древнерусский город* — 59, 77

Путивль, племенной центр северян, древнерусский город в Новгород-Северской земле; см. также *Путивль, город в Сумской области* — 18, 25, 31, 32, 40, 42, 59, 77, 183–188, 195–197, 214, 223

Путивлька, река — 184

Путивльская земля (волость) — 186, 187

путивляне («путивльцы»), территориальная община — 85, 184–187

радимичи, союз восточнославянских племен — 43, 64, 75

Разино, «болоховское» городище — 159

Райки, село Бердичевского района Житомирской области, комплекс археологических памятников X–XIII вв.; см. также *Райковецкое городище* — 45

Райковецкое городище, археологический памятник древлян и древнерусской территориальной общины; см. также *Райки, село в Житомирской области* — 24, 38, 79, 80, 82, 84, 156, 159

Растовец, древнерусский город в Киевской земле — 135, 136

Речица, село Овручского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Ржищев, древнерусский город в Киевской земле — 126

Римов, древнерусский город в Переяславской земле; см. также *Великая Буримка* — 82, 210–212

римовичи, территориальная община — 212

Ровенская область, Украина — 161

Рогоща, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

Родень, племенной центр полян и древнерусский город в Киевской земле; см. также *Княжа гора* — 25, 28, 54, 68, 79, 82, 83, 135, 137, 138

Ромен, древнерусский город в Переяславской земле — 211, 213

Ромен, река — 47, 56, 57, 202, 203

Ромны, город в Сумской области, городище северян — 63

Ропеск, древнерусский город в Черниговской земле — 183, 193

Россава, река — 78, 135, 136

Россия — 20, 22, 28, 34, 76, 111, 198

Росохи, село Народицкого района Житомирской области, восточнославянский могильник — 48

Ростов, город в Северо-Восточной Руси — 93, 94

Ростовская земля — 93

Рось, река — 7, 47, 51, 64, 65, 68, 76, 78, 122, 123, 125, 133, 135–138, 144, 154

Ротовка, село Глуховского района Сумской области, курганный могильник северян — 60

Русская земля, межплеменное образование — 7, 8, 39, 49, 70, 71, 73–76, 89, 96, 156, 175, 190, 192, 195, 198, 199, 216, 217, 226

Рыльск, древнерусский город в Черниговской земле; см. также *Рыльск, населенный пункт в Курской области* — 40, 187, 188, 198, 214, 223

Рыльск, населенный пункт в Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян; см. также *Рыльск, древнерусский город* — 59

Рязань, древнерусский город — 188

Сады, село Гадячского района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61

Саков, древнерусский город в Киевской земле — 126

Сампсониев остров, урочище около села Сенча, древнерусское городище — 211

Санкт-Петербургский (Ленинградский) государственный университет — 10, 23, 26, 41, 53, 66, 99, 225

Сапогово, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214

Сапогын, древнерусский город в Киевской земле — 156

Сахновка, село Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, древнерусское городище — 79, 135, 137, 147

Свапа, река — 47, 57, 59

Свиридовка, село Лохвицкого района Полтавской области, городище северян — 63

Свишполь, село Коростышевского района Житомирской области, восточнославянский могильник — 49

Святополч-град — см. *Витичев*

Северо-Восточная Русь, регион; см. также *Владими́ро-Суздальская земля* — 29, 131, 133, 141, 143, 149, 220, 223

Северск, племенной центр северян — 177

Северская земля; см. также *Черниговская, Новгород-Северская земли* — 7, 16, 17, 175, 181, 182, 185, 195, 198

Северский Донец, река — 7, 47, 214

северяне, союз восточнославянских племен — 8, 16, 17, 20, 21, 34, 43, 44, 49, 51, 56, 57, 64–67, 75, 175–178, 189, 225, 226

Седнев, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 33, 77, 190

Сейм, река — 7, 47, 56, 57, 59, 65, 181, 184, 194, 201, 214, 218–220

Семиренки, «болоховское» городище — 159

Семоц, древнерусский город в Киевской земле — 156, 171

Сенча, село Лохвицкого района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян и древнерусской территориальной общиной; см. также *Синеч* — 63, 211

Серебряный, древнерусское поселение в Переяславской земле — 210

Сибереж, село в Черниговской области, курганный могильник северян — 58

Синеч, древнерусский город в Переяславской земле; см. также *Сенча* — 211

Синин мост, древнерусское поселение в Новгород-Северской земле — 183

Скандинавия — 33, 92

Скоробогатки, село Лохвицкого района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63

Слабино, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55

словене, союз восточнославянских племен — 76

Случь, река — 44, 46, 50, 154–157
Смоленск, древнерусский город — 53, 124, 218
Смоленская земля (княжество) — 29
Смолино, село Черниговского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 55
Снепород, древнерусский город в Переяславской земле — 211
Снитин, село Лубенского района Полтавской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 63
Сновск (Седнев), древнерусский город; см. также *Седнев, село в Черниговской области* — 17, 31, 58, 77, 183, 188–192, 197
Сновская волость — 183, 189–192
Сновь, река — 47, 56, 64, 183, 190
Сосница, районный центр Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян и древнерусской территориальной общиной — 59, 183, 203
Сосниччина, округ — 23
Спасо-Преображенский (Спасский) собор в Чернигове — 69
Спаш, древнерусский город в Новгород-Северской земле — 197
Среднее Поднепровье, регион — 18, 21, 25, 38, 44, 76, 80, 114, 115, 133, 136–139, 149, 177, 189, 211, 226
Стародуб, древнерусский город в Черниговской земле — 32, 183, 188, 190–194, 197
стародубцы, территориальная община — 192–194
Старокиевская (Андреевская) гора, возвышенность в Киеве, городище полян, их племенной центр — 52, 68
Старые Безрадици, село Обуховского района Киевской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени; см. также *Тумац* — 153
Старый город, населенный пункт в Курской области, «град», племенной центр северян — 60
Старый Острополь, «болоховское» городище — 159
Степань, древнерусский город в Киевской земле — 155
Степь, степи Северного Причерноморья — 19, 28, 67, 76, 114, 121–123, 136, 138, 182, 187, 194, 212, 213, 223, 227
Стрижень, река — 58, 69
Стубл, река — 154, 161
Стугна, река — 40, 76, 115, 126, 149, 154, 227

Стырь, река — 7, 46, 64, 154
Сугрово I, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214
Сугрово II, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214
Суздаль, город в Северо-Восточной Руси — 103, 208
Сула, река — 40, 47, 57, 62, 64, 76, 194, 202, 203, 210–212
Сумы, областной центр — 47, 57
Супой, река — 47, 51, 56
Табаевка, село в Черниговской области, курганный могильник северян — 58
Тагино, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214
Терн, река — 194
Тетерев, река — 31, 44–46, 50, 65, 84, 115, 125, 149–151, 157, 171, 227
Титово, древнерусское городище в Курском Посеймье — 214
Тихомль, древнерусский город в Киевской земле — 155, 157, 165, 168, 169
Товаров, древнерусский город в Киевской земле — 135
Тополі, село Сумского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61
торки, тюркоязычные кочевники — 14, 17, 130, 136, 145–147, 209, 213
«торцы», территориальная община — 139
Торческ, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Шарки* — 25, 31, 42, 83, 86, 88, 122, 127, 135, 137, 139–143, 146, 148, 149, 174
Треполь, древнерусский город в Киевской земле — 25, 31, 35, 42, 86, 88, 123, 126, 127, 129–132, 143, 174
трепольцы, территориальная община — 103, 128–131
Трубеж, река — 47, 51, 56, 63, 76, 206–210, 213, 220, 221
Трубеч (Трубчевск), племенной центр северян и древнерусский город в Черниговской земле — 25, 40, 187, 188, 198, 223
трубчане («троубчане»), территориальная община — 85, 188
Трубчевск, населенный пункт в Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59, 188
Тумащ, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Старые Безрадици* — 149, 152, 153
Туров, древнерусский город в Турово-Пинской земле — 88, 93, 97, 159, 186, 195
Турово-Пинская земля — 87, 88, 93
Убедь, река — 183

Уборть, река — 7, 46, 50
Удай, река — 47, 56, 57, 203, 210
Уж, река — 7, 44, 50, 126, 149, 227
Украина (Украинская ССР) — 18, 25, 26, 30, 37, 38, 48, 55, 65, 67, 70, 78, 79, 83, 91, 93, 94, 98, 111, 132, 136, 145, 148, 154, 156, 157, 160, 161, 170, 175, 179, 182, 183, 195
уличи, союз восточнославянских племен — 75
Уненеж, древнерусский город в Черниговской земле — 17, 202
Успенский собор в Новгороде-Северском — 176–178
Устье, древнерусский город в Переяславской земле — 203, 210
Ушеск, древнерусский город в Киевской земле — 149
Феддерзен Вирде, комплекс археологических памятников раннего Средневековья в Нижней Саксонии — 80, 81
Фрузиновка, село Чернобыльского района Киевской области, «град», племенной центр древлян — 48
Хазарский каганат (Хазария) — 49, 73, 177
хазары — 75, 136
Халеп, древнерусский город в Киевской земле — 126
Харьков, город — 21
Хижки, село Конотопского района Сумской области, городище северян — 62
Хитцы, село Лубенского района Полтавской области, городище северян — 63
Ховзовка, село Путивльского района Сумской области, городище северян — 60
Ходоров, древнерусский город в Киевской земле — 79, 126, 132, 134, 135
Холодянов, населенный пункт в Сумской области, курганный могильник северян — 60
Хомара, река — 156, 157
Хоревица, мифический город — 71
Хоробор (Хороборь), древнерусский город в Черниговской земле — 17, 203
Царьград — см. *Константинополь*
Чемерин, древнерусский город в Киевской земле — 156
Червоный ранок, село Кролевецкого района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59
Чернев, древнерусский город в Киевской земле — 149

Чернигов, город, областной центр; см. также *Чернигов, древнерусский город* — 21, 55, 56, 58, 69

Чернигов, древнерусский город; см. также *Чернигов, областной центр* — 16, 18, 20, 21, 32, 33, 58, 68, 69, 74, 75, 78, 102, 176, 178–184, 188, 191–193, 196–202, 205, 207, 216–224, 226, 227

Чернигово-Северская земля; см. также *Черниговская земля, Новгород-Северская земля* — 7, 20, 38, 39, 185, 190, 193, 197

Черниговская губерния — 17

Черниговская земля (волость, княжество) — 5, 7, 8, 19, 20, 38, 39, 42, 78, 85, 175, 176, 179–183, 187, 189–191, 194, 197, 199, 201, 203, 213–216, 248, 221–224, 226, 227

черниговцы, племенная, с XI в. территориальная община — 75, 178, 182, 192, 196, 220

Чернобыль, местность в Киевской земле — 142

Черное море — 147

черные клобуки, служилые кочевники — 16, 28, 35, 103, 118, 136, 137, 139, 142, 148, 152, 153

Чучин, древнерусский город в Киевской земле — 31, 35, 79, 82, 83, 126, 132–135

чюдь, финно-угорские племена — 76

Чюрнаев, укрепленное поселение черных клобуков в Киевской земле — 31, 35, 136

Шабалинов, село Коропского района Черниговской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 59

Шарки, село Ракитнянского района Киевской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени; см. также *Торческ* — 139

Шестовицы, населенный пункт в Черниговской области, комплекс археологических памятников древнерусского времени — 33, 58, 68

Шпилевка, село Сумского района Сумской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян — 61

Шумск, населенный пункт в Житомирской области, племенной центр древлян, древнерусский город в Киевской земле — 48, 155, 157, 165, 168, 171

Шумск, село в Сумской области, городище северян — 63

Щекавица, мифический город — 71

Щуклинка, село Курского района Курской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» северян и древнерусской территориальной общиной — 60, 214

Эготорп, комплекс археологических памятников раннего Средневековья на острове Эланд — 80, 81

Эзинге, комплекс археологических памятников раннего Средневековья в Нижней Саксонии — 80, 81

Юго-Западная Русь, регион — 10, 43, 149, 152, 170, 227

Южная Русь, регион — 7, 8, 10, 12, 14, 15, 18, 21, 22, 24–26, 28, 30, 32, 34, 35, 37, 42–44, 64–67, 69, 75–78, 83, 85, 88, 110, 123, 129, 133, 140, 145, 152, 173, 177, 184, 194, 199, 216, 218, 224–227

Южный Буг, река — 154, 156, 157, 160, 171

Юрьев, древнерусский город в Киевской земле; см. также *Замковая гора, урочище в центре Белой Церкви* — 25, 31, 81, 82, 133, 135, 137, 144, 145, 148

«Юрьеве городище на усть Курицы», укрепленное поселение в Вырской волости, центр территориальной общины — 194

юрьевцы («гуровцы»), территориальная община — 85, 133, 145

Яроповичи, населенный пункт Андрушевского района Житомирской области, комплекс археологических памятников, оставленных «малым племенем» древлян — 45

Ярополч, древнерусский город в Киевской земле — 149

Научное издание

Ирина Борисовна Михайлова

**Малые города Южной Руси
в VIII – начале XIII века**

Редактор *З. А. Лурье*
Корректор *Н. В. Бакланова*
Компьютерная верстка *Е. М. Николаевой*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 01.12.2010.
Формат 60 x 84/16. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 150 экз. Заказ 49.

Издательство Санкт-Петербургского университета
199004, Санкт-Петербург, В. О. 6-я линия, 11/21.

Отпечатано на полиграфической базе Исторического факультета СПбГУ
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, 5.